

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 • 2018

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Старилов,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор
(Академия права и управления ФСИН);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябина, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Адрес редакции:

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 11,0. Усл. п. л. 11,0

Тираж 550 экз. Заказ 39

Дата выхода в свет 29.12.2018

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2018

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2018

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 4 • 2018

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor
(Academy of law and management of the Federal
service of execution of punishments);

E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor
(Southwest State University);

M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor
(Baikal State University);

V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy) ;

O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University)

Editorial address:

394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2018

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

8	 ЛИТЕРАТУРА И ПРАВОСУДИЕ
	<i>Победкин А. В.</i> Судопроизводство в творчестве Александра Пушкина: промолчал ли Бог?8
18	ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
	<i>Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.</i> Очередные парадоксы уголовно- процессуального регулирования (в связи с Федеральным законом № 72-ФЗ от 18.04.2018 и № 376-ФЗ от 30.10.2018) 18
	<i>Зотов Д. В.</i> Юридические экспертизы в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы и возможные пути регламентации 23
	ВОПРОСЫ
60	УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
	<i>Баева Н. А.</i> Международно-правовые и конституционные стандарты защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве60
	<i>Саратова О. В.</i> Проблемы судебной защиты конституционных прав и свобод граждан68
	ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
71	И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
	<i>Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н.</i> О некоторых вопросах обеспечения независимости органов судейского сообщества71
	ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА В. А. ПАНЮШКИНА):
77	 МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА (5 ОКТЯБРЯ 2018 Г.)
	<i>Астафьев Ю. В.</i> Хранитель памяти78
	<i>Листенгартен В. С.</i> Теория и практика педагогики высшей школы в творческой судьбе профессора В. А. Панюшкина81
	<i>Белоконь Г. Г.</i> Проблемы организации образовательного процесса в бакалавриате и специалитете на юридическом факультете Воронежского государственного университета84
	<i>Сливкин А. И.</i> Самый человечный декан89
	<i>Артюхов В. Г.</i> «Университетский человек»91
	<i>Маслов А. Е.</i> Слово о друге92
	<i>Бялкина Т. М.</i> Вспоминая Валентина Анатольевича...99
	<i>Гриценко В. В.</i> Вся наша жизнь состоит из эпизодов, наполненных воспоминаниями о встречах, разговорах... 100
	<i>Матвеева Т. А.</i> «Как молоды мы были... Как верили в себя...» 103
	<i>Бутусова Н. В.</i> Человек, любящий людей 105
	<i>Сазонникова Е. В.</i> Декан и я (пять фрагментов из разных лет) 107
	<i>Стояновский М. В.</i> Памяти В. А. Панюшкина 111

	Фомина А. С. Доброта сердца, тепло души, мастерство педагога, талант руководителя... ..	114
	Сибирцев Г. И. В память об Учителе	117
	Малахова Л. И. Идеи будут жить... ..	119
	Аузина М. В., Денисова Н. В., Обухова М. Б., Тройнина И. С., Шелудякова Т. В. В. А. Панюшкин в приемной кампании юридического факультета ВГУ	120
	Бирюков П. Н. Памяти старшего друга	121
	Савицкая И. Г. Мои воспоминания о профессоре В. А. Панюшкине	122
124	 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	Зотов Д. Visual Argument.....	124

CONTENTS

8	LINERATURE AND JUSTICE
	<i>Pobedkin A. V.</i> Legal proceedings in the works of Alexander Pushkin: is god silent?8
18	GENERAL PROVISIONS OF THE CRIMINALPROCESS
	<i>Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z.</i> Regular paradoxes of criminal procedure regulation (in connection with Federal Law № 72-FZ of 04.18.2018 and № 376-FZ of 10.30.2018).....18
	<i>Zotov D. V.</i> Legal expertise in criminal proceedings: posing the problem and possible ways of regulation23
60	QUESTIONS OF CRIMINAL PROCEDUREPROTECTION
	<i>Baeva N. A.</i> International legal and constitutional standards for the protection of citizens' rights and interests in criminal proceedings60
	<i>Saratova O. V.</i> Problems of judicial protection of constitutional rights and freedoms of citizens.....68
71	ORGANIZATION OF JUDICIAL POWER AND LAW ENFORCEMENTACTIVITIES
	<i>Syshchikova T. M., Shabanov P. N.</i> About some questions of ensuring the independence of bodies of judicial community71
77	TRADITIONS AND NOVATIONS IN LEGAL EDUCATION (TO 65TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR V. A. PANIUSHKIN):MATERIALS OF ROUND TABLE (5 OCTOBER 2018)
124	ARTS AND JUSTICE
	<i>Zotov D.</i> Visual Argument124

УДК 340; 343

А. В. Победкин

СУДОПРОИЗВОДСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА: ПРОМОЛЧАЛ ЛИ БОГ?

В статье-размышлении поднимается вопрос о причинах, по которым великий национальный поэт А. Пушкин оставался равнодушным к сюжетам, основанным на расследованиях, судопроизводстве, правосудии. Оригинальность подхода состоит в том, что творчество А. Пушкина рассматривается как откровение, ниспосланное России свыше, что, учитывая отсутствие интереса гения к этой тематике, могло бы свидетельствовать об ошибочности распространенного мнения об особом подвижническом призвании должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Однако на основе анализа идей, развиваемых А. С. Пушкиным в своих творениях, сделан предположительный вывод о концептуальных основах судопроизводства, которые, возможно, он видел. Эти основы А. С. Пушкин мог усмотреть в народном понимании справедливости, имеющем природу духовного откровения. Зерна народной справедливости и сегодня следует возвращать и развивать в судопроизводстве, прежде всего уголовном.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Александр Пушкин, нравственные начала судопроизводства, участие граждан в отправлении правосудия, справедливость, принципы судопроизводства.

LEGAL PROCEEDINGS IN THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN: IS GOD SILENT?

The article raises the question about the reasons why the great national poet Alexander Pushkin remained indifferent to subjects based on investigations, legal proceedings, and justice. The originality of the approach is that the work of Alexander Pushkin is viewed as a revelation given to Russia from above, which, given the lack of interest of genius in this subject, could indicate the erroneousness of the widespread opinion about the special ascetic vocation of officials conducting criminal proceedings. However, based on the analysis of ideas developed by A. S. Pushkin in his works, the article made a conjectural conclusion about the conceptual basis of legal proceedings, which Pushkin may have seen. These are the basics of A. S. Pushkin could see in the national understanding of justice, which has the nature of spiritual revelation. Even today, the seeds of people's justice should be cultivated and developed in legal proceedings and, above all, criminal ones.
K e y w o r d s: Alexander Pushkin, moral principles of legal proceedings, citizen participation in the administration of justice, justice, principles of legal proceedings.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Ты, Моцарт, бог и сам того не знаешь.
А. С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»

Ты был богов орган живой.
Ф. И. Тютчев

Вряд кто-то всерьез будет отрицать, что Александр Сергеевич Пушкин – не просто национальная гордость России, творчество которого – неисчерпаемый

океан, питающий интеллектуальные и эмоциональные потребности российского народа, но и абсолютный масштаб нравственности, заложенный в произведениях гения и доказанный его жизнью.

А. Пушкин приходит к нам почти с молоком матери, питая и воспитывая нас, формируя Человека, одухотворяя отечественными ценностями, закладывая нравственную арматуру, которая не позволяет рухнуть перед тягчайшими испытаниями.

Россия – великая страна и потому, что ее народ воспитан Пушкиным. Его замалчивают зарубежные недруги, но втайне изучают его творчество, безуспешно и безнадежно пытаюсь раскрыть непостижимую тайну величия народа России, найти ключ, «кнопку», позволяющие управлять россиянами, усмирять их и контролировать. Понять, что такое Пушкин для России дано только тому, кто взращен Пушкиным, кто слушал его сказки в раннем детстве, в ком он незримо живет. Мы уже и не осознаем его присутствия в нас, как не осознаем ток крови: она, бесшумно текущая по нашим сосудам, просто дает нам жизнь. Пушкин – просто необходимое условие нашей жизни, идущей в его, пушкинском, русле, заложенном в раннем, далеком, уже немного подзабытом детстве.

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Он, никогда не бывавший за границей, – явление мирового масштаба «с уникальной «всемирной отзывчивостью» (Ф. М. Достоевский), понимавший ментальность и других народов и удивительно точно отражавший ее в своих произведениях. Здесь Достоевский, доказывавший эту характеристику пушкинского творчества в своей знаменитой речи о Пушкине, произнесенной 8 (20) июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, обратил наш взор к удивительному. Национальный поэт России видел и понимал весь мир, как никто из иностранных гениев не понимает Россию. Пушкин, поднявший национальные духовные ценности на новые высоты, миру непостижимые, загадал ему неразрешимую загадку, попытки разгадать которую ввергают зарубежных исследователей нашего Отечества в восхищение, страх, ненависть, злобу, любовь, в основе которых всегда – чувство бессилия перед пушкинской Россией.

Один известный ученый-криминолог в беседе с автором настоящей статьи о поэзии в ряду выдающихся российских поэтов не назвал Пушкина. На естественное напоминание о том, что Пушкин, конечно, в этом ряду, он убежденно возразил: «Пушкина не упомянул умышленно. Пушкин не в этом ряду, он принципиально отличается от других писателей и поэтов, ибо ему диктовал сам Бог. Пушкину диктовал Бог! Он довел до нас через Пушкина то, что нужно России, ее народу, на чем «основано от века, / По воле Бога Самого, / Самостоянье человека, / Залог величия его». Не в этом ли секрет неисчерпаемости пушкинского творчества, его идей, универсальности его произведений, их значимости при любых обстоятельствах и жизненных испытаниях, встающих перед нами. «Поэт не может искать

вдохновения, вдохновение само должно найти поэта», – заметил Пушкин в «Путешествии в Арзум». Бог сам должен найти нужного ему поэта. И он нашел Пушкина: «Веленью Божию, о муза, будь послушна».

«Полтора века тому назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при ее попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе ее высшие совершенства»¹, – с характерной жесткостью и прямоотой обвинял И. А. Бунин. Безжалостны и оценки М. Цветаевой, находившей свое спасение в Пушкине: «Единственный памятник, который следовало бы сбить, – это памятник Николаю I, убийце Пушкина».

Что же, «каждый в этом мире Иисус и каждый будет распят», тем более, Богом избранный.

«Мы часто обращаемся внутренним своим взором к Пушкину. Он вместил всё, чем живет человек, в пределы своей блистательной поэзии...»². Он вместил в себя всё, чем живет Россия: печаль, гордость, размах, страсть, ум, совесть, боль, надежду, доброту, сочувствие. И принял за это предательство, травлю и мученическую мужественную смерть.

Пушкин предчувствовал свою судьбу, поэтому он печальный поэт. Слово «печаль» в произведениях Пушкина встречается очень часто. Но это – светлая и мудрая печаль, которая не убивает, а одухотворяет.

В величии Пушкина, его божественном даре, промыслительных идеях не сомневаются литераторы самого крупного масштаба, хотя и самые разные по политическим взглядам, характеру, типу темперамента, литературному взгляду, вкусам, судьбе. А. Ахматова: «...он победил и время и пространство... Вся эпоха... мало-помалу стала называться пушкинской». Б. Ахмадулина делила людей на пушкинских и не имеющих отношения к Пушкину. Д. Гранин: «На Пушкине сошлись вся русская литература, вся русская культура... Пушкин – это постоянно действующая тайна, она то дается в руки, то ускользает. А может, потому что он не перестает быть очень современным... Он украсил жизнь многих поколений, придал ей духовность, совесть...»³. «Как далеко глядел он, сколь многое предвидел! И на сегодняшний день, торжественный и тревожный, он оставил нам завещание, относившееся и к себе («Нет, весь я не умру...»), и к событиям, нависшим сегодня над всем миром бешеным и мстительным Злом...»⁴ – В. Распутин. «Для меня Пушкин – великое произведение природы» – В. Катаев⁵.

Погрузившись в творчество Пушкина, можно найти ключ, который подходит к замкам самых разных по масштабам и сферам проблем. Пушкин – слово Бога о русской жизни на все времена.

И неподкупный голос мой

Был эхо русского народа.

Не странно ли, что в творениях пушкинского гения мы не найдем ясной сюжетной линии, построенной на теме судопроизводства, тайнах следствия, судеб-

¹ Бунин И. А. <Речь о Пушкине> // Окаянные дни : дневники, статьи, воспоминания. М., 2011. С. 648.

² Паустовский К. Коротко о себе // Рассказы. М., 1962. С. 16.

³ Цит. по: Лапин К. Был у Пушкина свой Сальери? Пушкин. Неслучайность всего (снова о пасквиле). М., 2017. С. 6–7.

⁴ Цит. по: Румянцев А. Валентин Распутин. М., 2016. С. 350.

⁵ Цит. по: Кузнецов А. Единство в многообразии // Катаев В. П. Собр. соч. : в 10 т. М., 1983. Т. 1. С. 24.

ных хитросплетениях. Такие сюжеты вечны, они были и всегда будут основой как для дешевых или великих детективных произведений, так и для мощных философских, психологических, морализаторских, поисковых литературных трудов. Неудивительно, что на «сюжетной линейке судопроизводства» создавали свои бессмертные романы Толстой и Достоевский, нисколько (и справедливо) не сомневаясь, что именно в этой сфере человеческой жизни потребности, страсти и идеалы людей сплетаются, сталкиваются, рушатся и торжествуют с поистине вселенским размахом: от божественных высот до животных инстинктов.

Что же Пушкин? Несколько описаний явной несправедливости и неправомерности правосудия как обыденного, привычного, неудивительного в общем-то явления («Дубровский»); многочисленные констатации пороков законов и их творцов в стихах, единичные прямые суждения о правилах судопроизводства (признании вины подсудимым, пытке) и, пожалуй, все. Пушкин не использует судопроизводство как сюжетную линию, не скрещивает судьбы в судебных заседаниях, не исследует и не рисует характеры в расследованиях замысловатых убийств.

Что вообще Пушкин, освященный Всевышним, думал о законах, судопроизводстве и людях, его осуществляющих? Почему не делал он судебных чиновников героями своих произведений (как, например, офицеров и солдат в «Капитанской дочке»), не примерял на них понятия чести, любви к Отечеству, мужества? Конечно, мы не можем не учитывать, что жизнь и творчество Пушкина пришлось на время, когда до великих судебных реформ, проведенных Александром Вторым, было еще далеко, а судопроизводство считалось едва ли не нормальной сферой взяточничества, волокиты, унижений, беззакония и несправедливости. Но Пушкин писал не о времени, а о людях, его бессмертные творения не ограничены его коротким человеческим веком, они вне времени и актуальны всегда.

Вероятно, у Пушкина были веские причины не считать судопроизводство полем, достойным для воплощения своего дара. В чем они могли состоять?

Обратимся к самому Пушкину. Вот как изображает он судопроизводство и служителей правосудия в повести «Дубровский». Несколько фрагментов. Кирила Петрович Троекуров обращается к заседателю Шабашкину (фамилия весьма характерная), склоняя того к решению об изъятии имения у Дубровских: «Врешь, братец, какие тебе документы? На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение...». А что же Шабашкин? Объяснил ли он Троекурову (по примеру офицера Петра Андреевича Гринева, отказавшемуся от предложения Пугачева примкнуть к его войску), что честь не позволяет ему поступить нарушить долг, поступить бессовестно? Нет, напротив, у Пушкина читаем, что ответ на письмо о вызове в суд Андрея Гавриловича Дубровского произвел на Шабашкина «весьма приятное впечатление». «Он увидел, что Дубровский мало знает толку в делах... что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение». И далее: «Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало ... беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль сделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову». «Шабашкин... хлопотал, ... страдая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкось всевозможные указы».

«Продажная совесть чернильного племени». Жестко. Можно, конечно, предположить, что словами Андрея Гавриловича Дубровского говорит не Пушкин, но его симпатии явно на стороне Дубровского.

Слабость человека подчеркивается Пушкиным и через речи Троекурова. Так, Кирила Петрович за ужином спрашивает полицейского чиновника:

– А что, поймаете хоть вы Дубровского, господин исправник?

– Постараемся ваше превосходительство.

– Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку все-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньги в карман. Как такого благодетеля известить? Не правда ли господин исправник?

– Сушая правда, ваше превосходительство, отвечал совершенно смутившийся исправник.

Неужели совсем нет надежды на справедливость? Видимо, все-таки есть.

После провозглашения решения суда Андрей Гаврилович, запустив чернильницей в заседателя, воскликнул: «Как! Не почитать церковь Божию! Прочь, хамово племя!». Вот в чем дело. Андрей Гаврилович не верил, что можно так откровенно не считаться со справедливостью, отождествляемой в России с Богом, не понимал, как можно попать Самого Бога.

Отсюда убежденность, которую Пушкин закладывал во многие свои творения: человек не может быть справедлив, ибо справедлив только Бог. Отсюда правосудие, творимое людьми, не может быть справедливым. По-настоящему рассудить может только Всевышний.

Разве не об этом во многих стихах Пушкина?

Он человек! Им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей...

...

Не славь его. В наш грустный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек –
Тиран, предатель или узник.

...

Закон несправедливый, ужасный
К страданью присуждает нас.

...

С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где все продажное: законы, правота
И консул, и трибун, и честь и красота?

...

Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде несправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

...

Здесь барство дикое, без власти, без закона;

...

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь...

...

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» –
«Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, –
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Что не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

Вряд ли печальный взгляд Пушкина на человеческую справедливость случаен, слишком часто и убежденно он пишет о ее невозможности.

Конечно, не все строки Пушкина о законе и справедливости столь тягостны:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан, над равными главами
Их меч без выбора скользит.

Но и здесь:

Владыки! вам венец и трон
Дает закон, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Писавший эти строки Пушкин еще молод и оптимистичен, но уже слышны нотки надежды на справедливость, кроющуюся только в неких «вечных» явлениях: «вечный выше вас закон».

...

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки...

Среди специалистов по Пушкину в целом достигнуто понимание, что эти строки не о народе. «Чернь» по Пушкину – это не народ. Это так называемая аристократия, в среде которой Пушкин вынужден был находиться, за титулами которых порой не стояло ничего, чем действительно следовало бы гордиться. Конечно, это так. Но где же прячется в конкретном человеке то самое божественное, когда приходит время его проявить? Чего не хватало судьям и полицейским исправникам во времена Пушкина? И мог ли человек измениться за какой-то двухсотлетний миг?

В неотправленном ответе на «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева Пушкин защищает национальные русские достижения, усматривая в них и общемировой масштаб, и всемирное значение, однако горько замечает: «...надо сознаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде ... действительно ужасно...»⁶.

⁶ Цит. по: Чулков Г. И. Мистика судьбы Пушкина. «И с отвращением читая жизнь мою...». М., 2013. С. 383.

Глубокое воодушевление вызывали в Пушкине любые шаги к справедливости, человечности, достоинству. Разве непонятно нормальному человеку, что «...пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение и оправдать беззаконного на силу и крепость свою уповающего». Как не согласиться с Екатериной Великой?

В начале XIX в. и Александр I, формально отменяя пытку, делает это не «втихую», а сопровождая свое решение справедливым и страстным возмущением и, казалось бы, действенным предостережением потомкам: «...чтобы нигде, ни под каким видом, ни в низших, ни в высших правительствах и судах, никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний, под страхом неминуемого и строгого наказания», чтобы «самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»⁷.

Вдох облегчения Пушкина по поводу решения царя почти физически ощущается в пушкинском тексте. Описывая в «Капитанской дочке» попытку офицеров Белогорской крепости допросить башкирца, у которого оказываются отрезанными не только нос и уши, но и еще и язык, Пушкин пишет: «Когда я вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Молодой человек! К тебе обращение самого Пушкина! Конечно, исследование причин укорененности пытки в традициях судопроизводства не будет лишним, однако как же можно согласиться с тем, что «пытка зарекомендовала себя в истории средневекового и более позднего уголовного процесса как эффективный способ постижения истины»⁸.

Про роль показаний обвиняемого, признающего свою вину, тоже все просто и понятно: «Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, – мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невиновности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности».

Что Пушкин сказал бы сегодня про особые порядки судебного разбирательства, по сути своей основанные именно на признании обвиняемым вины.

Видимо, именно по причине печали Пушкина о Человеческом в человеке в его творчество входит и навсегда в нем остается тема судьбы – одна из основных в его поэзии и прозе. Она – вовсе не от слепой веры в предопределенность, не от особенностей характера или воспитания. Пушкин хотел видеть в людях совершенное, высокое, небесное, страдал от подверженности человека порокам, податливости слабостям, будил и продолжает будить в людях совесть, которая, как глубоко заметил В. Распутин, ни что иное как «живое предчувствие и предсказание совершенного человека и совершенного общества, к которым человечество и держит путь, и неразрывная связь всех без исключения поколений – прошлых и будущих.

⁷ Цит. по: Касаткина С. А. Признание обвиняемого. М., 2013. С. 21.

⁸ Иваньшина А. Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний : ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 300.

В отношении к каждому из нас – это контрольное дыхание или, лучше сказать, контрольное движение в нас общечеловеческой идеи...»⁹.

И. Гончаров часто цитировал слова Пушкина о том, что «от судеб защиты нет». Что ж Пушкин давал повод к такому цитированию.

Судьба, как печаль по совершенству человека, не парализовала, однако, пушкинскую волю, не ввергла его в апатию, покорное ожидание своей участи. Пушкин был готов ее мужественно принять, что и доказал своей жизнью и своей смертью. Но принять – не значит смириться и безучастно ждать... Пушкин – ярчайший, трагический, мучительный для нашей совести (как не сберегших гения) пример служения, исполнения своего долга, предназначения до последнего мгновения жизни.

Где же черпал силы Пушкин, если остался чужим в «высшем свете», не нашел опоры в семье и понимания многих друзей, а некоторые из них, так нужные Пушкину, уже покинули этот мир (Дельвиг) или оказались далеко и не могли помочь.

«Все говорят: нет правды на земле, Но правды нет и выше». Это не про Пушкина. Это оправдание завистника, конформиста, приспособленца. В высшую справедливость Пушкин, безусловно, верил. Но не мог же он, хотя и не ждавший справедливости даже от тех, кто вроде бы и должен был ее олицетворять на земле (судейских и полицейских чиновников), так и не найти на земле то, что дано свыше, что могло бы стать опорой для честного служения, для исполнения долга, жертвенности за идею и за других.

Послушаем диалог Пушкина и Жуковского из пьесы А. Платонова «Ученик лицея».

«Жуковский». Вольность – это жизнь людей на земле, а поэзия сообщает наши души с вечным небом. Поэзия выше вольности.

Александр. Нет.

Жуковский. Да, Александр Сергеевич. Это правда.

Александр. Нет, это неправда, Василий Андреевич... Неправда! Все небесное должно быть земным, – к чему тогда небо. В том и поэзия!».

Небесное должно быть земным. Справедливость должна быть не только «выше», но и на земле. Платонов тонко почувствовал духовный настрой Пушкина. Где же ее искать на земле?

Отвечая на этот вопрос, нужно вспомнить, кого опасались Николай I и свита, покрывшие себя после смерти Пушкина несмываемым позором, превратив провозы гордости России – Пушкина – в тайное «воровское дело».

Кого ж это так – точно воры вора
Пристреленного – выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора –
Умнейшего мужа России.

(М. Цветаева)

Боялись народа, проявления его искреннего горя, великой скорби, возможных требований справедливости. Понимала же несберегшая Пушкина «чернь», что всё случившееся – дикая несправедливость. Понимали, но жить по справедливости уже не могли и не хотели.

В народе же Пушкин всегда видел ту небесную справедливость, которая не может не пробиться на свет.

⁹ *Распутин В. Г.* Вопросы, вопросы // В поисках берега : повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 477–478.

Народ мудр и разумен: не толпа, не масса, а народ. В своем стремлении к справедливости он может быть и жесток. Не приведи, однако, «Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Вспомним хамское поведение чиновников, прибывших в имение Дубровского для объявления о передаче его во владение Троекурова: «Слушайтесь его во всем, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник». Владимир Дубровский временно успокаивает людей, но у народа свое представление о справедливости. Архип-кузнец, бесжалостно сжигая запертых им в доме чиновников, рискуя жизнью, спасает кошку, мяукавшую с крыши горящего сарая, и грозно выговаривает смеющимся мальчишкам: «Бога вы не боитесь: Божья тварь погибает, а вы сдуру радуетесь». Беспомощное существо – кошка, жизнь которой человек поставил под угрозу – «Божья тварь», а человек, превратившийся в животное, жалости Архипа не заслужил.

Дело всегда решает народ, мнение которого – всегда высшая справедливость, «небесное на земле». Пушкин, к концу своей земной жизни трезво оценивший бессмысленность всякого рода бунтов в России, верил в народ, писал для него, доносил до него дарованное ему свыше. «К числу великих заслуг Пушкина принадлежит и то, что он вывел из моды и чудовищ порока, и гениев добродетели, рисуя вместо них просто людей»¹⁰, – писал В. Г. Белинский.

Просто люди делают историю. Просто люди справедливы.

Представляется, что беда отечественного уголовного судопроизводства в России наших дней, прежде всего, не в том, что оно низкого качества (это качество не хуже, чем в некоторых других странах, именующих себя цивилизованными), и не в том, что оно слишком формализовано (досудебное производство стран Западной Европы вряд ли формализовано меньше), и не в том, что не всегда удается раскрыть преступление и изобличить виновного (есть же и объективные к тому причины). Основная проблема – отсутствие веры людей в справедливость уголовного судопроизводства. Оно, шаг за шагом уступая публичности как функции, обеспечивающей защиту каждого жителя страны от преступности, превращается в «прибежище юристов», теряя с народом всякую связь. Люди должны чувствовать себя участниками восстановления справедливости, только тогда полученный результат будет ими признан как правильный. Великий смысл имеет конституционное положение о праве граждан на участие в отправлении правосудия, возможности реализации которого необходимо расширять и впредь, может быть и за счет утраченного института народных заседателей. Поверить в правосудие помогло бы участие народа в формировании корпуса правоприменителей, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. В связи с этим на начальных этапах отбора кандидатов в судьи могли бы быть возрождены элементы их выборности. Регулярные отчеты чиновников от уголовного судопроизводства перед населением не позволяли бы им забыть, кому они в конечном итоге служат. Шире должны применяться различные формы доведения до сведения общественности информации о ходе и результатах судопроизводства (с учетом разумных законодательных ограничений). Уголовно-процессуальное законодательство важно сделать доступным для жителей страны и с точки зрения языка: закон, который понятен только для юристов и нередко умышленно ими усложняется в целях окончательной корпоративной «приватизации», не может вызывать уважения.

¹⁰ Белинский В. Г. Избранные статьи. Л., 1975. С. 115.

Выходит, об уголовном судопроизводстве Пушкин не промолчал. Сила судопроизводства – в его связи с народом. Обеспечить такую связь – первостепенная задача.

Великий русский мыслитель И. Ильин поразительно точно охарактеризовал особенность пушкинского мировосприятия: «Пушкин как никто до него, видел Россию до глубины. Он видел ее по-русски. А видеть по-русски – значит *видеть сердцем*...»¹¹.

Сердце, надежда на справедливость и светлая печаль в России неразрывно связаны – это триединое явление. Им живет и спасается Россия.

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него – Тиран...

М. Пришвин писал, что его родина не Елец и не Петербург, а «непревзойденная в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости, ... повесть Пушкина «Капитанская дочка»¹².

Пушкин – тоже наша Родина. Он видел сердцем...

¹¹ Цит. по: Румянцев А. Валентин Распутин. М., 2016. С. 177.

¹² Цит. по: Варламов А. Мой Пушкин // Историк. 2017. № 2 (26). С. 96.

Академия управления МВД России

Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор
кафедры управления органами расследования преступлений

Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Pobedkin A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Management of
Crime Investigation Bodies and Units Department

E-mail: apobedkin71@mail.ru

УДК 343

З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин

ОЧЕРЕДНЫЕ ПАРАДОКСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (В СВЯЗИ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ № 72-ФЗ ОТ 18.04.2018 И № 376-ФЗ ОТ 30.10.2018)

Анализируя содержание Федерального закона № 72-ФЗ от 18.04.2018, авторы статьи обосновывают, что введенный в уголовное судопроизводство запрет определенных действий в качестве меры пресечения является по существу аналогом такой меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Что касается Федерального закона № 376-ФЗ от 30.10.2018, наделившего лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве процессуальным статусом свидетеля по делу соучастников преступления (ст. 56.1 УПК РФ), авторами обосновывается ошибочность такого подхода законодателя как несогласуемого ни с предъявленными к свидетелю как участнику уголовного процесса требованиям, ни с дальнейшей установкой об ответственности за виновно совершенное правонарушение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правовое регулирование, парадоксы, федеральный закон.

REGULAR PARADOXES OF CRIMINAL PROCEDURE REGULATION (IN CONNECTION WITH THE FEDERAL LAW № 72-FZ OF 04.18.2018 AND № 376-FZ OF 10.30.2018)

Analyzing the content of Federal Law № 72-FZ of April 18, 2018, the authors of the article substantiate that the ban on certain actions introduced in criminal proceedings as a preventive measure is essentially analogous to such a preventive measure as an undertaking not to leave and proper behavior (Article 102 of the Code of Criminal Procedure). As for Federal Law № 376-FZ of 10.30.2018, who granted a person who entered into a pre-trial agreement on cooperation with the procedural status of a witness in the case of accomplices in a crime (Article 56.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the authors substantiate the fallacy of such an approach of the legislator as inconsistent with those presented to the witness as a participant in the criminal proceedings requirements, with no further determination of the responsibility for the guilty committed offense.

К e y w o r d s: legal regulation, paradoxes, federal law.

Поступила в редакцию 10 ноября 2018 г.

Известный ученый-процессуалист профессор В. М. Савицкий, оценивая состояние действующего в России на протяжении 40 лет УПК РСФСР, отмечал, что к началу XXI в. данный законодательный акт в результате внесенных в него более пятисот изменений и дополнений «превратился в эклектическую, внутренне противоречивую систему правил, буквально напичканную несогласованностями, проблемами, структурными, терминологическими и стилистическими погрешностями..., дальнейшее улучшение Кодекса с помощью «заплат» бессмысленно»¹.

¹ Савицкий В. М. Последние новеллы в старом УПК // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1999. С. 4.

Еще более нелестную оценку заслуживает действующий в России УПК РФ, в который со дня его подписания Президентом России В. В. Путиным 18 декабря 2001 г. внесено уже в три раза больше корректировок, чем в УПК РСФСР 1960 г. Большинство из них вызваны теми изменениями, которые происходят в социально-экономической жизни России, в государственной, а также уголовной и уголовно-процессуальной политике. Корректировки УПК РФ 2001 г. продолжают довольно интенсивно, особенно богатым в этом отношении оказался 2018 г. Определенным корректировкам подверглись уголовно-процессуальные нормы о подследственности и подсудности уголовных дел, о производствах в судах апелляционных и кассационных инстанциях; правовой статус получил помощник судьи (ст. 244.1); внесены также другие изменения и дополнения.

В данной статье позволим выразить свои суждения относительно, во-первых, дополнения УПК РФ такой мерой уголовно-процессуального пресечения, как запрет определенных действий (ст. 105.1); во-вторых, включения в число участников уголовного судопроизводства лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1).

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения включен в УПК РФ на основе Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста».

Согласно ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого и заключается в возложении на таких участников уголовного процесса обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько возложенных на них запретов на совершение определенных законом действий, отступление от исполнения которых, а также отказ от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств, может повлечь за собой изменение названной меры пресечения на более строгую. Законодатель, хотя и не указывает на то, какие из мер пресечения по отношению к запрету определенных действий являются более строгими, но анализ содержания Федерального закона № 72-ФЗ свидетельствует, что таковыми являются домашний арест и заключение под стражу.

Что касается запретительных действий согласно ч. 6 ст. 105.1, то к таковым относятся следующие: а) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; б) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; в) общаться с определенными лицами; г) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; д) использовать средства связи и иную информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; е) управлять автомобилем и иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Все названные запретительные действия своим назначением имеют достижение правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых во время всего осуществляемого в отношении их производства по уголовным делам².

При отступлении от такого поведения со стороны подозреваемого, обвиняемого к ним могут быть применены, как отмечено выше, более строгие меры воздействия. Но такое может иметь место и при избрании в качестве меры уголовно-процессуального пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении, состоящей в письменном обязательстве подозреваемого, обвиняемого: «1) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; 2) в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; 3) иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» (ст. 102 УПК РФ).

Из трех указанных обязательств первое и третье из них органично вписываются в содержание первых пяти, установленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретительных действий³, критерии которых законодателем фактически не определены (к примеру, не понятно, на каком расстоянии должен находиться обвиняемый от определенного объекта). Неясно и то, чем руководствовался законодатель при установлении того, что «запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению (ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ). Ограничивать конституционные права и свободы человека и гражданина (ст. 17–63 Конституции РФ) вправе лишь органы государственной власти, к числу которых относится и судебная власть (ст. 10 Конституции РФ). Но ни одно из установленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретительных действий практически не ограничивает конституционные права и свободы граждан. Даже запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений (п. 4 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) не представляет собой нарушение конституционного права каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Полагаем, что запрет определенных действий в качестве меры пресечения по своей правовой природе, содержанию, назначению и социальной ценности есть своего рода дубликат такой устоявшейся и широко используемой в правоприменительной деятельности меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Следует сосредоточить внимание на повышении эффективности применения последней в качестве меры пресечения к подозреваемым, обвиняемым.

Ряд вопросов возникает в части определения процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве получил свой официальный статус на основе Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», учредившего в УПК РФ главу 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (ст. 317.1–317.9 УПК РФ).

² Правомерное поведение представляет собой «социально полезный вариант поведения субъектов права, соответствующий требованиям правовых норм, приемлемый и гарантируемый государством» (Большая юридическая энциклопедия. М., 2007. С. 460).

³ Запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством является составной частью уголовно-правовой санкции за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ).

На основании названных законодательных актов подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений лица получили возможность заключить с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве с возложением на себя обязанностей по исполнению указанных соглашений о сотрудничестве действий, при условии добросовестного выполнения которых судом по обвинительному приговору им «может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания» (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ).

Достаточно обстоятельно регламентировав процессуальный порядок заключения соглашения о сотрудничестве, производство предварительного следствия и судебного разбирательства в отношении лица, заключившего такое соглашение (гл. 40.1 УПК РФ), законодатель оставил без внимания его процессуальный статус. Законодатель Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» решил восстановить этот пробел путем дополнения УПК РФ ст. 56.1. В соответствии с указанной статьей лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним соглашения о сотрудничестве, объявляется участником уголовного судопроизводства, привлекается к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления (ч. 1) и «наделяется правами, предусмотренными частью четвертой статьи 56 настоящего Кодекса с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей» (ч. 2).

Объяснить такое законодательное решение можно, на наш взгляд, озабоченностью существующим в современной России достаточно высоким уровнем преступности, включая организованные формы ее проявления, а также необходимостью поиска еще более эффективных средств и способов противодействия преступности. Законодатель усмотрел одну из таких возможностей в наделении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальным статусом свидетеля, каковым «является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний» (ч. 1 ст. 56 УПК РФ).

На законодательном уровне не закреплено, каким требованиям должен соответствовать свидетель, но если обратиться к истории становления и развития законодательства, то еще в Русской Правде (Правде Ярославичей), Судебнике Иоанна Васильевича мы находим указания на то, что в качестве «видоков» на княжеском суде разрешалось выступать только очевидцам совершившегося факта. Во время Петра I согласно «Краткому изображению процессов» к свидетельствованию вообще не допускались «негодна и презираемые люди»⁴.

В уголовно-процессуальной доктрине как советского, так и постсоветского периода (практически до Федерального закона от 30.10.2018 № 376-ФЗ) в России прочно устоялись суждения о том, что свидетелем необходимо считать лицо, которое знает об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в силу познания их посредством присущих ему чувственно-предметных рецепторов и «не в связи с уголовно наказуемыми действиями» и которое «не имеет никакого личного интереса в деле» в силу своей «непричастности к совершению преступления»⁵.

⁴ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 641–642, 711.

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина М., 1973. С. 568. См. также: Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. М., 1970. С. 14–15 ; Уголовный

Заклучившее же досудебное соглашение о сотрудничестве лицо в силу исходящего от него ходатайства о заключении такого соглашения с указанием в нем действий, которые он обязуется совершить при выполнении взятых им обязательств, безусловно, имеет личные интересы, в числе которых стремление к применению к нему более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенные преступления, или даже освобождения от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ). Лицо при наличии объективно существующего интереса, либо в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним соглашения о сотрудничестве, не может быть допрошенным в качестве свидетеля по уголовному делу соучастников преступления.

При наличии совокупности доказательств о виновности конкретного лица в совершении преступлений оно должно нести ответственность за все совершенные деяния⁶. С позиции своего процессуального статуса такое лицо по уголовному делу может быть только обвиняемым (подсудимым).

При всей позитивной оценке стремлений законодателя к поиску эффективных средств и способов борьбы с преступностью нельзя игнорировать факта обусловленности права материальными условиями жизни социума⁷, того, что именно «объективные свойства права (следовательно, и правового регулирования. – Авторы) предопределяют его реальную жизнь»⁸.

вопрос : учебник / под ред. Г. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 234 ; Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 10.

⁶ См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. По заказу Казанской Епархии. 1971. С. 73-75 ; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 301–316.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 443.

⁸ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 150.

Удмуртский государственный университет

Зинатуллин З. З., доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Зинатуллин Т. З., кандидат юридических наук, доцент,
кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

Zinatullin Z. Z., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal
Process and Law Enforcement Activity Department

Zinatullin T. Z., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Law Enforcement Activity Department
E-mail: faris.zagitiv@bk.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Исследуется развитие современных представлений о правовой (юридической) экспертизе в отечественном уголовном судопроизводстве. Рассматриваются вопросы возможности отнесения юридических знаний к специальным, потребности практики в правовых экспертных исследованиях, определения предмета юридической экспертизы и особенностей его реализации, а также процессуальной регламентации правовой экспертизы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза, специальные знания, эксперт, специалист, уголовный процесс.

LEGAL EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: POSING THE PROBLEM AND POSSIBLE WAYS OF REGULATION

The development of modern ideas about legal expertise in criminal proceedings. The issues of the possibility of classifying legal knowledge as special, the needs of practice in legal expert studies, determining the subject of legal expertise and peculiarities of its implementation, as well as the procedural regulation of legal expertise are considered. For researchers, teachers, applicants for academic degrees, students, judges, law enforcement officers, lawyers, experts

К е у w o r d s: expertise, specialist knowledge, expert, specialist, criminal process.

Поступила в редакцию 11 ноября 2018 г.

Специальные знания в уголовном судопроизводстве

Необходимой предпосылкой исследования проблем правовой экспертизы выступает рассмотрение сущности специальных знаний, используемых в уголовном судопроизводстве. Этот вопрос был достаточно разработан, особенно в период ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г., поэтому его освещение целесообразно начинать с анализа предшествовавшего законодательства.

Первую сложность в понимании специальных знаний представляла двусмысленность норм УПК РСФСР, где одновременно употреблялись два близких, но не тождественных понятия: «специальные знания» и «специальные познания» (ст. 78, 80, 82, 133.1). Такое положение не способствовало точной и единой интерпретации норм уголовно-процессуального законодательства как на практике, так и в научных исследованиях. Одни авторы использовали оба понятия как равнозначные, другие отдавали предпочтение либо специальным знаниям, либо познаниям¹.

¹ См.: Абакиров К. К. Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 12–15 ; Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 124 ; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 433 ; Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств

Некоторые ученые предпринимали попытки разграничить указанные категории. Так, В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий определяли специальные знания как систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности, а специальные познания – как знания, полученные в результате теоретического и практического обучения². Очевидно, что такие суждения носят общий характер, в них используются пересекающиеся сферы деятельности, а предложенное основание – способ приобретения сведений (знаний) – не приближает к решению вопроса о разграничении рассматриваемых понятий.

По убеждению В. И. Шиканова, «понятие “специальные познания” возникло и употребляется как противоречивое понятию “знание”»³; он также полагает, что «термин “специальные познания” применяется для обозначения любой совокупности знаний»⁴. С такой позицией нельзя согласиться – ученый сам указывает на противоречивость понятий, т. е. их взаимоисключение, а затем определяет один термин «познания» через множественное лицо противоречащего суждения «совокупность знаний». Конечно, такая аргументация неубедительна.

После принятия УПК РФ 2001 г., где в первоначальной редакции использовалось только понятие «специальные знания», продолжалось упоминание специальных познаний. Е. В. Селина объясняет волю законодателя его желанием дать возможность гражданам оперировать вполне понятными словами⁵. Однако тогда не ясно, почему в своих научных исследованиях она сама употребляет не понятные для граждан слова «специальные познания»? Очевидно, что такие аргументы не могут лежать в обосновании расхождения законодательно закрепленного понятия и термина, используемого в науке.

Важной методологической предпосылкой разграничения специальных знаний и познаний является уяснение того, что всякое понятие неразрывно связано с материальной языковой оболочкой, оно возникает на базе слов и не может существовать вне их. Каждое слово должно точно передавать смысл, поскольку оно, по существу, является единственным объективным носителем понятия. Материалистическая философия четко разделяет такие категории, как «познание» и «знание», при этом основания такой дифференциации полностью приемлемы в уголовно-процессуальной сфере. Познание, в общих чертах, представляет собой процесс творческой деятельности людей, в результате которого формируется знание об окружающей действительности. Соответственно знание есть продукт такой творческой деятельности, знание есть результат познания. В связи с тем что в УПК РСФСР под специальными познаниями понималась совокупность определенных знаний, выступающих как результат деятельности людей, уместнее было говорить

уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 4–7 ; *Гончаренко В. И.* Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980. С. 112–115 ; *Лисиченко В. К.* Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев, 1979. С. 20–22 ; *Морозов Г. Е.* Участие специалиста в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1977. С. 7–9 ; *Селина Е. В.* Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 5–9 ; *Серов В. А.* Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 11–16 ; *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 21–23.

² См.: *Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А.* Использование специальных знаний... С. 4.

³ *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства... С. 23.

⁴ *Шиканов В. И.* Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 11.

⁵ См.: *Селина Е. В.* Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 7.

не о познаниях, а о знаниях, ведь речь шла не о процессе накопления, а об уже накопленных знаниях. Поэтому, согласившись с точкой зрения, что «вывод эксперта – результат познания»⁶, следовало бы признать за экспертом право проводить эксперименты с целью получения нового знания, а это недопустимо и противоречит законодательству. Вывод эксперта делается на основе уже имеющихся знаний, лежащих в основе проводимого исследования, а не познания. Если результатом познания является знание, то результатом исследования – выводы (характеристика объекта исследования), сделанные на основе знаний. «Практическая деятельность в области судебной экспертизы является научно обоснованной и использует положения ряда наук, в том числе правовых, естественных и технических, – пишет Е. Р. Россинская. – Но эти положения, научные методы и средства используются в деятельности судебных экспертов и экспертных учреждений не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по уголовному делу»⁷.

Еще одним аргументом, подтверждающим верность употребления понятия «специальные знания», является справедливое замечание Л. Н. Ракитиной о неправомерности использования в гражданско-процессуальном законе специальных познаний, «тогда как объектами, входящими в это познание, названы различные отрасли знания: наука, искусство, техника, ремесло»⁸. Такое утверждение актуально и для уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем справедливо обращалось внимание и на неприемлемость законодательной формулировки, ограничивающей круг специальных знаний конкретными отраслями человеческой деятельности⁹. В уголовном судопроизводстве могут потребоваться специальные знания в области спорта, коллекционирования, товароведения и т. п., поэтому следует либо вообще исключить перечень групп, специальных знаний, либо дополнить ссылкой – «и другие отрасли знания».

УПК РФ не определяет, какие знания следует считать специальными (ст. 57, 58). Эту проблему законодатель решает в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности», где, как и в УПК РСФСР, круг вопросов, требующих экспертного разрешения, ограничивается специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 2, 9). Такое усеченное толкование специальных знаний является неточным и не раскрывает всех возможностей их применения. Названный закон страдает тем же недостатком, что и УПК РФ, – отсутствием определения понятия «специальные знания». Прежде чем предложить определение специальных знаний в уголовном судопроизводстве, необходимо рассмотреть принципиальные положения об их природе и субъектах, ими обладающих.

Иногда к формам использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании, помимо экспертизы и участия специалиста в следственных и судебных действиях, относят консультационно-справочную деятельность сведу-

⁶ Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2000. С. 10.

⁷ Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М., 2002. С. 93.

⁸ Ракитина Л. Н. Понятие специальных знаний в гражданском процессуальном праве // Правоведение. 1986. № 5. С. 58.

⁹ См., например: Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963. С. 188; Ракитина Л. Н. Понятие специальных знаний в гражданском процессуальном праве. С. 58–59; и др.

щего лица, показания сведущего свидетеля, научно обоснованные объяснения обвиняемого (подозреваемого), участие переводчика, возможность использования специальных знаний следователем, защитником и судом¹⁰.

С такими взглядами сложно согласиться, поскольку в их основе лежит неверная интерпретация норм уголовно-процессуального закона, в результате чего происходит расширительное толкование понятия «специальные знания». Заблуждение кроется в том, что категория «специальные» рассматривается только как качественный элемент знаний с последующим выделением присущих им признаков (исключение юридических знаний, особенности соотношения с общедоступными и широко распространенными знаниями, научность источников их происхождения и т. п.), в то время как **понятие «специальные знания» является, в первую очередь, элементом, определяющим процессуально-правовое положение только эксперта и специалиста. Иными словами, специальные знания – это сначала обязательный элемент процессуального статуса указанных субъектов, а уже потом качественный признак знания. Благодаря наличию специальных знаний у эксперта и специалиста, их процессуальный статус разительно отличается от положения иных участников уголовного судопроизводства, которые вполне могут обладать различными научными знаниями. Специальные знания – это тот определяющий элемент в правовом положении специалиста и эксперта, на основе которого формируются права, обязанности, система гарантий, условия и порядок деятельности названных субъектов, устанавливается характерное только для них процессуальное значение результатов, достигнутых в ходе деятельности.**

Вместе с тем предложенный подход находится в полном соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. УПК РФ называет только двух участников уголовного судопроизводства, обладающих специальными знаниями – эксперта (ст. 57) и специалиста (ст. 58). Соответственно возможны только две формы применения специальных знаний – экспертиза и участие специалиста в процессуальных действиях.

Определение специальных знаний как необходимого элемента процессуального статуса эксперта и специалиста предполагает рассмотрение сущности знаний, используемых этими субъектами. В УПК РФ нет указания ни на источник происхождения специальных знаний эксперта, ни на определение круга знаний, которые следует относить к специальным. Эти вопросы, как сказано выше, отнесены к предмету ведения Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», где определены сферы применения специальных знаний – наука, техника, искусство и ремесло. Нецелесообразность установления такого ограничения объясняется тем, что оно не учитывает всей возможной совокупности вопросов, отнесенных к предмету судебной экспертизы. Вместе с тем природа специальных знаний, реализуемая в форме судебной экспертизы, может быть только научной. Основными чертами научных знаний являются:

¹⁰ См., например: *Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А.* Использование специальных знаний... С. 5–7 ; *Гончаренко В. И.* Использование данных естественных и технических наук... С. 112–113 ; *Кокорин П. А.* Судебная экспертиза и деятельность специалиста – основные формы использования специальных знаний в работе следователя // *Сибирский юридический вестник.* 2000. № 4. С. 18 ; *Селиванов Н. А.* Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений // *Вопросы борьбы с преступностью.* М., 1968. Вып. 7. С. 114 ; *Селина Е. В.* Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 100–115 ; *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства... С. 26–33.

1) объективность – предметы и явления должны быть познаны такими, каковы они есть в действительности. Научное знание не признает паранаучных концепций астрологии, парапсихологии, экстрасенсорики и т. п. В отношении объективности научного знания действует принцип презумпции естественности – познание объекта исследования без чего-либо субъективного или сверхъестественного;

2) достоверность (доказательность) – в научном знании приводятся необходимые, достаточные основания, по которым можно судить об истинности знания. Достоверность научного знания обосновывается практическим применением, экспериментальной проверкой, выводимостью одних знаний из других, истинность которых убедительно доказана;

3) безграничность – нацеленность на воспроизведение закономерностей объекта, т. е. возможность неоднократного использования научного знания. Безграничность как раз является той особенной чертой научного знания, которая выражает характер его потребления применительно к любой сфере человеческой деятельности;

4) системность – упорядоченность научного знания по основным принципам. Особенность научной систематизации выражена в стремлении к полноте, непротиворечивости, четким основаниям системы. Системность научного знания включает преемственность и накопление, благодаря которым знание становится со временем более полным и точным;

5) проверяемость – знание становится научным в том случае, если оно проверено наблюдением, практикой, испытано логикой. Проверка научного знания посредством практики придает ему свойство общезначимости.

Знания в области ремесла скорее можно определить как обыденные, носящие ссылочный характер, опирающиеся на мнение, авторитет, личное мастерство ремесленника, индивидуальный характер производства, который не всегда можно использовать безгранично. Таким образом, в области ремесла не всегда действует принцип достаточного основания, в связи с чем содержание знания можно признать истинным. Важно и то, что ремесленные знания могут быть лишь упорядочены, а не систематизированы, как того требует научное знание. Тем не менее специальные знания в области ремесла, используемые в ходе экспертного исследования, должны отвечать критериям научного знания и быть достаточно обоснованными. В противном случае ненаучный характер специальных знаний в области ремесла приведет к необъективности заключения эксперта и потере его доказательственного значения. Этот вывод в равной мере относится и к научности знаний в области искусства, так как критерий рациональности (достоверности) в искусстве выражается в виде «художественной правды»¹¹, которую правильнее рассматривать как одну из форм истины, несмотря на то, что в отличие от искусства, отражающего предметы и явления при помощи художественных образов, наука постигает мир в понятиях средствами логического мышления. Что касается использования специальных знаний в области науки, то здесь критерии научности знания реализуются в полном объеме, поскольку наука – это прежде всего систематизированный свод научных знаний. Научность специальных знаний в области техники не вызывает возражений, ибо необходимой составляющей любого технического средства является научность способа его применения (технология)¹².

¹¹ См.: Свинцов В. И. К вопросу о соотношении понятий «истина» и «художественная правда» // Философские науки. 1984. № 4. С. 57.

¹² См.: Зотов Д. В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения : теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 70–90.

Анализ некоторых положений Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что законодатель указывает на обязательное научное обоснование знаний, применяемых в экспертном исследовании:

- одним из принципов государственной судебно-экспертной деятельности является всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники (ст. 4);
- условием объективности, обоснованности и достоверности исследования закон называет строго научную и практическую основу исследования (ст. 8);
- государственная судебно-экспертная деятельность основывается на едином научно-методическом подходе к экспертной практике (ст. 11);
- эксперт обязан сообщить о невозможности дать заключение, если современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы (ст. 16).

Таким образом, любое специальное знание, применяемое экспертом, должно быть строго научным, т. е. «во всех без исключения сферах человеческой деятельности смысл экспертизы может быть только один – научное, на уровне современных представлений данной конкретной науки истолкование, разъяснение какого-нибудь обстоятельства или факта путем изучения, исследования соответствующих исходных данных»¹³.

Ранее действовавший уголовно-процессуальный закон указывал на существенные различия правового статуса специалиста и эксперта. Они сводились к тому, что мнение специалиста подлежало процессуальному закреплению, но «никаких заключений и суждений, обладающих доказательственной силой, специалист, в отличие от эксперта, не дает»¹⁴. УПК РФ расширил компетенцию специалиста, определив его как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК РФ). Последующие изменения и дополнения в УПК РФ (Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ), придавшие заключению и показаниям специалиста статус доказательств, существенным образом размыли границу процессуальных отличий между этими участниками уголовного судопроизводства. «Эксперт и специалист суть лица, обладающие специальными знаниями. Профессиональный их статус в этом качестве одинаков. Более того, в рамках одного дела физически эти роли в разные моменты времени может исполнять один человек»¹⁵. Таким образом, специальные знания специалиста, как и знания эксперта, являются профессиональными и отражают закономерности определенной отрасли науки. Г. Е. Морозов правильно отмечает, что специальные знания специалиста «должны быть гораздо шире и глубже знаний в аналогичных областях других наук»¹⁶, т. е. отвечать принципу научности, ибо в противном случае помощь специалиста при производстве процессуальных действий будет неэффективной.

¹³ Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук... С. 29.

¹⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 256.

¹⁵ Белкин А. Р. Проблемы участия эксперта и специалиста в процессе исследования доказательств // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 5 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2004. С. 42.

¹⁶ Морозов Г. Е. Участие специалиста в стадии предварительного расследования. С. 7.

Изложенное приводит к выводу, что в понятии «специальные знания» следует выделять два основных признака: 1) *субъектный* – принадлежность специальных знаний только эксперту и специалисту и 2) *предметный* – качественно характеризующий специальные знания как научно обоснованные. Если субъектный критерий является исключительным основанием для разграничения процессуальных статусов эксперта и специалиста от других участников уголовного судопроизводства, обладающих научными знаниями, то предметный критерий полностью отвечает всем особенностям научных знаний, применяемых в уголовном процессе, что делает его связующим элементом в определении научных знаний, воплощенных в личностной форме. Иными словами, особенности научных знаний, применяемых в уголовном судопроизводстве, будут едиными для всех участников уголовного процесса, обладающих такими знаниями.

Таким образом, необходимо определить особенности научных знаний, имеющих личностное воплощение и применяемых в доказывании по уголовным делам.

1. В процессуально-правовом понимании к научным знаниям, используемым в доказывании, не относятся общедоступные, общеизвестные знания, являющиеся результатом общеобразовательной подготовки, т. е. имеющие массовое распространение и нередко обозначаемые такими понятиями, как «житейский опыт» и «здравый смысл»¹⁷. К ним причисляются знания, полученные в рамках общеобразовательного цикла предметов средней школы, в результате разнообразного всеобщего обучения, и сведения, широко распространяемые в средствах массовой информации; правила дорожного движения и т. п. Вместе с тем в условиях бурного развития научно-технического прогресса такое разграничение является во многом условным в силу высокой динамичности научных знаний. «Глобальная информатизация, которую сейчас переживают многие страны, в том числе и Россия, безусловно, сильно влияет на критерии, определяющие общедоступность, обыденность знаний. В самом деле, являются ли специальными или общеизвестными сведения, изложенные в предназначенных для широкого круга читателей энциклопедиях, справочниках, словарях, представленные в электронных средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Internet? Отнесение знаний к общеизвестным, обыденным, общедоступным существенным образом зависит от образовательного и интеллектуального уровня конкретного субъекта, его жизненного и профессионального опыта. Таким образом, очевидно, что в каждом отдельном случае необходимо проанализировать характер требуемых познаний и решить вопрос, могут ли они считаться специальными» – справедливо отмечает Е. Р. Россинская¹⁸.

2. Специфика научных знаний, используемых в уголовно-процессуальном доказывании, состоит в том, что из круга этих знаний исключаются те юридические знания, которые составляют исключительную компетенцию органов предварительного расследования и суда. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

¹⁷ См. подробнее: Кокорин П. А. Судебная экспертиза и деятельность специалиста – основные формы использования специальных знаний в работе следователя // Сибирский юридический вестник. 2000. № 4. С. 19; Морозов Г. Е. Участие специалиста в стадии предварительного расследования. С. 7; Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2000. С. 7; Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе... С. 10–18; Шиканов В. И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств. С. 11; Шишков С. Специальные познания и здравый смысл в судебном доказывании // Законность. 2000. № 6. С. 23–27.

¹⁸ Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. URL: <http://www.arbitrag.ru/Stat/stat15.htm>

Некоторые ученые не соглашались с изъятием из круга специальных знаний некоторых других юридических знаний. В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий аргументируют свою позицию тем, что «юридические знания, например в области криминалистики, используются именно как специальные при производстве криминалистических экспертиз»¹⁹. В. И. Гончаренко, наоборот, исходит из того, что в уголовно-процессуальном понимании специальные знания должны интерпретироваться как не относящиеся к юридическим, но знания в области криминалистики как юридической науки не должны рассматриваться в уголовно-процессуальном смысле в качестве специальных, поскольку они являются одним из непереносимых условий надлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими целый ряд юридических должностей²⁰. Эти две противоположные точки зрения объединяет теоретически неверное понимание криминалистики как юридической науки. Когда указывается на исключение юридических знаний из круга специальных знаний, имеют в виду те знания, которые соответствуют либо процессуальным, либо материальным отраслям права. Иными словами – знания, имеющие научно-нормативную природу. Криминалистика к таковым не относится. Криминалистика «собственно» правом не занимается, ей не соответствует ни одна отрасль права, хотя ее предмет и объект познания, служебная функция и многие рекомендации лежат в сфере правовых явлений. Соответственно, криминалистические знания должны входить в предмет специальных знаний эксперта и специалиста, а также составлять обязательную часть более крупного понятия «научные знания, применяемые в уголовно-процессуальном доказывании»²¹.

3. К особенностям научных знаний, используемых в уголовно-процессуальном доказывании, следует отнести их структуру, т. е. элементы научного знания:

- 1) собственно знания – как теоретический результат познания;
- 2) навыки – алгоритмы действий, автоматизированные компоненты мышления, поведения, необходимые для быстрого и экономичного совершения каких-либо процессов;
- 3) умения – знания в их практическом применении.

Выделение элементов в структуре научного знания нашло свое нормативное закрепление в некоторых уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран (п. 4 ч. 3 ст. 62 УПК Республики Беларусь; ст. 84 УПК Казахстана; ст. 69, 70 УПК Республики Узбекистан; ст. 118 Модельного УПК для государств – участников СНГ). При этом общей особенностью является то, что такое структурирование характерно только в отношении навыков специалиста, т. е. зарубежный законодатель говорит о знаниях только в отношении эксперта, а в отношении специалиста – как о его знаниях, так и навыках. Используя такую конструкцию, законодатель, очевидно, хотел подчеркнуть во многом технический характер деятельности специалиста и в

¹⁹ Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А. Использование специальных знаний... С. 4.

²⁰ См.: Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук... С. 114–116.

²¹ Здесь приведен только один аргумент в пользу отнесения криминалистических знаний к научным, используемым в доказывании, так как он должен был быть учтен авторами на момент изложения своих взглядов. Вместе с тем подтверждение позиции имеется в современных воззрениях на природу криминалистики как гибридной науки (см.: Белкин Р. С. О природе криминалистической науки // Труды Академии МВД РФ. М., 1996. С. 5–13), а также в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которому все экспертизы являются судебными, а не криминалистическими (см. подробнее: Росинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону... С. 102–107).

первую очередь – его помощь по применению технических средств. В то же время навыки и умения являются разновидностью научных знаний и могут быть успешно использованы и экспертом. Однако детализация научных знаний во многом носит теоретический характер и, в меньшей степени, представляет практическую значимость, следовательно, не нуждается в законодательной регламентации.

4. В процессуальной литературе указывается на различные способы приобретения научных знаний. Как правило, упоминается профессиональная подготовка либо соответствующий практический опыт²². Вместе с тем за пределами имеющихся научных знаний остаются новейшие теоретические и практические данные, которые в программу специальной профессиональной подготовки включаются лишь спустя продолжительное время после их получения²³. Научные знания могут быть получены также и другими способами, например в результате самообразования либо увлечения (хобби). Перечисленные особенности свойственны научным знаниям всех участников процесса. Однако способ их приобретения имеет особое процессуальное значение для эксперта и специалиста. Уголовно-процессуальный закон требует, чтобы в заключении эксперта содержались сведения о его образовании, специальности, стаже работы, ученой степени и (или) ученом звании (п. 4 ч. 1 ст. 204 УПК РФ). В этом плане способ приобретения научных знаний и соответствующее его подтверждение, очевидно, будут влиять на качество произведенного исследования и играть определенную роль в оценке достоверности экспертного заключения. В отношении специалиста закон не указывает круг конкретных требований, предъявляемых к нему. Положение, предусматривающее обязанность следователя перед началом следственного действия удостовериться в компетентности специалиста (ч. 2 ст. 168 УПК РФ), предполагает наличие у последнего подтверждения специальных знаний, полученных должным образом.

Все изложенное позволяет назвать основные черты специальных знаний:

- 1) это только научно обоснованные знания;
- 2) они не являются общеизвестными и общедоступными;
- 3) из их круга исключаются отраслевые юридические знания, формирующие исключительную компетенцию дознавателя, следователя, прокурора и суда;
- 4) структура специальных знаний предполагает возможность их существования в форме собственно знаний, навыков и умений;
- 5) эти знания могут быть только профессиональными, т. е. приобретаются в рамках специальной подготовки и опыта;
- 6) субъектами использования специальных знаний являются только эксперт и специалист, что позволяет говорить о двух процессуальных формах применения специальных знаний – экспертизе и участии специалиста в процессуальных действиях;
- 7) способствуют оптимизации и объективизации процесса доказывания.

Все это позволяет предложить дополнить ст. 5 УПК РФ соответствующим пунктом (в алфавитном порядке) следующего содержания: *«специальные знания – научно обоснованные знания, умения и навыки, за исключением общеизвестных и отнесенных к исключительной компетенции органов расследования, прокуро-*

²² См.: Галкин В. М. Средства доказывания в советском уголовном процессе. М., 1968. Ч. 2. С. 8; Ракитина Л. Н. Понятие специальных знаний в гражданском процессуальном праве. С. 61; Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 8–9; Серов В. А. Использование научно-технических познаний и средств... С. 4–5; и др.

²³ См.: Серов В. А. Специальные познания и нормы их использования при расследовании и рассмотрении уголовных дел // Социальное развитие и право. М., 1980. С. 69.

ра и суда, приобретенные специалистом и экспертом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Предпосылки легализации правовой экспертизы в уголовном судопроизводстве

Вопросу «Зачем нужна правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве?» посвящены десятки научных работ, где совершенно справедливо повторяются одни и те же аргументы в пользу легализации юридической экспертизы. Они повторяются порой без указания авторства, поскольку воспринимаются как естественные и привычные взгляды на назревшую проблему. Неясным остается только упорное нежелание законодателя официально снять оковы с института судебно-правовой экспертизы, реально способного приблизить практику отечественного уголовного судопроизводства к эталонам цивилизованного правосудия. Тем не менее задача по освещению основных предпосылок легализации правовой экспертизы в уголовном процессе остается актуальной для любых исследований подобного рода.

Впервые вопрос об отнесении юридических знаний к числу специальных и, как следствие, возможности назначения правовых экспертиз по уголовному делу был поднят в 2001 г. А. А. Эксархопуло в отдельной статье, многие положения которой с существенными дополнениями были перенесены в монографию «Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела»²⁴. Среди причин, требующих признания юридических экспертиз, автор называет динамичное развитие права и законодательства, объем изменений которых не в состоянии профессионально воспринимать и компетентно реализовывать на практике функционеры процесса: «Распространять сегодня на конкретного следователя, работника органа дознания, прокурора, судью обязанность быть компетентным во всех вопросах всех известных сегодня отраслей и подотраслей права, знание которых может потребоваться в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел, означало бы поставить следователя, суд в весьма затруднительное, если не сказать безвыходное, положение, когда «знать право они обязаны», но реально освоить эти знания в объеме, необходимом для принятия квалифицированных и ответственных решений, не могут»²⁵.

Требовать сегодня от работников следствия и суда широкого и полного охвата «всего права» бессмысленно, поскольку формальное юридическое образование не соответствует фактическому объему знаний, которыми должна быть обогащена память юриста. Сама структура современного юридического образования, пародирующая «болонский процесс», предполагает формирование базовых компетенций в бакалавриате и их специализацию в магистратуре. Такой подход уже не соответствует привычному пониманию специалиста-юриста. Наряду с проблемой содержательно-качественной стороны образования по-прежнему не решен вопрос о легитимности функционирования более полутора тысяч «вузов», где легально можно получить высшее юридическое образование, качество которого обоснованно вызывает реальные сомнения.

Актуальной остается и проблема, связанная с тем, что «в настоящее время зафиксирована тенденция общего снижения уровня квалификации работников

²⁴ См.: Эксархопуло А. А. Специальные познания и нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. № 2. С. 22–28 ; *Его же*. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005.

²⁵ Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 68.

правоприменительных органов вследствие небольшого в среднем стажа их работы по специальности, недостаточных способностей, нежелания самостоятельно повышать свой профессиональный уровень, уверования в непогрешимость своих знаний, оттока наиболее способных и квалифицированных работников в коммерческие структуры и т. д. Вместе взятое, это приводит к нереальности выполнения упомянутых обязанностей и, как следствие, влечет нарушение прав и законных интересов граждан и незащищенность последних от произвола и беззакония»²⁶.

В числе ставших уже традиционными причин необходимости легализации правовой экспертизы называют специфику норм УК РФ с бланкетными диспозициями (особенно относительно преступлений в сфере экономической деятельности). Трудности их применения, по мнению Л. Д. Гаухмана, заключаются в ряде взаимосвязанных моментов: 1) формулирование диспозиций таких норм на основе не уголовно-правовой законодательной и иной нормативной правовой базы; 2) нестабильность последней, неоднократные и многочисленные изменения и дополнения, вносимые в нее; 3) расконцентрированность источников, которые формируют указанную базу. Совокупность двух первых моментов очень емко и метко, по словам Л. Д. Гаухмана, отражена в тезисе Ю. Г. Корухова²⁷ о «хитросплетении экономических правонарушений, помноженных на непостоянство нормативных актов в сфере экономической деятельности»²⁸. Остается лишь добавить, что бланкетные нормы УК РФ отсылают не только к законодательным актам федерального уровня, но и к соответствующим подзаконным нормативным актам различных федеральных органов. Часть из них, например налоговое законодательство, имеет региональную специфику. Поэтому даже опытный следователь, имеющий узкую специализацию, не всегда имеет возможность систематически отслеживать изменения всех отраслей законодательства²⁹.

Уже общим местом является указание на частое возбуждение уголовных дел при наличии признаков гражданско-правовых отношений либо, наоборот, отказ в их возбуждении при ссылке на наличие подобных правоотношений. Правильность юридической оценки деяний в большинстве случаев вызывает сомнение. В этих ситуациях в юридической экспертизе видят средство обеспечения законности привлечения лица к уголовной ответственности, поскольку процессуальный порядок назначения экспертизы придаст легитимность, укрепит взаимосвязь уголовно-правовой практики с практикой реализации других отраслей права³⁰.

²⁶ Гаухман Л. Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // Законность. 2000. № 4. С. 24.

²⁷ Корухов Ю. Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2000. № 1. С. 39.

²⁸ Гаухман Л. Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // Законность. 2000. № 4. С. 22.

²⁹ См.: Жариков Ю. С., Шамаров В. М. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования // Вестник Екатеринбургского института. 2008. № 4. С. 12 ; Цховребова И. А. Правовая экспертиза : за или против? // Труды академии управления МВД России. 2009. № 2. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=261&SID>

³⁰ См.: Вольская М. В. Правовая экспертиза : вопросы законодательного регулирования и пути их решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2. С. 50 ; Жариков Ю. С., Шамаров В. М. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования // Вестник Екатеринбургского института. 2008. № 4. С. 12 ; Цховребова И. А. Правовая экспертиза : за или против? // Труды академии управления МВД России. 2009. № 2. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=261&SID>

Еще одна проблема связана с качеством правосудия по уголовным делам – «чем сложнее дело, тем чаще нужны специальные юридические знания, чтобы успешно довести его до вынесения приговора или решения суда. Практика показывает, что незнание следователями и судьями тонкостей современного законодательства зачастую приводит к «развалу» уголовного дела, – пишет Е. Р. Россинская. – И причина здесь не в их некомпетентности, не в том, что они не воспользовались какой-то справочной литературой. Она в том, что для ответов на возникающие вопросы недостаточно найти нужный нормативный акт и изучить его, но во многих случаях необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях»³¹.

Вместе с тем некоторые исследователи приходят к выводу, что в опыте уголовного судопроизводства имеются случаи проведения правовой экспертизы, несмотря на ее декларируемый запрет: «Можно добавить многочисленные примеры из следственной практики, свидетельствующие о том, что перед экспертами по сложным уголовным делам ставились чисто правовые вопросы, а необходимость в этом и соответствие закону ни у кого, включая высшие судебные-прокурорские инстанции, не вызывала сомнений. Напомним хотя бы расследование обстоятельств аварии 31 августа 1986 г. близ Новороссийска, когда сухогруз “Петр Васев” столкнулся с пассажирским теплоходом “Адмирал Нахимов”. Перед экспертизой были, в частности, поставлены вопросы: были ли допущены нарушения правил безопасности движения морского транспорта, если да, то какие именно; не были ли допущены нарушения правил пассажирами и командой?»³².

Фактом, подтверждающим легальную возможность проведения юридических экспертиз, также является указание А. Н. Борисовым и С. Н. Зерновым на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов», в п. 17 которого «разъяснено, что фактические данные, подтверждающие наличие или отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, наряду с заключением эксперта, могут устанавливаться также актами документальных проверок исполнения налогового законодательства и ревизии финансово-хозяйственной деятельности. Изложенное свидетельствует о том, что высший судебный орган по уголовным делам, устанавливая общий запрет на постановку перед экспертом правовых вопросов, допускает изъятия из этого положения, в частности по отношению к вопросам налогообложения»³³.

Дополнительным аргументом «сложившейся практики» является замечание А. В. Победкина: «Однако в судебной практике не ставится под сомнение возможность назначения судебно-бухгалтерских, автотехнических экспертиз, ревизий, документальных проверок и других исследований, по результатам которых лицо, обладающее специальными познаниями, дает оценку соблюдения теми или иными лицами нормативных предписаний. В этой связи нельзя безапелляционно отвергать возможность использования должностными лицами, ведущими производство по делу, специальных познаний в «узких» правовых вопросах»³⁴.

³¹ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 17.

³² *Громов Н., Смородинова А., Соловьев В.* Заключение эксперта : от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики) // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 29.

³³ *Борисов А. Н., Зернов С. И.* Пределы специальных познаний судебного эксперта-экономиста // Журнал российского права. 2003. № 2.

³⁴ *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 314–315.

Приведенные доводы сложно игнорировать. Проблема потребности вовлечения юридических знаний как специальных в форме судебной экспертизы объективна и требует внимательного и скорейшего разрешения.

Предмет правовой экспертизы в уголовном судопроизводстве

Традиционно запрет на назначение и проведение юридических исследований в уголовном судопроизводстве связывался с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – постановление «О судебной экспертизе»): «Судам надлежит учитывать, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т. п.)». Это положение получило в науке различное толкование. Систематизация имеющихся взглядов позволяет выделить следующие точки зрения по вопросу о недопустимости постановки перед экспертом правовых вопросов³⁵.

Первая группа ученых связывала соответствующий запрет с содержанием понятия «специальные познания». Так, Р. С. Белкин указывает, что необходимость применения специальных познаний является фактическим основанием для назначения экспертизы. Однако в связи с отсутствием однозначной трактовки понятия «специальные познания» ученый ссылается на общепризнанное мнение о невключении познаний в области законодательства и правовой науки в круг специальных в смысле ст. 78 УПК РСФСР³⁶. Следует обратить внимание на то, что Р. С. Белкин – первый, кто говорит не только о знании права (законодательства), но и о знании положений науки.

Вторая точка зрения связана с особенностями компетенции эксперта, содержащей запрет отвечать на правовые вопросы. Ю. К. Орлов придерживается позиции, согласно которой «решение правовых вопросов (например, о виновности или невиновности, о квалификации преступления) образует исключительную компетенцию органов предварительного расследования и суда. Эксперт не вправе вдаваться в решение вопросов правового характера (например, имело место убийство или самоубийство, является ли недостача результатом хищения или халатности и т. п.), даже если они перед ним поставлены, а если он их все-таки решал, то его ответы не могут иметь какого-либо доказательственного значения»³⁷. Позицию Ю. К. Орлова разделяет и Т. В. Аверьянова – заключение эксперта следует признавать недопустимым доказательством, «если эксперт при обосновании своих выводов вышел за пределы своей компетенции и присвоил не свойственные ему функции судебных и следственных органов по оценке имеющихся в деле доказательств»³⁸. Со ссылкой на действующий УПК РФ излагает свои суждения А. В. Смирнов: «В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 57 эксперт не вправе выходить за пределы своей специальной компетенции, т. е. делать выводы по вопросам,

³⁵ Первоначально приведено в работе: Эскархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 63.

³⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 702.

³⁷ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 124.

³⁸ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2006. С. 186.

которые не могут быть разрешены на основе его специальных познаний. Уголовно-правовая оценка фактических обстоятельств дела является исключительным правом следователя, дознавателя, прокурора и суда»³⁹.

И, наконец, третья позиция сводится к тому, что *вопросы права не могут являться предметом судебной экспертизы*. Здесь достаточно озвучить мнение М. С. Строговича: «Предмет любой экспертизы ограничен теми специальными вопросами, которые относятся к сфере компетенции экспертов. Поэтому экспертиза никогда не может выйти за рамки этих специальных вопросов и не может принимать на себя исследование вопросов, относящихся к компетенции непосредственно следствия и суда»⁴⁰, либо же позицию Л. Д. Кокорева, емко и лаконично отмечающего: «К предмету заключения эксперта относятся лишь вопросы, находящиеся в пределах компетенции эксперта, его специальных познаний»⁴¹.

Однако каждая из представленных точек зрения является лишь научным мнением, а не официальным толкованием соответствующего положения постановления Пленума. Буквальное толкование этого положения, по мнению А. А. Эксархопуло, обнаруживает, что «речь в нем идет не о праве или отсутствии права ставить или решать юридические вопросы, а о пределах компетенции судебного эксперта, который, не будучи специалистом в области права, но все же решая поставленные перед ним судом юридические вопросы, выходил за пределы своей компетенции <...> Ни о каком превышении прав ... со стороны следователя, ставящего перед экспертом юридические вопросы, ни тем более об отсутствии таковых у эксперта, компетентного в правовых вопросах, речи не шло, и идти не могло, поскольку запрета формулировать правовые вопросы экспертам не содержал ни один отечественный законодательный акт»⁴².

Такая позиция совершенно справедлива в части отсутствия прямого запрета. Однако правда и в том, что отечественное законодательство в равной мере не содержало положения, предоставлявшего соответствующую возможность по постановке правовых вопросов. Приведенные суждения являются примером широкой трактовки диспозитивности – «что не запрещено – разрешено». Такой подход в уголовном судопроизводстве в отличие от гражданского недопустим. Вариативность решения в уголовном процессе возможна исключительно в рамках имеющих прав и обязанностей субъектов. В первую очередь это касается функционеров уголовного судопроизводства, для которых компетенция четко очерчена законом, и выход за ее пределы запрещен.

Вместе с тем ограничение на постановку правовых вопросов следователем, хотя прямо и отсутствовало, но следовало из анализа ряда положений ранее действовавшего УПК. Среди них особое место занимают принцип презумпции неви-

³⁹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. С. 202.

⁴⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 440.

⁴¹ Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 199, а также см.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 174. Близкой к представленной является точка зрения В. А. Лазаревой: «Специальные знания ограничивают пределы компетенции эксперта ; он вправе отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). К числу последних традиционно относят правовые вопросы» (Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2010. С. 281).

⁴² Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 63.

новности и следующие из него правила о распределении бремени доказывания и невозможности возложения обязанности доказывания органами и лицами, осуществляющими производство по делу, на иных участников судопроизводства⁴³. Сюда следует отнести и норму, определяющую предмет доказывания, – ст. 68 УПК РСФСР. Это обязывало следователя определять круг конкретных обстоятельств, подлежащих выявлению в каждом конкретном случае. И, наконец, ст. 127 УПК РСФСР, посвященная полномочиям следователя, четко закрепляла обязанность последнего *самостоятельно* принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий, за законное и своевременное проведение которых следователь нес *полную* ответственность. Поскольку одной из приоритетных задач следствия является правильная квалификация, правильное применение уголовного закона должно было входить в предмет процессуальной самостоятельности следователя и составлять его исключительную компетенцию.

Несмотря на эти уточнения, научная и практическая ценность исследований А. А. Эксархопуло состоит в формировании обоснованной позиции отсутствия прямого запрета на использование юридических знаний как специальных, что открывает легальные перспективы для назначения и производства правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Традиционным шагом в обосновании любого вида судебной экспертизы является определение ее предмета. Под предметом судебной экспертизы понимают установление на основе специальных знаний обстоятельств дела (сведений о фактах), имеющих значение для судопроизводства⁴⁴. Такое определение характерно для экспертизы в целом («в ее общем, родовом или видовом понятиях»). Поэтому предмет экспертизы предопределяется не объектом исследования и вопросами следователя или суда, а положениями той науки, на которой основывается экспертиза и, соответственно, возможностями последней. Поскольку в основе правовой экспертизы лежат знания юридических наук, то их исследование является первоочередным.

В представленных выше научных позициях, основанных на различном толковании соответствующего положения постановления «О судебной экспертизе», налицо подмена понятий. Ученые правомерно утверждают, что юридические знания эксперта, затрагивающие вопросы исключительных полномочий функционеров процесса, не могут ни формировать компетенцию эксперта, ни входить в предмет судебной экспертизы. И с этим невозможно спорить. Однако вывод о недопустимости именно таких «исключительных» юридических знаний автоматически распространяется на любые правовые знания, в том числе и на знания, не составляющие прерогативу следствия и суда. Поэтому к пониманию юридических знаний в уголовном процессе должен быть выработан новый подход, их следует рассматривать дифференцированно, а не монолитно.

⁴³ Хотя в отечественном законодательстве презумпция невиновности впервые была закреплена в Конституции РФ 1993 г., ее нельзя было не учитывать и считать формально-абстрактной декларацией (см. об этом подробнее: *Либус И. А.* Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 64–100). Презумпция невиновности была закреплена во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), в Международном пакте о гражданских и политических правах (1973 г.). Эти акты были ратифицированы СССР.

⁴⁴ С различными уточнениями, не имеющими принципиального значения для настоящего исследования, такое определение приводится в следующих работах: *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2006. С. 77 ; *Майлис Н. П.* Введение в судебную экспертизу. М., 2004. С. 5 ; *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. С. 24.

Применительно к проблеме правовой экспертизы знания могут быть разделены на:

- 1) составляющие исключительную компетенцию функционеров уголовного процесса;
- 2) не составляющие такой компетенции.

Каждая из этих групп имеет свое содержание и особенности процессуальной регламентации.

Очевидно, что к **юридическим знаниям первой группы** следует относить знания в области уголовного права и процесса, содержательно формирующие профессиональную компетенцию дознавателя, следователя, прокурора и суда, которая позволяет этим участникам судопроизводства принимать уголовно-процессуальные решения. Ядром исключительной компетенции этих функционеров процесса является решение вопросов правовой квалификации и привлечения к уголовной ответственности. Поэтому недопустимыми будут вопросы эксперту о форме вины, наличии состава преступления, доказанности совершения преступного действия определенным лицом, законности и обоснованности уголовного преследования и т. п. Так, следует критически отнестись к прозвучавшему предложению о возможности разрешения экспертом следующих вопросов: Каковы основания, условия и характер (вид) ответственности за нарушение исследуемой нормы права? Кто должен нести данную ответственность? Совершались ли участниками исследуемого правоотношения какие-либо умышленные действия, искажающие смысл общепризнанного понимания нормы, его регулирующей?⁴⁵ Такие вопросы недопустимы и искажают смысл юридической экспертизы. Следует согласиться с позицией В. С. Балакшина, считающего, что «табу для экспертов должны представлять вопросы, касающиеся виновности лиц, квалификации их действий, достаточности, допустимости и относимости доказательств, имеющих в деле, применения норм уголовного и процессуального закона, исключающих уголовную ответственность либо наказание»⁴⁶. Поэтому недопустимы экспертные заключения «о качестве предварительного расследования», «об обоснованности осуждения», «о соответствии требованиям УПК», а также иные подобные исследования, приводимые в качестве примера А. А. Эксархопуло. Здесь усматривается некоторое противоречие, поскольку сам ученый, определяя профессиональную компетенцию функционеров процесса, полагает, что они «профессионально обязаны разбираться прежде всего в тех отраслях права, нормами которых, во-первых, они руководствуются, принимая решения в пределах предоставленных полномочий; во-вторых, в тех нормах, которыми регламентирована их собственная деятельность и, в-третьих, деятельность, им поднадзорная (подконтрольная). Знания иных отраслей права субъектами уголовно-процессуальной деятельности оказываются востребованными по мере необходимости и только для оценки тех событий, которые могут иметь уголовно-процессуальное значение, но лежат в сфере правоотношений, далеких от уголовного судопроизводства»⁴⁷.

⁴⁵ См.: Жариков Ю. С., Шамаров В. М. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования. С. 12.

⁴⁶ Балакшин В. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу // Законность. 1999. № 1. С. 38.

⁴⁷ Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... С. 71.

Однако не все знания криминально-правового цикла составляют исключительную компетенцию функционеров процесса. Например, спорными выглядят утверждения о том, что «специальными предлагается признать те юридические знания, которые выходят за рамки уголовно-процессуального права, уголовного права, криминалистики в объеме программы вузов»⁴⁸, либо случаи, когда к «исключительным» юридическим знаниям относят «методики расследования преступлений и тактику производства следственных действий»⁴⁹. Во-первых, криминалистические знания сложно назвать юридическими в понимании, пригодном для объяснения сущности правовой экспертизы. Криминалистика собственно правом не занимается, поскольку в ее арсенале отсутствуют средства по исследованию правоотношений. Криминалистике не соответствует ни одна отрасль права, хотя ее предмет и объекты познания, функционал и многие рекомендации лежат в сфере правовых явлений⁵⁰.

Во-вторых, указание на «объем программы вузов» выглядит неоправданно «стабильно оптимистичным» и нереальным не только потому, что на протяжении десятилетий мы живем в условиях продолжающегося реформирования системы образования, порождающего всё новые взаимоисключающие стандарты, но и в связи с реально различающимся количеством часов и качеством преподавания соответствующих дисциплин. Поэтому объективное ограничение специальных юридических знаний, составляющих компетенцию органов расследования и суда, возможно исключительно в рамках (объеме) действующего законодательства.

Юридические знания второй группы целесообразно разделить на два под-вида:

- **знания, основанные на нормах технического характера;**
- **«чистые» («некриминальные») юридические знания.**

Правовые знания технического характера практически всеми признаются специальными и имеют достаточно солидный опыт применения при производстве судебных экспертиз, что и объясняет их отнесение к самостоятельной подгруппе. Использование экспертом научно-технических правил, содержащихся в нормативных актах (например, в инструкциях по технике безопасности движения, горных и строительных работ, эксплуатации машин и механизмов, правилах бухгалтерского учета и т. п.), не является вторжением в исключительную сферу деятельности органов следствия и суда. При этом состав преступления не устанавливается, а решается вопрос о соответствии действий лица в данной обстановке конкретным нормативно-техническим требованиям.

Оставшийся **блок «чистых» юридических знаний** как раз и должен лечь в основу правовых экспертиз. К числу таковых знаний должны быть отнесены самые разнообразные сведения из различных отраслей права, которые могут быть востребованы участниками уголовного судопроизводства. Такие правовые знания должны признаваться специальными в смысле уголовно-процессуального законодательства.

⁴⁸ Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 67.

⁴⁹ Бишманов Б. М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 32.

⁵⁰ См.: Зотов Д. В. О некоторых аспектах соотношения криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Воронежские криминалистические чтения. 2003. № 4. С. 123–134 ; Зотов Д. В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения : теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 52–69.

В литературе высказана идея о возможности ограничения круга специальных знаний, которые могут быть востребованы при назначении и проведении юридических экспертиз. Предлагалось отнести к их числу знания в области налогового, гражданского, международного права и права иностранных государств⁵¹, либо ограничиться кругом отношений гражданско-правового содержания⁵². Перечисленные отрасли права, а также правовые системы зарубежья, очевидно, являются наиболее востребованными в практике расследования преступлений вследствие значительного числа составов УК РФ, содержащих экономическую или международную направленность. Однако исчерпывающая регламентация специальных знаний нецелесообразна, поскольку оставляет «за бортом» целый ряд отраслей права, которые могут быть востребованы правоприменителем. Поэтому именно потребность участников судопроизводства в тех или иных юридических знаниях делает их специальными, а вовсе не критерии частоты использования или их малой известности.

Таким образом, дифференциация юридических знаний открывает перспективы легального существования правовой экспертизы в уголовном процессе, но, вместе с тем, ставит задачу определения ее содержания в части вопросов, подлежащих разрешению в ходе юридического исследования. Данный вопрос является дискуссионным и продолжает обсуждаться научным сообществом.

Так, И. Т. Белов верно выделяет в правовой экспертизе процессуальное и аналитическое направления: «Во-первых, рассматривать правовую экспертизу можно как доказательство по делу. При этом правовая экспертиза в данном значении будет выступать как источник доказательств. Например, в ходе исследования будут выявлены использованные при совершении мошенничества документы, а также лица, участвовавшие в преступлении. Предполагаемая схематичность заключения правовой экспертизы должна отражать каждый этап совершенного преступления в пределах затронутой отрасли права.

Во-вторых, информационно-консультационное значение, заключающееся в разъяснении каких-либо общих вопросов относительно процедуры отдельных действий в той или иной отрасли права, за исключением уголовной и уголовно-процессуальной. Данное значение носит справочный характер и доказательственного значения не несет»⁵³.

А. С. Цаплин к числу задач судебно-нормативных экспертиз, относит:

- «– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний *правил применения нормативных и нормативно-технических актов*;
- разъяснение на основе профессиональных юридических знаний *сферы применения нормативных и нормативно-технических актов*;
- установление *соответствия* действия лиц предписаниям нормативных и нормативно-технических актов;
- установление *причинно-следственной связи* между соблюдением или несоблюдением нормативных и нормативно-технических актов и наступившими *последствиями*»⁵⁴.

⁵¹ См.: Донцов П. В., Бирюков П. Н. Расследование налоговых преступлений с «иностранным элементом»: правовые и криминалистические аспекты. Воронеж, 2003. С. 104–109.

⁵² См.: Белов И. Т. Правовая экспертиза и ее роль в расследовании мошенничества, связанного с отчуждением жилых помещений. URL: http://pervomaycourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep-&op=3&did=1

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником... С. 76–77.

Первые три задачи, направленные на установление содержания права и ответственности ему деяний субъекта, заслуживают поддержки и выражают суть потребности в специальных юридических знаниях. Однако последняя задача по установлению экспертом причинно-следственных связей между деянием и последствиями⁵⁵ явно заимствована из исключительной компетенции функционеров судопроизводства, поскольку как элемент объективной стороны преступления является обязательной частью процесса уголовно-правовой квалификации. В этом же контексте замечание вызывает позиция автора о недопустимости постановки вопросов, которые могут «вторгаться в субъективную сторону преступления»⁵⁶. С позиций исключительных полномочий по квалификации деяния органами расследования и судом, законодатель не определяет, какие элементы состава преступления (объект, субъект, объективная и субъективная стороны) могут быть установлены в результате экспертного исследования.

Л. В. Лазарева предлагает свой перечень общих задач, решаемых в рамках правовой экспертизы:

- «– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний правил применения норм закона и подзаконных актов;
- исследование материалов уголовного дела в целях решения вопроса о квалификации деяния;
- исследование норм, носящих *бланкетный (отсылочный) характер*, в целях правильной их трактовки правоприменителем;
- установление соответствия действий *должностного лица* определенным правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах;
- установление *причинной связи* между несоблюдением каких-либо нормативных актов, регламентирующих профессиональную деятельность, и наступлением *вредных последствий*»⁵⁷.

Каждый из приведенных пунктов нуждается в уточнении.

Во-первых, вряд ли целесообразно ограничивать правовую экспертизу лишь законами, подзаконными актами или, как ранее предлагал А. С. Цаплин, только нормативными актами. Такое ограничение оставляет за рамками юридического исследования солидный объем правовых актов, не являющихся нормативными.

Во-вторых, прямое указание на квалификацию недопустимо. Задачи правовой экспертизы сводятся к ответам на поставленные вопросы и не включают проблемы установления состава преступления. Тем более что сама Л. В. Лазарева в предложенном определении предмета правовой экспертизы не включает вопросы исключительной компетенции функционеров процесса: «предметом данного вида экспертизы являются фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с использованием специальных знаний в различных отраслях права, на основе исследования норм права, подлежащих применению, и соответствия правильности их применения требованиям законодательства»⁵⁸.

⁵⁵ Некоторые ученые также относят определение последствий преступного деяния к вопросам, разрешаемым при производстве правовой экспертизы (см.: Громов Н., Смородинова А., Соловьев В. Заключение эксперта : от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики) // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 29).

⁵⁶ Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником... С. 79.

⁵⁷ Лазарева Л. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2014. № 4. С. 15.

⁵⁸ Там же. С. 15.

В-третьих, нецелесообразно ограничивать возможность назначения юридической экспертизы лишь наличием затруднений по отсылочным статьям УК РФ. Пример бланкетных норм приводится как наиболее яркая иллюстрация необходимости легализации правовых экспертных исследований, но вовсе не для ограничительного толкования условий назначения подобной судебной экспертизы. «Обычные» нормы уголовного закона также могут потребовать обращения к специальным юридическим знаниям.

В-четвертых, соглашаясь с задачей установления соответствия действий определенным правилам, невозможно объяснить, почему возможность такого установления сводится лишь к одному субъекту – должностному лицу?

В-пятых, проблема установления элементов объективной стороны, в том числе и причинной связи между деянием и последствиями, есть исключительная компетенция органов предварительного расследования и суда.

Некоторые ученые⁵⁹ поддерживают позицию Ю. К. Орлова, согласно которой «предметом правовой (юридической) экспертизы, если таковая будет признана, может быть только вопрос о том, какой закон и подзаконные акты подлежат применению в данном деле»⁶⁰. Согласиться с этим сложно, поскольку подобное понимание правовой экспертизы несколько упрощает ее, выхолащивает исследовательскую часть и сводит экспертизу лишь к отсылке к необходимому нормативному источнику. Такое понимание правовой экспертизы привело Т. В. Аверьянову к справедливому выводу о том, что «данную проблему можно решить и путем получения соответствующей научной консультации по правовым вопросам»⁶¹. Конtrarгументом могут служить заверения в том, что юридическая экспертиза значительно шире и богаче по своему содержанию, чем информационно-справочная деятельность по отсылке к тому или иному нормативному акту.

Оппоненты юридической экспертизы нередко предлагают в качестве ее альтернативы либо внепроцессульные консультации с компетентными юристами, в результате которых самому следователю станет понятно, «в чем здесь дело», либо получение справки от специалиста с последующим приобщением ее к материалам дела. Конечно, следует приветствовать пыливость и стремление следователя «докопаться до сути», его обращение к коллегам, ученым, преподавателям за разъяснением сложных вопросов. Однако особенность процессуальной деятельности заключается не только в собственном уяснении каких-либо положений, но и в обоснованном доведении их адресатам доказывания. Следователь не может «познавать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другим, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, т. е. сделать его достоверным для всех»⁶². Инструментом такой передачи знаний в уголовном судопроизводстве являются средства доказывания – доказательства. Поэтому со всей очевидностью следует утверждение о невозможности подмены полноценной судебной экспертизы любыми консультациями по делу.

⁵⁹ См.: Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. С. 189 ; Моисеева Т. Ф. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. URL: <http://www.iaaj.net/node/444>

⁶⁰ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 20.

⁶¹ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. С. 189.

⁶² Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107.

Верно разграничивая заключение эксперта и специалиста как источники доказательств, Е. В. Ломакина пришла к выводу, что «“правовые экспертизы”, встречающиеся в судебной практике, по своей сути являются заключениями специалистов, *помогающих суду сориентироваться* в специфической и малознакомой области правового регулирования. Для изложения суждения по правовому вопросу не требуется проведение специальных исследований, а значит, разрешать правовые вопросы необходимо в форме заключения специалиста»⁶³. Такой подход может быть поддержан лишь в одном – признании доказательственного значения за результатами применения юридических знаний в уголовном процессе, поскольку заключение специалиста также является источником доказательств. Однако автор недооценивает сложность современного права, его противоречивость, коллизионность, динамику изменений и принятия новых норм, а также особенности методов юридического познания, которые не всегда универсальны и доступны следователю и суду. Потребность в правовых исследованиях значительно глубже, чем «ориентирующая помощь» специалиста, тем более, что проблема юридической экспертизы, как уже отмечалось, не сводится к указанию на тот или иной источник, который следствие и суд в состоянии отыскать самостоятельно. Проблема – в познании такого источника, а для этого нужен эксперт. Предложение об обращении к специалисту также подвергла критике Е. Р. Россинская: «...законодатель, давая процессуальную регламентацию заключению и показаниям специалиста, нигде не упоминает, что юридические знания не являются специальными. Однако во многих случаях просто консультации с использованием юридических знаний бывает недостаточно. Необходимы именно исследования по определенным вопросам права, результаты которых даются письменно и оформляются в виде заключения»⁶⁴.

Все изложенное позволяет сформулировать следующее определение предмета правовой (юридической) экспертизы в уголовном судопроизводстве: **предметом правовой экспертизы по уголовному делу следует считать установление на основе специальных юридических знаний, не составляющих исключительной компетенции функционеров судопроизводства, обстоятельств по определению содержания права и обстоятельств соответствия деяния лица правовым предписаниям.**

Реализация предмета правовой экспертизы

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА

Названные два основных направления реализации судебно-правовой экспертизы: установление обстоятельств по определению содержания права и обстоятельств соответствия деяния лица правовым предписаниям – требуют специальных уточнений.

Определение содержания права может являться самостоятельной задачей правовой экспертизы, но в то же время всегда предшествует последующему установлению соответствия между правовыми требованиями и действиями (бездействием) субъекта.

⁶³ Ломакина Е. В. Юридическая (правовая) экспертиза как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2007. № 8. С. 329.

⁶⁴ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ – МЮИ – МГЮА: Труды. М., 2006. Т. 2. С. 234–241. URL: http://rossinskaya.ru/articles/Trud_75.doc

Определение содержания права с позиций теории следует рассматривать как компетентное (профессиональное) неофициальное толкование права экспертом. Однако особенность такого профессионального толкования в том, что оно хотя и не имеет обязательной силы, но выраженное в экспертном заключении может иметь юридические последствия, поскольку приобретает статус доказательства по делу.

Исследовательский процесс эксперта включает в себя следующие стадии: *уяснение, объяснение и разъяснение* содержания смысла нормы права:

уяснение смысла нормы является необходимой предпосылкой для правильного понимания ее требований;

объяснение правовой нормы представляет передачу ее смысла другому лицу; в тех случаях, когда в процессе уяснения обнаруживаются неясности и неточности, возможно наступление стадии разъяснения содержания нормы права.

Определение содержания права должно отвечать следующим **общим требованиям**.

1. Его *цель* состоит в правильном, точном и единообразном понимании и применении нормативных предписаний, выявлении сути права, которая облечена в словесную формулировку. «Результатом толкования должны быть полная ясность и определенность смысла правовой нормы. Ясность смысла – это глубокое понимание содержания нормы, отсутствие каких-либо сомнений в точности приведенных в результате толкования выводов. Определенность смысла – это конкретность содержания правовой нормы, не допускающая двух или более решений на основе сделанных выводов»⁶⁵;

2. Определение содержания права осуществляется путем применения *грамматического (текстового) толкования*, при котором уяснение смысла происходит на основе анализа текста источника права.

3. Используется прием *систематического толкования*, предусматривающий уяснение смысла той или иной правовой нормы путем сопоставления ее с другими нормами, а также установление ее места в общей системе действующего законодательства, отграничение от других, близких по содержанию, правил.

4. Возможно использование *исторического способа* толкования: выяснение обстоятельств и причин, обусловивших принятие правового акта, а также задач, стоящих перед ним в процессе его применения, сопоставление действующих источников права с их предшествующими аналогами.

5. Определение содержания права осуществляется путем *логического толкования*, которое основано на законах мышления. Логический способ толкования складывается из различных приемов: логическая дедукция ряда правовых следствий из предписаний нормы права, толкование «от противного», заключение от меньшего к большему и наоборот, и др.

6. Особое значение имеет метод *специально-юридического толкования*, основанный на специальных юридических знаниях, достижениях юридической науки. Такие данные могут содержаться в самом тексте закона (например, когда в тексте имеются дефинитивные положения). Нередко они включаются в процесс толкования посредством разъяснений решений вышестоящих судебных инстанций, научных комментариев. «Важное место среди специальных юридических данных, используемых при толковании закона, занимают знания о юридических

⁶⁵ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 279.

конструкциях, видах юридических прав и обязанностей, юридических фактах, юридической ответственности и защите прав, типах презумпций и т. д. Во многих случаях только с их помощью возможно раскрыть в необходимом объеме содержание юридических норм и тем самым обеспечить правильное, точное применение закона ... Толкование права юристом-профессионалом является компетентным по той причине, что юрист при надлежащей профессиональной подготовке может использовать в процессе толкования специальные юридические знания. С этой точки зрения специально-юридическое толкование занимает центральное, ключевое положение среди способов толкования. И именно оно позволяет рассматривать толкование в качестве своего рода вершины юридической науки и юридического искусства, где смыкаются теоретическое и специальное познания и где они раскрывают свою силу и возможности при решении конкретных юридических дел», – пишет С. С. Алексеев⁶⁶.

7. *Результаты* такой исследовательской деятельности эксперта воплощаются в экспертном заключении, представляющем собой интерпретационный акт. В своем заключении эксперт приходит к одному из следующих выводов: содержание нормы адекватно ее языковому выражению (буквальное толкование), содержание нормы шире ее выражения (расширительное или распространительное толкование), содержание нормы уже ее выражения (ограничительное толкование).

Важно, что, осуществляя определение содержания права, эксперт может критиковать нормы лишь с позиции их соответствия нормативным актам более высокой юридической силы, а также критерия – не входит ли исследуемая норма в противоречие (коллизия) с нормативными актами аналогичной юридической силы. Главное, чтобы оценка не включала в себя элементов доктринального толкования права. В связи с этим необходимо рассмотреть следующую проблему производства правовых экспертиз.

Необходимость введения юридической экспертизы как полноценного способа доказывания в уголовном процессе часто обосновывается ссылкой на *конституционное правосудие*, где практика ее внедрения легальна и успешна. Вместе с тем ряд ученых обращают внимание, что такие экспертизы являются специфическими и возможны только в Конституционном Суде⁶⁷. По этому поводу Е. Р. Россинская замечает определенный диссонанс во взглядах: как следует соотносить посылку о единой природе всех судебных экспертиз с выводом о том, что «природа правовых экспертиз в сфере уголовного и конституционного производства различна и их не следует смешивать»⁶⁸?

В подобной дискуссии акценты следовало бы сместить с природы экспертизы на сущность самого вида судопроизводства, памятуя о том, что экспертиза – для правосудия, а не наоборот. При этом природа любой судебной экспертизы, в том числе и юридической, остается единой – это компетентное исследование обстоятельств дела лицом, обладающим специальными знаниями. В таком аспекте природа экспертизы действительно универсальна для любого судебного процесса. Однако каждый из четырех видов правосудия имеет свои особенности, предпо-

⁶⁶ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 136.

⁶⁷ См.: Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. С. 189 ; Корухов Ю. Г. Допустимы ли правовые экспертизы в уголовном процессе. С. 39 ; Статкус В. Ф. О правовой экспертизе и юристах «второго сорта» // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 47.

⁶⁸ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы.

чтения и исключения. Сложно оспорить факт существования значительно больших схожих черт между административным, гражданским и уголовным судопроизводством, чем у каждого из них с конституционным правосудием. Специфика рассмотрения дел в Конституционном Суде вряд ли позволяет проводить параллели с институтами других отраслей процесса. Между ними прослеживается единство лишь на уровне понятий и основ деятельности. Это касается и судебной экспертизы. В Конституционном Суде широко практикуется приглашение экспертов по правовым вопросам, что в других судах пока исключается, и, как показывает практика, в большинстве случаев в качестве экспертов выступают именно ученые-юристы, являющиеся специалистами в отдельных отраслях права. «Это объясняется тем, что в конституционном судопроизводстве установление объективной истины по делу представляет собой уяснение смысла, который вкладывается законодателем и научной доктриной в нормы закона, а не установление каких-либо фактических обстоятельств»⁶⁹. В связи с этим становится очевидно, что в качестве экспертной методики выступает доктринальное толкование права, при котором «на взгляды эксперта, как правило, влияют множество факторов: принадлежность к той или иной научной школе, собственные концепции и доктрины, тенденции развития правовой системы и др., – пишет Д. А. Басангов. – Будучи завершенным и логически выстроенным трудом, экспертное заключение зачастую содержит новый вариант «прочтения» известных юридических концепций, конструкций и терминов, что, несомненно, обогащает юридическую науку и делает экспертное заключение источником доктринального конституционного толкования»⁷⁰. Такие экспертные мнения, в большей части направленные на уяснение смысла правового явления, а не на доказывание фактов, явно недопустимы при осуществлении тех видов процессуальной деятельности, где устанавливаются конкретные обстоятельства дела.

Дополнительным возражением при апелляции к практике Конституционного Суда в части проведения правовых экспертиз выступает прямое ограничение Преамбулой Федерального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» круга отношений, на которые распространяется закон. В их числе – гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Конституционное правосудие не названо. Поэтому для обоснования возможностей полноценного вовлечения правовой экспертизы в уголовное судопроизводство требуются другие аргументы, а не проведение аналогий с конституционным правосудием.

И последнее. Л. В. Лазарева, ссылаясь на Ю. К. Орлова, утверждает, что «толкование закона не может быть предметом экспертизы и является исключительной компетенцией правоприменителя»⁷¹. Категорична и позиция Т. В. Аверьяновой: «Экспертиза не толкует закон»⁷². Такие утверждения совершенно справедливы применительно к уголовному и уголовно-процессуальному закону, но не относятся к остальным правовым положениям, лежащим за пределами этих криминально-правовых отраслей знания. Толкование права, не составляющего круг исключительной компетенции следствия и суда, является обязательной чертой любого юридического экспертного исследования.

⁶⁹ Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ. М., 1999. С. 111.

⁷⁰ Басангов Д. А. Значение экспертных заключений в конституционном судопроизводстве // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 148.

⁷¹ Лазарева Л. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве. С. 15 ; Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. С. 18.

⁷² Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. С. 188.

УСТАНОВЛЕНИЕ СООТВЕТСТВИЯ ДЕЯНИЯ ЛИЦА
ПРАВОВЫМ ПРЕДПИСАНИЯМ

Установление соответствия деяния лица правовым предписаниям является вторым направлением реализации предмета правовой экспертизы в уголовном процессе. Обязательными условиями такого установления выступают: 1) предварительное определение содержания права и 2) запрет на вторжение в область исключительной компетенции органов предварительного расследования и суда.

Однако простого определения условий недостаточно, так как основным вопросом при реализации этой части предмета правовой экспертизы является проблема соотношения квалификации преступления с соответствием деяния лица правовым требованиям. Такой вопрос был поднят П. С. Яни: «Если обратиться к критикуемым точкам зрения на правовую экспертизу, остается неясным, какие, собственно, вопросы, кроме тех, что так или иначе связаны с квалификацией деяния, могут возникнуть у следователя, прокурора или суда при ее назначении? Ведь «правовой эксперт», давая заключение по поводу применения неуголовно-правовой нормы, в силу бланкетности статьи Уголовного кодекса об ответственности за экономическое преступление, неизбежно будет отвечать на вопрос о квалификации. Если же на разрешение эксперта ставятся не связанные с квалификацией вопросы, то какое отношение ответы на них могут иметь к деянию, которое надо оценить с позиций УК?»⁷³. Такая позиция является принципиальной в вопросе легализации правовой экспертизы и нашла поддержку в юридическом сообществе⁷⁴.

Действительно в основе как квалификации, так и установления соответствия деяния лица правовым предписаниям лежит процесс юридической оценки фактов. Оценка – важный системообразующий компонент юридической квалификации любого вида – как официальной, осуществляемой в рамках правоприменения, так и неофициальной. «Оценить – означает высказать мнение, суждение о ценности, значении чего-нибудь, установить качество чего-нибудь... Объектом юридической оценки действительно выступают конкретные жизненные обстоятельства, а ее содержанием – установление правовой природы этих фактических данных (“с точки зрения их значения для права”)⁷⁵. Именно это обстоятельство – оценка фактов – объединяет названные виды деятельности, лежит в их общем знаменателе, однако не ведет к их отождествлению. Между квалификацией, осуществляемой дознавателем, следователем, судом и экспертным установлением соответствия имеются существенные формальные и содержательные различия. Поэтому даже с формальных позиций эксперт – не субъект квалификации.

Во-первых, квалификацией преступления принято называть «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»⁷⁶; такую квалификацию принято называть официальной (легаль-

⁷³ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9. С. 24.

⁷⁴ См.: Гапон А. О. Два юриста – три мнения : к вопросу правовых исследований и экспертиз // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 146 ; Цховребова И. А. Правовая экспертиза : за или против? // Труды академии управления МВД России. 2009. № 2. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=261&SID> ; Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. Производство правовой экспертизы в российском уголовном процессе : современное состояние и перспективы решения проблемы // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 124.

⁷⁵ Тарханов И. А. Юридическая квалификация : понятие и место в правоприменительном процессе // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 131.

⁷⁶ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 5.

ной), поскольку она может проводиться только следственными, прокурорскими и судебными органами. Именно вопросы уголовно-правовой квалификации формируют исключительную компетенцию функционеров процесса, которая ни в каком виде не может быть делегирована кому-либо, в том числе и эксперту.

Во-вторых, обязательным итогом квалификации является вывод, имеющий уголовно-правовое значение и оформленный в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями. Такой вывод всегда облачен в форму решения. П. А. Лупинская определяет «решения в уголовном судопроизводстве как правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона *и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства*»⁷⁷. Очевидно, что эксперт не наделен полномочиями по принятию решений. Его исследовательский процесс заканчивается выводами, которые никаких властных волеизъявлений содержать просто не могут.

В-третьих, поскольку выводы эксперта, с одной стороны, не могут содержать государственно-властных велений, обязательных для всех, кому они адресованы, а с другой стороны, характер исследовательской части экспертизы существенно пересекается с квалификационным процессом, необходимы следующие уточнения:

- оценка деяния проводится не на соответствие нормам уголовного закона, а на соответствие «неуголовным» нормам права;
- выводы не должны содержать квалифицирующих оценок, составляющих суть деятельности следствия и суда (например, таких понятий, как «относимый», «допустимый», «достоверный», «виновный», «противоправный» и т. п.).

В-четвертых, названные различия должны учитываться при постановке вопросов и ответах на них. В связи с этим правовая экспертиза вполне может заимствовать рекомендации, предложенные Ю. Г. Коруховым, по постановке вопросов при исследованиях на основе правовых знаний технического характера: «Во всех подобных ситуациях безукоризненным с процессуальной и достаточно корректным со всех позиций будет постановка вопроса в форме: “Как должно было действовать лицо (физическое, юридическое) в данной ситуации?”»

Ответ эксперта на этот или подобный ему вопрос будет своего рода оптимальной моделью действий лица, законность деятельности которого поставлена под сомнение.

В задачу следователя и суда в подобных случаях входит:

- а) сопоставление с этой оптимальной моделью конкретных действий лица (физического, юридического);
- б) установление отклонений в этих действиях от изложенного в модели порядка;
- в) определение причинной связи между допущенными отступлениями и наступившим событием преступления»⁷⁸.

Предложенное разрешение является наиболее оптимальным, поскольку «эксперт не оценивает уголовно-процессуальные обстоятельства уголовного дела, а лишь формулирует модель поведения лица в определенной ситуации или в соот-

⁷⁷ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 26.

⁷⁸ Корухов Ю. Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе. С. 39.

ветствии со специальными правилами. Следователь (дознатель) на основе данной модели производит оценку действий конкретных лиц и делает вывод о соответствии или не соответствии действий специальным правилам и соответственно о наличии в действиях лиц нарушения закона (или его отсутствия)»⁷⁹.

П. С. Яни называет такие приемы «вывернутыми наизнанку» вопросами о нарушении правил, поскольку «следующий из заключения эксперта вывод о не соответствии поведения нормативному правилу означает вывод о наличии признаков объективной стороны преступления»⁸⁰. Подобное утверждение было бы верным для теории формальных доказательств, особенно ее положительной части, где сила доказательства заранее определена, а субъекту доказывания ничего другого не остается, как, «не спускаясь в свою совесть», признать убедительным тот или иной источник⁸¹. Иными словами, вывод эксперта о соответствии фактически предубеждает органы следствия и суд, не позволяя им свободно оценивать доказательства. С этим сложно согласиться. Ведь, например, следующий из заключения психиатра вывод о наличии медицинской стороны невменяемости или аффекта не влечет за собой автоматического признания лица ненадлежащим субъектом. Те же правила годны и для оценки заключения правового эксперта.

Здесь уместно обратить внимание еще на одну проблему по постановке и разрешению вопросов при производстве юридических экспертиз: «Эксперт, отвечая на вопрос правового характера, не должен осуществлять квалификацию деяния как оценку фактических обстоятельств дела на основе знания и толкования закона и права. Давая заключение, эксперт свои исследования и выводы строит на использовании специальных (неправовых) познаний»⁸². С таким утверждением согласиться сложно, поскольку оно противоречиво. Как можно ответ на правовой вопрос обосновать выводами на неправовых знаниях? Загвоздка здесь опять в монолитном, недифференцированном восприятии права и сведении всех юридических вопросов к тем, что формируют профессиональную компетенцию следователей и судей. Поэтому в случаях постановки правового вопроса эксперту на него должен быть дан правовой ответ.

Если же эксперт юридическими знаниями не обладает, следует согласиться с интерпретацией А. А. Эксархопуло п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1: «...перед судебными экспертами, не являющимися специалистами в области права, недопустимо ставить юридические вопросы»⁸³. Разумеется, характер таких вопросов не должен определять функциональную прерогативу функционеров судопроизводства.

⁷⁹ Земцова С. И. Проблемные вопросы соотношения правовых (юридических) и специальных знаний // Современное право. 2009. № 9. С. 15.

⁸⁰ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле. С. 24.

⁸¹ См. об этом: Зотов Д. В. О теории формальных доказательств : и все же она возвращается // Адвокат. 2015. № 4. С. 5–9 ; Зотов Д. В., Сыщикова Т. М. Быть по сему?! (к 150-летию реформы концепции уголовно-процессуального доказывания) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 163–168 ; Победкин А. В. Формальная оценка доказательств в современном уголовном процессе России : «капкан захлопнулся?» (Размышления над книгой академика А. Я. Вышинского) // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2015. № 2. С. 172–182.

⁸² Кудрявцева А., Лившиц Ю. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 39.

⁸³ Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 91.

**Вопросы процессуальной регламентации и реализации положений
о правовой экспертизе**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Процессуальная регламентация и реализация положений о правовой экспертизе представляет собой комплекс проблем, связанных с ее наименованием, основаниями и порядком назначения, ожидаемыми результатами, порядком оценки и другими вопросами назначения и производства таких исследований.

Судебные исследования на основе специальных юридических знаний принято называть «правовыми» или «юридическими» экспертизами. Конечно, такие понятия не всегда объективно отражают суть явлений, однако они являются устоявшимися и позволяют определить суть проблемы. Существует предложение именовать такие экспертизы «судебно-нормативными»⁸⁴, однако и здесь возникают определенные сложности. Так, если «нормативность» понимать как признак права, то понятия «правовой» и «нормативной» экспертизы сливаются, не показывая какой-либо специфики, а лишь умножая известные сущности. В том случае, если под нормативностью понимаются нормативные акты как идентифицирующие экспертные объекты, то новое понятие окажется более узким, чем традиционные, поскольку при проведении исследования может потребоваться обращение не только к нормативным, но и к индивидуальным правовым актам.

Не вполне ясен смысл и понятия «юридико-правовая экспертиза»⁸⁵, которое тавтологично и не дает новых представлений о сути экспертизы.

Попытка разграничить наименования была предпринята Ю. С. Жариковым и В. М. Шамаровым: «В механизме уголовно-правового регулирования следует различать два вида экспертных исследований – юридическую и правовую экспертизы.

Юридическая экспертиза – это деятельность общепризнанных специалистов-правоведов, направленная на оценку соответствия положений уголовного законодательства и проектов уголовных законов общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, уголовно-правовым принципам и нормам УК РФ общего характера.

Правовая экспертиза – это деятельность общепризнанных специалистов в той или иной отрасли права (как правило, не в области уголовного права), состоящая в определении подлежащего применению к конкретным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, регулятивного правового акта (его нормы), а также в правовой оценке правильности подобной реализации правовых положений, обеспеченной нормой УК РФ с бланкетной диспозицией.

При этом если первая не должна иметь процессуального статуса, поскольку предназначена обеспечить законотворческий процесс в сфере уголовно-правового регулирования, то вторая экспертиза, наоборот, должна иметь процессуальную форму. Ее результат – заключение эксперта – следует рассматривать в качестве источника доказательств по уголовному делу»⁸⁶.

⁸⁴ См.: *Россинская Е. Р.* Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы.

⁸⁵ См.: *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него : следственная тактика. С. 348 ; *Игнатченко Н. В.* Правовые основы использования специальных познаний при расследовании преступлений // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5. С. 180.

⁸⁶ *Жариков Ю. С., Шамаров В. М.* Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования. С. 14.

Представленный подход обоснован лишь произвольным желанием найти различия между правовой и юридической экспертизой. С методологических позиций он вызывает сомнения, поскольку происходит неоднократное сравнение несравнимых категорий. Во-первых, сопоставляются различные сферы правового регулирования – уголовно-правовая и уголовно-процессуальная. Несмотря на взаимодействие материального права и процесса, они имеют различную природу регулируемых правоотношений – организуемых и организационных. Во-вторых, смешиваются правотворческий и правоприменительный процессы. Один направлен на создание нормы права, другой – на ее реализацию. В-третьих, внутреннее противоречие приведенных определений связано с тем, что в ходе законотворческого процесса формируется правило поведения общего характера, в то время как для уголовно-процессуального исследования преступления правоотношения складываются только в контексте рассмотрения конкретного дела.

В связи с приведенными замечаниями, оптимальными являются устоявшиеся обозначения экспертизы как «правовой» или «юридической».

По мнению Е. Р. Россинской, рассматриваемые правовые исследования «уже обладают двумя необходимыми чертами судебной экспертизы: 1) исследование основано на использовании специальных знаний; 2) дано заключение, имеющее статус источника доказательств»⁸⁷. Помимо названных, **юридическая экспертиза соответствует и другим признакам, характеризующим судебную экспертизу** (несмотря на то что их «набор» не всегда однообразен).

К числу таких черт можно отнести:

- наличие компетентного субъекта (эксперта);
- собственный предмет экспертизы;
- специальные задачи;
- свои объекты исследования и особенности идентифицирующих объектов;
- специфику методов исследования, разработанных в первую очередь юридической наукой;
- возможность процессуальной регламентации порядка назначения правовой экспертизы, а также установление нормативных основ проводимого исследования, и др.

Особенность последнего свойства юридической экспертизы – *процессуальной формы* – проявляется в двух аспектах. Во-первых, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого запрета на проведение исследований, основанных на юридических знаниях, не вторгающихся в исключительную компетенцию функционеров процесса. Во-вторых, законодатель вправе установить дополнительные требования или ограничения, регламентирующие процессуальные отношения по назначению и производству соответствующих экспертиз. Такие особенности могут содержать как процессуальные кодексы, так и закон о судебно-экспертной деятельности.

Основанием для назначения судебной правовой экспертизы, как и любой другой, является потребность (необходимость) в специальных знаниях. Правовая экспертиза может быть назначена до возбуждения уголовного дела, поскольку закон не устанавливает ни разрешительного, ни ограничительного перечня ситуаций. При этом практика назначения юридической экспертизы до возбуждения уголовного дела может стать оправданной, поскольку сформированная экспертом

⁸⁷ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. С. 17.

модель действия лица в определенной ситуации или в соответствии со специальными правилами позволит следствию как принять обоснованное решение о возбуждении дела, так и построить криминалистические версии для планирования расследования.

Конечно, это не означает, что правовые экспертизы должны назначаться по любому поводу и знание права для следователей или судей теперь вообще не обязательно. Во всех остальных аспектах вопросы процессуальной регламентации юридической экспертизы не отличаются от любой другой судебной экспертизы. Однако наличие ряда признаков у правовой экспертизы, претендующей на вхождение в круг полноценных судебных экспертиз, учеными было подвергнуто сомнению. Так, П. С. Яни обращает внимание на то, что заключения по правовым вопросам не соответствуют таким принципам экспертизы, как *независимость* и *беспристрастность*, поскольку в большинстве случаев подобная «экспертиза» проводится по инициативе заинтересованной стороны, прежде всего обвиняемого либо лица, «заказавшего» возбуждение дела.

Первое замечание о независимости «правовых» экспертов обосновывается в большей части ведомственными предпочтениями, а не практической и законодательной логикой. Во-первых, незаинтересованных сторон в уголовном судопроизводстве нет. Беспристрастен только суд, а он не сторона. В связи с этим импульс любому процессуальному действию, в том числе и экспертизе, задает интерес той или иной стороны, что, собственно, и обозначается как *состязательность*. Во-вторых, законодатель предоставляет участникам процесса широкие полномочия по использованию различных средств и способов доказывания. К тому же в условиях смешанного типа отечественного уголовного судопроизводства таких рычагов доказывания, в том числе и в вопросах назначения экспертиз, существенно больше у представителей обвинения, а не у их оппонентов. (Тем более что без ответа остаются справедливые призывы законодателя предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но также и стороне защиты⁸⁸.) В-третьих, независимость любого эксперта должна быть обусловлена не интересом лица, ходатайствующего или назначающего экспертизу, а профессиональным самоуважением и совестью.

Здесь же следует указать на проблему *предупреждения эксперта об уголовной ответственности*, что, по мнению некоторых ученых, затруднительно реализовать на практике в связи с невозможностью разработки единой методики толкования правовых норм⁸⁹. Признание такого утверждения верным привело бы к потере понятия «единообразие правопонимания и правоприменения», которое является общим знаменателем для всей практики органов предварительного расследования, прокуратуры, наконец, обеспечивает единство судебной системы страны. Несмотря на различные виды толкования права, применение казуального подхода ко многим вопросам, все это не приводит к разнородности и противоречивости в восприятии и применении правовых норм. Такое единообразие достигается самыми различными способами – от уяснения базовых положений теории

⁸⁸ См.: Россинская Е. Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. URL: <http://rossinskaya.ru/articles/1.doc>

⁸⁹ См.: Гапон А. О. Два юриста – три мнения : к вопросу правовых исследований и экспертиз. С. 147.

права в вузе до разъяснений Пленумом Верховного Суда сложных вопросов законодательства и судебной практики. Все это и может служить основой единой методики юридической экспертизы.

Известна точка зрения, что *«объектом экспертизы по уголовному делу могут быть лишь материальные носители информации»*. Статья 69 УПК РСФСР проведение экспертизы связывает с установлением фактических данных, на основе которых определяется наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. *“Правовая” экспертиза по самому определению не может устанавливать какие-либо фактические данные*, ведь правовой анализ суть сопоставление содержания нормы и этих самых фактических обстоятельств»⁹⁰.

Вместе с тем у А. Н. Борисова и С. И. Зернова вызывает непонимание вопрос – почему объектом экспертизы по уголовному делу могут быть лишь материальные носители информации: «Разумеется, эксперт не ограничивается только тем, что сопоставляет содержание правовой нормы и фактические обстоятельства. Применение некоторых правовых норм – не главное, не самоцель в его работе. Производство экспертизы подразумевает прежде всего проведение специальных исследований, и специальные правовые нормы применяются экспертом только в связи с их проведением»⁹¹. В то же время Л. В. Лазарева, проводя анализ особенностей правовых экспертиз, утверждает, что «объектом правовой экспертизы могут быть не только документы, но и явления (события, действия), которые связаны между собой»⁹².

Обязательной ли для правовой экспертизы, как и любой другой, является задача установления новых фактических данных (тем более что это обстоятельство подчеркивается и другими учеными)⁹³? В приведенной выше цитате такой вывод сделан на основе буквального понимания доказательств по УПК РСФСР, которое критиковалось чуть ли не всеми процессуалистами, поскольку не отражало реального понимания доказательств не как сведений о фактических данных, а как самих фактов. В этом контексте источники доказательств должны содержать сведения об обстоятельствах преступного события, причем такие сведения вполне могут быть представлены в форме вывода на основе сопоставления нормы права и исследуемого события. Поэтому заслуживает поддержки позиция ученых, возражающих против рассмотрения традиционной судебной экспертизы исключительно как средства получения новых доказательств и определения этим ее существенной черты⁹⁴. Вместе с тем известна и отличная позиция, предполагающая установление новых фактов, в том числе при производстве юридической судебной эксперти-

⁹⁰ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле. С. 22. Эта идея также поддержана Е. В. Селиной и С. И. Земцовой (см.: Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 22 ; Земцова С. И. Проблемные вопросы соотношения правовых (юридических) и специальных знаний // Современное право. 2009. № 9. С. 16).

⁹¹ Борисов А. Н., Зернов С. И. Пределы специальных познаний судебного эксперта-экономиста // Журнал рос. права. 2003. № 2. С. 56–64.

⁹² Лазарева Л. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве. С.12.

⁹³ См., например: Гапон А. О. Два юриста – три мнения : к вопросу правовых исследований и экспертиз. С. 146.

⁹⁴ См.: Степутенкова В. К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. 1974. Вып. 10. С. 83 ; Эскархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 90.

зы. Так, Е. Р. Россинская (со ссылкой на Т. В. Сахнову) пишет, что «для разрешения вопросов экспертизы необходимо применить целый ряд частнонаучных методов, таких как, например, логико-семантические и логико-структурные методы анализа, структурно-функциональный анализ, метод сравнительно-правового анализа, конкретно-социологические методы, метод экспертных оценок и другие. Очевидно, что следователь или судья не могут владеть этими методами в полном объеме. Проводя исследование с использованием указанных выше методов и основанное на применении специальных знаний, эксперт, как справедливо замечает Т. В. Сахнова, не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание судебного доказательства – заключения эксперта»⁹⁵.

В качестве контраргумента тому, что правовая экспертиза не может устанавливать каких-либо фактических данных в силу того, что правовой анализ суть сопоставление содержания нормы и этих самых фактических обстоятельств, в литературе приводится положение Пленума Верховного Суда РФ о том, что заключением эксперта (в котором могут быть разрешены правовые вопросы, связанные с налогообложением) могут устанавливаться фактические данные, подтверждающие наличие или отсутствие в действиях подсудимого состава преступления: «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов», в п. 17 которого разъяснено, что *фактические данные, подтверждающие наличие или отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, наряду с заключением эксперта, могут устанавливаться также актами документальных проверок исполнения налогового законодательства и ревизии финансово-хозяйственной деятельности*»⁹⁶.

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Главной предпосылкой оценки заключения правовой экспертизы, как и любой другой в уголовном процессе⁹⁷, является уяснение того, что заключение как источник доказательств не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и подлежит оценке следователем и судом по общим правилам, установленным ст. 17 УПК РФ. Выводы эксперта не могут считаться обязательными для следователя или суда, на каких бы научных достижениях они ни были основаны, и сколь бы высоким ни был авторитет исследователя. В разъясняющих постановлениях различных судебных инстанций неоднократно обращалось внимание на недопустимость не критического отношения к заключению эксперта и на необходимость его тщательной и всесторонней оценки.

Наиболее сложным компонентом оценки заключения эксперта является определение его достоверности (правильности, обоснованности). Прежде всего должно быть проверено, насколько обоснованы выводы эксперта, достаточно ли они аргументированы, подтверждены ли проведенными исследованиями. Такой ана-

⁹⁵ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы.

⁹⁶ Борисов А. Н., Зернов С. И. Пределы специальных познаний судебного эксперта-экономиста. С. 56–64.

⁹⁷ Общие условия оценки доказательств см., например: Громов Н. А., Зайцева С. А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002; Зинатуллин З. З. О средствах уголовно-процессуального доказывания и их оценке // Вестник Удмуртского университета. 1996. № 1. С. 85–90; Его же. Оценка средств уголовно-процессуального доказывания в условиях современного законодательства // Избранные труды. СПб., 2013. Т. 2. С. 230–242.

лиз заключения эксперта, по мнению Ю. К. Орлова⁹⁸, включает в себя следующие компоненты:

- надежность экспертной методики;
- достаточность и пригодность исследуемого материала;
- полнота проведенного исследования;
- правильность выводов эксперта;
- доказательственное значение заключения.

Ряд уточнений вносит Т. В. Аверьянова: «Именно при оценке заключения эксперта изучаются:

- во-первых, фигурирующие в заключении данные, характеризующие эксперта как специалиста в определенной области знаний;
- во-вторых, соответствуют ли эти специальные знания тем вопросам, которые поставлены перед экспертом;
- в-третьих, требуются ли для разрешения этих вопросов специальные знания данного профиля;
- в-четвертых, соответствуют ли компетенции эксперта, его специализации те средства и методы, которые он использовал для разрешения поставленных перед ним вопросов. Здесь же необходимо оценить, не вышел ли эксперт за пределы своей компетенции»⁹⁹.

Применительно к юридической экспертизе некоторые из этих положений имеют свои особенности и нуждаются в комментариях.

Процессуальное право регулирует различные отношения, складывающиеся при назначении и производстве экспертизы, определяет правовое положение эксперта и доказательственное значение результатов его исследований. Вместе с тем остается актуальным вопрос о возможности правового регулирования самого экспертного исследования, в том числе при производстве правовой экспертизы. Способен ли закон формализовать научную основу такого исследования, установить критерии допустимости применения тех или иных методик при производстве экспертизы? УПК РФ отмечает лишь необходимость указания примененных методик в заключении эксперта (п. 9 ч. 1 ст. 204). Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности...», повторяя это требование (ст. 25), все же уточняет – «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ч. 2 ст. 8), т.е. одним из критериев допустимости применения научных приемов на основе специальных знаний при производстве экспертизы законодатель называет их общепринятость.

Однако такой подход порождает новые сложности и проблемы, в первую очередь – что следует понимать под общепринятыми методиками? В этом плане Ю. К. Орлов верно замечает, что «даже в традиционных, давно сформировавшихся видах криминалистических экспертиз встречаются принципиально различные методические подходы в различных экспертных учреждениях. Одни и те же методики рекомендуются, например, в экспертных учреждениях МВД РФ и отрицаются в экспертных учреждениях Минюста. Еще больше споров и разногласий в новых, развивающихся, видах экспертиз, например в экономической, которая никак не поспевает за меняющейся экономической ситуацией в стране. Сложное положение в судебно-психиатрической экспертизе, где ранее существовала единая ме-

⁹⁸ См.: Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 127–130.

⁹⁹ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. С. 461.

тодологическая школа, а все остальные отвергались как идеологически чуждые. С падением идеологических барьеров появились и другие идеологические подходы, ранее объявлявшиеся «буржуазными» (фрейдистский, бихевиористский и пр.). Многие из них напрочь отрицают все остальные»¹⁰⁰. Такие взгляды приводят ученого к выводу о невозможности официального признания каких-то методик «единственно верными», ибо в противном случае прекращение научных споров ведет к застою и деградации науки¹⁰¹.

Но как быть субъектам доказывания, которых закон обязывает оценить достоверность экспертного заключения на основе внутреннего убеждения проанализировать при отсутствии каких-либо формальных правил общепринятость методик исследования, их приемлемость и правильность применения? Решением этого вопроса применительно ко всем видам судебных экспертиз, за исключением правовой экспертизы, может служить нормативное установление единого подхода к проведению экспертных исследований. На это обстоятельство также обращал внимание Р. С. Белкин: «Следует законодательно установить порядок апробации новых методов и экспертных методик, определить органы их аттестации и единые общеобязательные формы их публикации и внедрения в практику. Апробированные в результате должной процедуры экспертные методики следует включать в каталог методик, законодательно признанный научным обоснованием экспертных исследований»¹⁰². Однако детальное перечисление в «Паспорте экспертной методики» конкретных методов и последовательности исследований при производстве юридической экспертизы сложно и нецелесообразно. В заключении следует лишь указывать основные методы познания, без «рекомендованного» алгоритма действий. Это объясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, как уже отмечалось, проведение правовых исследований основано и на универсальных, и на специально-юридических методах познания. При этом *единообразие реального правопонимания и правоприменительной деятельности* служит гарантией надежности соответствующих методов исследования.

Во-вторых, особенность правовой экспертизы, в отличие от всех остальных, состоит в том, что функционеры процесса в состоянии ее объективно оценить. Они могут оценивать не только выводы эксперта, но и его исследовательскую деятельность, что позволяет найти пробелы и ошибки. Поэтому доступность для следствия и суда критического восприятия научной стороны правовой экспертизы не позволяет согласиться с авторами¹⁰³, считающими возможным представления органу, назначившему экспертизу, сокращенных заключений, содержащих лишь ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

Рассматривая критерии компетентности эксперта, следует обратить внимание на проблему, поднятую А. В. Кудрявцевой и Ю. Д. Лившицем, о влиянии авторитета эксперта на субъектов доказывания при оценке заключения: «Развитие принципа состязательности в уголовном процессе ставит новые вопросы относительно доказательственного значения мнения ученых-правоведов при обосновании квалификации деяния. В судебной практике имеют место ситуации, когда сторона защиты в обоснование своей позиции приводит в ходе судебного следствия или судебных

¹⁰⁰ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 55–56.

¹⁰¹ См.: Там же. С. 56.

¹⁰² Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. С. 125.

¹⁰³ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания : криминалистический и оперативно-розыскной аспекты... С. 152 ; Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. С. 122–125.

прений мнение известных ученых о квалификации того или иного деяния. В связи с этим возникают вопросы о допустимости влияния авторитетных ученых на внутреннее убеждение судей, о доказательственном значении этого мнения, об этической допустимости подобных действий со стороны защиты. Исходя из ст. 17 УПК РФ, оценка доказательств производится на основании внутреннего убеждения, закона и совести (правосознания). А поскольку источником уголовного и уголовно-процессуального права является закон, на наш взгляд, сторонам недопустимо при доказывании и отстаивании своей позиции ссылаться на мнение ученых, а следовательно, незаконно влиять на внутреннее убеждение судей. Представляется, что это положение должно быть отражено в УПК»¹⁰⁴.

С таким подходом сложно согласиться, поскольку он является проявлением утопического отношения к процессу, где презюмируется согласное желание всех участников в установлении истины. Однако состязательность требует обратного: противоборства тезисов, аргументов, использования незапрещенных приемов в отстаивании своей позиции, оказания допустимого воздействия на внутреннее убеждение, максимального использования возможностей тактики. Стороны должны использовать самые широкие как процессуальные, так и непроцессуальные возможности по оказанию допустимого воздействия на внутреннее убеждение судьи. Это не только ссылка на закон, но и обращение к разъясняющим постановлениям Пленума Верховного Суда (что собственно законом не является), анализ судебной практики, допустимость представления аналогичных судебных решений, апелляция к официальной правовой доктрине государства, цитирование позиций высших должностных лиц, представление проектов процессуальных решений и т. п. Число мер допустимого внепроцессуального воздействия неисчислимо: от криминалистических рекомендаций до неожиданных приемов ораторского мастерства. При всем этом многообразии способов воздействия суд (в рамках той же ст. 17 УПК РФ) остается свободным в восприятии как правовых доводов, так и формы их облачения. Поэтому влияние научного авторитета на суд вполне допустимо. Более того, ссылка «на авторитет» в условиях возможной правовой экспертизы будет не только допустимым, но и необходимым условием оценки экспертного заключения, поскольку компетентность эксперта является обязательным элементом заключения и также подлежит оценке. Какие-либо специальные правила оценки авторитета эксперта-ученого предложить невозможно и не нужно, а рецептом разрешения этических коллизий может служить позиция Л. Д. Кокорева: «Какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию»¹⁰⁵.

Смежной с проблемой влияния авторитета эксперта на внутреннее судебское убеждение является проблема определения компетентности эксперта. П. С. Яни задается вопросом: «Как определять рамки компетентности эксперта? К примеру, может ли доктор наук, защищавший диссертацию по специальности “Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право”, быть признан лицом, более, нежели следователь, сведущим в вопросах нормативного регулирования выпуска ценных бумаг (что имеет значение, к примеру, для вменения состава

¹⁰⁴ Кудрявцева А., Лившиц Ю. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 38.

¹⁰⁵ Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 307.

преступления, предусмотренного ст. 185 УК РФ)?»¹⁰⁶. Очевидно, что ни один, ни второй, по условиям примера, не могут быть надлежащими экспертами по уголовному делу, поскольку у обоих отсутствуют необходимые специальные знания в вопросах обращения ценных бумаг. В приведенной задаче экспертом может выступать цивилист, специалист в области финансового права, либо же тот, кто разбирается в регулировании фондового рынка. Вряд ли ученая степень по специальностям криминально-правового цикла вообще будет востребована при назначении юридических экспертиз, поскольку специальные знания в области уголовного права и процесса составляют исключительную компетенцию функционеров уголовного судопроизводства – дознавателя, следователя, прокурора и суда. В остальном оценка компетентности «правового» эксперта должна складываться из тех же показателей, что и «обычного» эксперта. Для этого изучаются: данные, характеризующие эксперта как специалиста, его специализация, компетенция и компетентность, соответствие его специальных знаний поставленным вопросам, надежность использованных методик.

Оппоненты правовой экспертизы видят сложность в оценке *двух взаимоисключающих выводов*¹⁰⁷. Однако такие же проблемы могут возникнуть и при производстве «неюридических» экспертиз, и решаться они будут на общих основаниях – либо допросом эксперта, либо назначением повторной экспертизы. Интересным в вопросе о взаимоисключающих выводах является следующий пример: «При формулировании диспозиции ст. 171 «Незаконное предпринимательство» УК РФ законодатель не указал, что понимать под доходом, извлекаемым от осуществления предпринимательской деятельности. Поэтому если при назначении судебно-экономической экспертизы ставился вопрос об определении такого дохода и не давалось пояснений, о каком из результатов предпринимательской деятельности идет речь, то эксперт-экономист определял все возможные виды дохода. Например, применительно к торговой организации в качестве видов дохода определялись: товарооборот (продажная стоимость реализованных товаров без учета косвенных налогов); выручка от реализации товаров, исчисляемая как разница между продажной и покупной стоимостью реализованных товаров без учета косвенных налогов (в зависимости от характера торговой деятельности – оптовой или розничной и от исследуемого периода); прибыль от реализации товаров, исчисляемая как разница между выручкой от их реализации и издержками обращения, приходящимися на реализованные товары. И все эти три вида показателей излагались экспертом в заключении. Решать, какой из полученных результатов использовать для уголовно-правовой квалификации деяний обвиняемых или подозреваемых, предстояло лицу или органу, которые назначали судебно-экономическую экспертизу или оценивали ее результаты, но никак не эксперту-экономисту. Тем самым использовались специальные познания эксперта-экономиста и на него не перекладывалось бремя доказывания»¹⁰⁸. Приведенные обстоятельства в очередной раз подтверждают сохранность исключительных полномочий за функционерами процесса и «неисключительность» правовой экспертизы в системе судебных экспертиз.

¹⁰⁶ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле. С. 24.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 22. Эта идея также поддержана Е. В. Селиной (см.: Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 24).

¹⁰⁸ Борисов А. Н., Зернов С. И. Пределы специальных познаний судебного эксперта-экономиста. С. 56–64.

И последнее. Аргументы, усматривающие в правовой экспертизе «намерение следователя закрепить установление определенного обстоятельства в авторитетном (научном) и самостоятельном источнике доказательств, поскольку сама по себе тенденция *усилить впечатление* (прежде всего обвиняемого) от совокупности собранных по делу доказательств путем увеличения количества их источников и придания выводам следователя доказательственной формы не нова»¹⁰⁹, скорее следует отнести к вопросам тактического характера, свободное решение которых обуславливается самостоятельностью и независимостью следователя. Хотя нельзя не согласиться с позицией авторов, усматривающих нравственную проблему в приведенных выводах: «Презюмировать ненадлежащее выполнение правоприменителем своих профессиональных обязанностей не корректно по отношению к тем, кто, наоборот, стремится при расследовании и рассмотрении уголовного дела в полном объеме надлежаще ответить на вопрос о виновности или невиновности лица, осуществлять возложенные на него обязанности в строгом соответствии с законом»¹¹⁰.

Потребность правоприменителя в правовых (юридических) экспертизах объективна и требует своего легализованного удовлетворения. Опасения оппонентов, что возможность назначения юридических исследований приведет к переложению обязанности доказывания всех обстоятельств дела и квалификации деяния на экспертов в области права, несостоятельны. Сам уголовно-процессуальный закон, строго определяя функционал участников судопроизводства, не позволяет смешения процессуальных полномочий. Равно как и компетенция судебного эксперта-юриста, основанная на специальных юридических знаниях, исключающих вопросы уголовного материального права и процесса, не дает ему оснований конкурировать со следствием и судом.

Суть правовой экспертизы сводится к тому, что эксперт устанавливает на основе специальных юридических знаний, не составляющих исключительную компетенцию функционеров судопроизводства, обстоятельства по определению содержания права и обстоятельства соответствия деяния лица правовым предписаниям. Заключение правовой экспертизы как полноценный источник доказательств правоприменитель оценивает по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. При этом на заключение эксперта, как и на любое другое доказательство, распространяется правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

¹⁰⁹ Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 23.

¹¹⁰ Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. Производство правовой экспертизы в российском уголовном процессе : современное состояние и перспективы решения проблемы. С. 123.

Воронежский государственный университет

Зотов Д. В., кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой организации судебной власти
и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Zotov D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the
Organization of Judicial Power and Law Enforcement Activity Department

E-mail: sudvl@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве, основанные на международно-правовых и конституционных стандартах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, права человека, презумпция невиновности, сторона защиты, сторона обвинения.

INTERNATIONAL LEGAL AND CONSTITUTIONAL STANDARDS FOR THE PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS AND INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the issues of normative and legal regulation of the protection of rights and interests of citizens in criminal proceedings, based on international legal and constitutional standards.

K e y w o r d s: criminal justice, human rights, the presumption of innocence, the defense, the prosecution.

Поступила в редакцию 15 ноября 2018 г.

Защита прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве в научно-теоретическом и практическом аспекте системно связана с международно-правовыми и конституционными гарантиями, определяющими общечеловеческие стандарты прав и свобод личности, обеспечивающими реализацию и защиту интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Обеспечение интересов личности, подвергнутой уголовному преследованию, сопряжено с проблемой обеспечения баланса правовых возможностей стороны защиты и стороны обвинения, отвечающего представлениям о справедливом правосудии. Еще одна, не менее значимая, проблема – обеспечение эффективной правозащитной деятельности лиц, являющихся профессиональными участниками уголовного судопроизводства. Таким образом, исследование норм международного права и национального законодательства следует осуществлять по нескольким направлениям, среди которых:

- права, свободы и интересы лиц, подвергнутых уголовному преследованию;
- права, свободы и интересы лиц, потерпевших от преступления;
- права и интересы участников уголовного судопроизводства, осуществляющих защиту подозреваемых, обвиняемых и лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении;
- права и интересы участников уголовного судопроизводства, осуществляющих представительство интересов потерпевших, гражданского истца, гражданского ответчика, частного обвинителя.

Внутренняя структура российского права представляет собой открытую систему, функционально связанную с системой международного права. Эта взаимосвязь и взаимовлияние – результат коренных изменений, произошедших в российском обществе и законодательстве на рубеже XX–XXI вв. Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., которая гарантировала всем гражданам и лицам без гражданства права и свободы, предусмотренные общепризнанными нормами международного права (п. 10), преодолела центристскую силу самодостаточности советского законодательства. В настоящее время предпосылками взаимодействия систем международного и национального права являются нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которыми общепризнанные нормы и принципы международного права являются составной частью правовой системы России. Государство в соответствии с нормой ч. 1 ст. 17 Конституции РФ признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, признанные международным правом. Эта концептуальная идея составляет фундамент демократического правового государства, поскольку синтезирует в единую совокупность не только нормы, но и юридическую практику и, что еще более значимо, идеологический компонент правосознания наиболее активной части граждан России.

Рассматривая вопрос об обеспечении прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на нормы ч. 3 ст. 1 УПК РФ, которые включают общепризнанные нормы и принципы международного права в законодательство России, регулирующее уголовное судопроизводство. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в ст. 3 содержит подобную норму – применение всеми судами «общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», которая призвана, наряду с иными, указанными в статье, обеспечивать единство судебной системы.

Это позволяет сделать вывод, что международно-правовые нормы играют важную роль в национальном правовом регулировании, которая не ограничивается только правотворческой деятельностью. Дальнейший анализ конституционных положений и уголовно-процессуального законодательства убеждает, что международно-правовые стандарты влияют на реализацию права во всех его формах (исполнение, использование, соблюдение и, конечно, применение). Уголовно-процессуальные отношения в силу своей специфики, обусловленной сопряженностью с обеспечением защиты прав, свобод и интересов личности, требуют комплексной правовой регламентации, использующей как внутригосударственные правовые нормы, так и международно-правовые.

Возникновение в международном праве норм о правах человека связывают с принятием Устава Организации Объединенных Наций 26 июня 1945 г., преамбула которого констатирует изменение международного правосознания и провозглашает: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, ... вновь утвердить веру в основные права человека, ... в достоинство и ценность человеческой личности, ... создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, ... содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе ... решили объединить наши усилия для достижения этих целей». Эта-тистская концепция взаимоотношений государства со своими гражданами была отодвинута на второй план, понимание суверенитета принципиально изменилось и начала формироваться новая отрасль – международное право в области прав

человека. Устав ООН не содержит конкретных норм, но в ч. 3 ст. 1 определены цели международного сотрудничества в разрешении различного рода проблем, поощрении и развитии уважения к правам человека. Функции ООН по реализации этих целей закреплены в п. «с» ст. 55, а ст. 56 содержит норму, обязывающую членов организации самостоятельно и в сотрудничестве с ООН добиваться всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека. Устав ООН сформировал правовую базу и определил направления развития международного права в области обеспечения и защиты прав человека, отвечающие интересам не только отдельных лиц, но и международного сообщества в целом.

Следующим документом, ставшим значимым элементом программы ООН по развитию комплекса прав и свобод человека, стала Всеобщая декларация прав человека, принятая на Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 г. В период принятия декларации юридическая сила ее норм не имела абсолютного характера. В Советском Союзе понятие государственного суверенитета предполагало жесткое разграничение сфер влияния норм международного права и национального законодательства, господствовала теория приоритета национального права, которая относила регулирование отношений государства и личности к внутренней компетенции государства. Об этом прямо и недвусмысленно заявил в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский. При голосовании за резолюцию СССР воздержался от принятия Всеобщей декларации. С течением времени члены международного сообщества сформировали устойчивое отношение к нормам декларации и в форме обычая Всеобщая декларация приобрела юридическую силу общеобязательного акта.

Всеобщая декларация закрепляет ряд субъективных прав, среди которых: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3), право владеть имуществом (ч. 1 ст. 17) и другие права, защиту которых предполагает Всеобщая декларация. Это нормы ст. 7 и ст. 12, которые предусматривают защиту законом, отнесение такой защиты к компетенции судов (ст. 8). Часть 1 ст. 11 Всеобщей декларации устанавливает, что судебное разбирательство является гласным и обеспечивает человеку все возможности для защиты, закрепляет принцип презумпции невиновности, что прямо указывает на уголовно-процессуальный характер этой нормы: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком». Возможно, отказ советской делегации от принятия Всеобщей декларации был обусловлен и тем, что в Конституции СССР 1936 г. отсутствовала такая норма. Более того, правоприменительная практика того периода свидетельствовала о презумпции виновности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в том числе и адвокатов, защищавших права граждан в уголовном судопроизводстве. Значение принципа презумпции невиновности имеет не только процессуальный, но и нравственно-психологический характер, позволяя человеку защищаться от обвинения всеми способами, не запрещенными законом, в том числе привлекая самостоятельно или посредством должностных лиц государственных органов независимых советников по правовым вопросам – адвокатов.

Если широко трактовать содержание Всеобщей декларации, заявляющей о предоставлении человеку всех возможностей для защиты, следует говорить о государственной защите прав и свобод человека и об особой роли суда в этой деятельности. Нормы Всеобщей декларации формируют принципы уголовного судопро-

изводства: в целях вынесения справедливого решения суд должен быть гласным (ст. 10, ч. 1 ст. 11), независимым и беспристрастным (ст. 10). Модель современного уголовного судопроизводства просматривается в разграничении функций, равенстве участников процесса и активности стороны защиты в отстаивании своей правовой позиции (предоставляются «все возможности» для защиты). По мнению Л. А. Зашляпина, «с принятием Всеобщей декларации в международном праве возникли не только нормы о правах человека, но и нормы о праве человека на защиту своих прав (гарантии прав)»¹.

Дальнейшее развитие норм о правах человека на международном уровне получило 16 декабря 1966 г. на Генеральной Ассамблее ООН принятием Международного пакта о гражданских и политических правах, который входит в программу нормотворчества ООН, развивая положения Устава ООН и Всеобщей декларации. Об этом свидетельствует преамбула Международного пакта, которая отмечает преемственность этого документа и определяет его юридическую силу *jus cogens* (императивной нормы). Значение этого документа состоит в том, что в нем впервые были закреплены обязанности государства по обеспечению прав и свобод человека. В соответствии с нормой ч. 1 ст. 2 Международного пакта государства-участники должны в пределах территорий, находящихся под их юрисдикцией, уважать и обеспечивать права человека, закрепленные пактом. Способ имплементации положений Международного пакта определен в ч. 2 ст. 2 и требует от каждого государства принятия необходимых мер законодательного, процедурного и иного характера, которые создадут условия для реализации прав человека, предусмотренных пактом. Международный пакт сформулировал ряд положений о правах и свободах участников уголовного судопроизводства: право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 9), право на компенсацию за незаконный арест или содержание под стражей (ч. 5 ст. 9), право на защиту без всякой дискриминации (ст. 26). Гарантии реализации этих и других прав в уголовном судопроизводстве обусловлены содержанием норм п. «а» ч. 3 ст. 2 Международного пакта, которые предусматривают обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае нарушения прав и свобод, признаваемых Международным пактом, даже если нарушение допущено должностными лицами государственных органов; п. «b» ч. 3 ст. 2 обязывает государство обеспечить условия установления права на правовую защиту для любого лица определенными компетентными органами, предусмотренными правовой системой государства (имеются в виду судебные, административные, законодательные и другие органы). Часть 3 ст. 2 Международного пакта требует от властей обеспечения предоставления гражданам средств правовой защиты и всестороннего развития возможностей судебной защиты. В Конституции РФ 1993 г. эти положения отчасти получили воплощение в ст. 45 и 46; в контексте уголовного судопроизводства эти нормы имеют принципиальное значение, поскольку предполагают обязанность государства обеспечивать право на защиту в уголовном судопроизводстве, т. е. право на получение квалифицированной юридической помощи.

Международный пакт развивает и конкретизирует идеи Всеобщей декларации в вопросах личной защиты и самозащиты прав. В п. «d» ч. 3 ст. 14 Международного пакта закреплено право каждого подсудимого присутствовать в судебном заседании и возможность защищать себя лично. Самозащита прав как принцип

¹ Зашляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности : прелиминарный аспект. Екатеринбург, 2006. С. 36.

предоставляет широкие процессуальные возможности подозреваемым и обвиняемым, которые системно развиты в нормах уголовно-процессуального закона. Процессуальные нюансы защиты от обвинения изложены в ч. 3 ст. 14 Международного пакта, нормы которой предполагают наличие достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты, право подозреваемого (обвиняемого) «сноситься с выбранным им самим защитником», а если лицо не имеет защитника, то ему должно быть разъяснено это право и в случае необходимости защитник должен быть назначен. Положения, выявленные в ст. 2, 5, 14 Международного пакта, можно обнаружить в нормах ст. 48 Конституции РФ 1993 г.

Принцип презумпции невиновности, закрепленный ранее во Всеобщей декларации, получил юридическое подтверждение в ч. 2 ст. 14 Международного пакта. В Конституции РФ 1993 г. этот принцип нашел свое место в ч. 1 ст. 49. Запрет принуждения к даче показаний против себя самого и признанию себя виновным (п. «г» ч. 3 ст. 14 Международного пакта) в Конституции РФ 1993 г. выражен в норме ч. 1 ст. 51.

Положения ч. 1 ст. 14, п. «е» ч. 3 ст. 14, закрепившие принцип равенства всех лиц перед судами, трибуналами и процессуальные возможности активной защиты от обвинения посредством вызова и допроса свидетелей как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, повлияли на формирование нормы ч. 3 ст. 123 Конституции РФ 1993 г.

Следует отметить, что с соблюдением всех формальностей в СССР Международный пакт вступил в силу в 1976 г. и в Конституции СССР 1977 г. мы находим имплементацию норм ст. 2 и ст. 14 Международного пакта (презумпция невиновности и право на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката).

Универсальные нормы международного права, имеющие глобальное значение и принимаемые под эгидой ООН, имеют системную связь с правотворчеством европейского сообщества. В 1949 г. по инициативе десяти государств-основателей был создан Совет Европы – международная организация, призванная содействовать сотрудничеству между странами Европы в области формирования и развития стандартов защиты прав человека. В юридической литературе одним из самых значительных достижений Совета Европы считается разработка, принятие и контроль за выполнением Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950 г.). Выполнение Европейской конвенции контролирует Европейский суд по правам человека, который принимает жалобы на нарушение прав от всех граждан государств – членов Совета Европы, ратифицировавших Европейскую конвенцию.

С момента вступления в Совет Европы 28 февраля 1996 г. Россия придерживается положений Европейской конвенции (Европейская конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г.), но полномочия ЕСПЧ подвергает критике в части, касающейся суверенитета России по изменению российского законодательства. В 2015 г. Конституционный Суд РФ решил, что в порядке исключения Россия по некоторым вопросам может отступить от возлагаемых на нее ЕСПЧ обязательств, если это единственно возможный способ предотвратить нарушения основополагающих конституционных принципов.

Возвращаясь к сравнительно-правовому анализу Европейской конвенции и Конституции РФ 1993 г., следует заметить, что эти нормативные акты в вопросах правозащиты регулируют отношения между индивидом и государством, что впол-

не традиционно для конституции, но для международного акта явилось принципиальным прорывом в сфере правового регулирования. Эта особенность повлияла на содержание правоприменительной деятельности государственных органов и на формы реализации права в целом. Предоставительно-обязывающий характер норм Европейской конвенции находит свое воплощение в Конституции РФ 1993 г.; обратим внимание на ключевые положения, соотнося их с уже исследованными универсальными нормами международного права. Государственная гарантия защиты прав и свобод (ст. 1 Европейской конвенции), эффективные средства правовой защиты перед государственными органами (ст. 13 Европейской конвенции), достаточное время и возможность для подготовки защиты (ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции) в Конституции РФ 1993 г. представлены в некоторых вариациях в ч. 2 ст. 45 (право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом), ч. 1 ст. 46 (гарантия судебной защиты) и нормы ст. 55 и 56, которые имеют аналоги в Европейской конвенции. Нормы п. «с» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции имеют в Конституции РФ 1993 г. подобные: ч. 2 ст. 45 (право на самозащиту прав), ч. 1 ст. 46 (право на судебную защиту), ч. 1 ст. 48 (право на получение квалифицированной юридической помощи).

В Европейской конвенции подтверждается принцип презумпции невиновности, провозглашенный в ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации 1948 г. Как мы уже обращали внимание, в законодательстве СССР этот принцип впервые возник в Конституции СССР 1977 г., Конституция РФ 1993 г. закрепляет этот принцип в ч. 1 ст. 49.

Развитие международно-правовых институтов, связанных с защитой прав человека в уголовном судопроизводстве проявилось в Европейской конвенции путем введения норм о праве на справедливое публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, действующим на основе закона (ч. 1 ст. 6). В Конституции РФ 1993 г. эти положения имеют место в ч. 1 и 2 ст. 46 (судебная защита прав и право на обжалование), ч. 1 ст. 123 (открытое разбирательство в суде), а нормы, определяющие уголовное судопроизводство как состязательный по своей сути процесс, выражены в п. «d» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ 1993 г.

Появление международных, универсальных и региональных (европейских) норм о правах человека и международно-правовых институтов, связанных с защитой этих прав во второй половине XX в. повлияло на формирование законодательства во всех государствах, одобрявших рассмотренные выше акты и имплементировавших их положения в систему права. Международные стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве оказали влияние не только на формирование комплекса прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, но и заложили основу их реализации от использования, исполнения, соблюдения до правоприменения.

Выработка норм, обеспечивающих защиту участников уголовного судопроизводства, активизировалась в 80-е гг. XX в. В 1984 г. была принята Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В ч. 1 ст. 1 Конвенции ООН против пыток дано определение этого понятия, ч. 1 ст. 10 и ст. 11 возлагают на государство обязанность готовить квалифицированные кадры, осведомленные о запрете пыток и способные применять иные методы получения информации при проведении допроса. Норма ст. 15 признает недопустимыми доказательства, полученные под пыткой (понятие пытки в этом документе трактуется довольно широко – от умышленного причи-

нения боли и страдания до запугивания и принуждения). Аналогичный документ был принят Советом Европы в 1987 г. – Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Конвенция предусматривает внесудебный механизм по предупреждению бесчеловечного обращения с лицами, лишенными свободы.

Определенное значение для обеспечения защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве имеют Основные положения о роли адвокатов, принятые Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности (Нью-Йорк, август 1990 г.). Этот документ призван содействовать государствам в организации адвокатуры.

Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, август-сентябрь 1990 г.), по замыслу его создателей, должны создать условия, при которых все лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство на профессиональной основе, уважают и соблюдают права человека при выполнении своих должностных обязанностей. Правительства должны обеспечивать доступ к юристам и юридическим услугам, в том числе лицам, пользующимся «правом бедности», и другим лицам, находящимся в неблагоприятных жизненных условиях (ст. 4). Документ устанавливает специальные гарантии в сфере уголовного судопроизводства, системно связывая их с положениями Устава ООН (1945 г.), Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 г.), Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (1955 г.), Мер, гарантирующих защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (1984 г.), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (1985 г.).

Особое внимание документ уделяет вопросам обеспечения подготовки кадров и поддержания их достаточной квалификации, необходимой для реализации своих полномочий в соответствии с международными стандартами защиты прав и свобод человека (ст. 9), определяя необходимый и достаточный круг обязанностей, в том числе нравственного характера (ст. 12). Защищая права клиентов и отстаивая интересы правосудия, юристы должны действовать «независимо и добросовестно в соответствии с законом и признанными нормами и профессиональной этикой юриста» (ст. 14). Строго соблюдая интересы своих клиентов (ст. 15), юристы не должны отождествляться «со своими клиентами или интересами своих клиентов» (ст. 18) и преследоваться властями в связи с добросовестным осуществлением своих обязанностей, т. е. государство должно гарантировать гражданский и уголовный иммунитет в отношении соответствующих заявлений и обращений в суд или другой государственный орган (ст. 20). При этом правительства признают и гарантируют конфиденциальность профессиональных взаимодействий юриста со своими клиентами (ст. 22).

Общая тенденция, которая прослеживается при анализе нормотворчества международных и региональных организаций, состоит в детализации принципов защиты прав и свобод человека и конкретизации гарантий их осуществления. Концепция примата международного права получила свое признание в глобальном масштабе. Это связано, прежде всего, с тем, что современные технологии соци-

ального взаимодействия усиливают интернационализацию всех процессов (экономических, культурных, политических и т. д.), что повышает значение правового регулирования, основанного на нормах, поддерживаемых большей частью мирового сообщества. К сожалению, идеи глобализации затрагивают и криминальный бизнес, и преступные сообщества, и международный терроризм. В этих условиях правительства должны объединять свои усилия по предупреждению преступности, привлечению к уголовной ответственности виновных, нейтрализации негативных последствий для лиц, ставших жертвами преступлений. Проблема обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве должна рассматриваться в различных аспектах, в связи с этим примат международного права над национальным создает правовую основу соблюдения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве вне зависимости от его процессуального статуса.

*Центральный филиал Российского государственного университета
правосудия (г. Воронеж)*

Баева Н. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права

Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh)

Baeva N. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedural Law Department
E-mail: baeva.nata@mail.ru

ПРОБЛЕМА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Рассматриваются проблемные вопросы защиты конституционных прав на судебную защиту граждан. Раскрываются затруднительные ситуации, с которыми приходится сталкиваться при обращении за бесплатной юридической помощью. Предлагается расширить круг лиц, которые имеют право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принципы, гарантии, права, свободы.

PROBLEMS OF JUDICIAL PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

The author examines the problematic issues of the protection of constitutional rights to judicial protection of citizens. Reveals the difficult situations that have to face when applying for free legal assistance. It is proposed to expand the circle of persons who are entitled to free qualified legal assistance.

К e y w o r d s: principles, guarantees, rights, freedoms.

Поступила в редакцию 13 ноября 2018 г.

В настоящее время рассмотрение таких вопросов, как судебная защита конституционных прав и свобод человека и гражданина является малоизученной.

Думается, что назрела необходимость рассмотреть данную проблему более предметно и детально, выявить пути реализации для физических лиц на свободное обращение в судебную инстанцию для оказания им юридической помощи, а также на защиту своих конституционных прав.

Так, Всеобщая декларация прав человека рассматривает такие гарантии, как: «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом»¹.

Хотелось подчеркнуть, что право граждан на судебную защиту принадлежит к такому виду прав, которые не подлежат ограничению. Акцентируем внимание на том, что данное право обеспечивает воплощение прав и свобод лицам, пострадавшим от преступлений и злоупотреблений властью, которым государство гарантирует доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда, возмещение ущерба от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти. В функции судебной защиты входит также право на оказание профессиональной квалифицированной юридической помощи, а именно: на обжалование незаконных действий и решений должностных лиц и государственных органов и др.

В современной России государство хотя и должно обеспечивать защиту прав и свобод граждан и гарантировать определенную охрану их жизни, однако это не всегда совершается на должном уровне. Суть данной проблемы состоит в малой доступности юридической помощи гражданам. Судебный порядок рассмотрения обращений граждан более жестко прописан законодательством (как процессуальным, так и материальным), требует более точного соблюдения многочисленных

¹ Всеобщая декларация прав человека // Рос. газета. 1995. № 67.

© Саратова О. В., 2018

формальных требований (формы документов, процессуальные сроки, порядок доказывания и т. д.). В связи с этим физическим лицам трудно самостоятельно обратиться в судебную инстанцию с целью защиты своих интересов и конституционных прав. Для обращения в суд необходимы определенные базовые знания законодательства РФ, для того чтобы гражданин мог объяснить основную проблему и изъяснить свои требования. Следовательно, большей части граждан требуется квалифицированная юридическая помощь для защиты своих конституционных прав и свобод.

К сожалению, в настоящее время бесплатную юридическую помощь оказывают лицам, которые привлекаются к уголовной ответственности, и, в меньшей степени, социально незащищенным лицам. Остальная часть нашего общества прибегает к денежным расходам для защиты своих законных конституционных прав, что весьма неправильно для нашего государства.

Понятие «право на юридическую помощь» закреплено в законодательстве РФ, но официального нормативного толкования понятия, «квалифицированная юридическая помощь» нет². Пробелом в данном положении является также нехватка общественной регуляции в области правоотношения.

Таким образом, даже при наличии значительного числа официальных нормативных источников, которые диктуют основные нормы, их недостаточно для того, чтобы данные права граждан не нарушались. Требуются также надлежащие гарантии реализации данных прав. Думается, что в законодательство РФ необходимо новое внесение более действенных юридических гарантий, которые будут опираться на интересы граждан, их права и свободу, а также будут пресекать злоупотребление высших органов власти, опирающихся на свой статус в обществе.

Одной из функций государства должна быть бесплатная юридическая помощь населению, а не наоборот. Этот факт отражается и в Федеральном законе № 324-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (в ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Однако указанный закон, в большей степени, реформировал вопрос об оказании юридической помощи, но конкретики не внес, поэтому ситуация осталась до конца не рассмотренной.

Значимая часть при предоставлении квалифицированной профессиональной юридической помощи принадлежит государству, а именно государственным органам, однако сама суть при осуществлении данной помощи со стороны должностных лиц является незаконным и несправедливым. Вследствие этого приходится находить пути, обходящие какую-либо связь с государством, чтобы решения в той или иной мере были справедливыми.

К сожалению, та часть нашего общества, которой всё же удается получить бесплатную юридическую помощь, малочисленна, а именно: инвалиды I и II группы (но: имеющие другие группы инвалидности такого права не имеют); лица, имеющие среднедушевой доход семей ниже величины прожиточного минимума (но: граждане, у кого доход немного превышает указанный минимум лишены данного права).

То есть основная часть норм изучаемого закона носит лишь словестный характер и не конкретизирует положений о бесплатной юридической помощи.

Однако в данной ситуации есть один положительный момент: закон предусматривает создание государственных юридических бюро, в функции которых входит оказание бесплатной юридической помощи населению. Но возникновение

² См.: Саратова О. В. Курс лекций «Права человека и гражданина». Воронеж, 2017. С. 77.

данных бюро, по сути, является не столь обязательным. Если внедриться конкретнее в закон, они рассчитаны на положительную оценку органов власти субъектов РФ.

Предполагается, что такой подход неверен, однако сама суть идеи могла бы стать не плохим началом для первого этапа развития бесплатной профессиональной юридической помощи.

В ходе вышесказанного можно отметить, что эффективность судебной защиты конституционных прав и свобод в последние годы значительно выросла, не говоря о том, что увеличилось и число обращений граждан в судебные органы за защитой. Однако сам механизм судебной инстанции сформулирован нечетко, и данный пробел связан с меньшей доступностью юридической помощи большому слою населения.

В качестве меры по решению проблем, связанных с обеспечением доступности судебной защиты конституционных прав и свобод граждан, предлагаем увеличить список категорий граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь. В данный круг лиц, на наш взгляд, необходимо включить инвалидов всех групп; лиц, не достигших совершеннолетнего возраста; военнослужащих, проходящих военную службу по призыву; выпускников детских домов и интернатов. Если говорить о последней категории людей, то целесообразно рассмотреть для них право на бесплатную юридическую помощь в течение конкретного срока после выпуска из учреждения, в котором они проживали и обучались.

Полагаем, что эти рекомендации могут в какой-то степени улучшить положение граждан на оказание бесплатной квалифицированной юридической помощи.

*Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I*

Саратова О. В.,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права*

*Voronezh State Agrarian University named
after Emperor Peter the Great*

Saratova O. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Constitutional and Administrative Law Department
E-mail: dut@mail.ru*

УДК 347.962

Т. М. Сыщикова, П. Н. Шабанов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ОРГАНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

Статья посвящена органам судейского сообщества России, проблемам обеспечения их независимости. Рассматриваются система, понятие, задачи, принципы деятельности и правовая природа органов судейского сообщества в целом и квалификационных коллегий судей в частности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная власть, органы судейского сообщества, квалификационные коллегии судей, независимость.

ABOUT SOME QUESTIONS OF ENSURING THE INDEPENDENCE OF BODIES OF JUDICIAL COMMUNITY

Article is devoted to bodies of judicial community of Russia, problems of ensuring their independence. In work the system, a concept, tasks, the principles of activity and the legal nature of bodies of judicial community in general and qualification boards of judges in particular are considered.

К е у w o r d s: judicial authority, bodies of judicial community, qualification boards of judges, independence.

Поступила в редакцию 11 ноября 2018 г.

В современный период в правовых государствах наблюдаются тенденции подтверждения развития судебной власти как самостоятельной и независимой ветви государственной власти. Имеется в виду повышение роли судебной практики и авторитета судейских структур, а также создание независимых органов, направленных на укрепление системы судейского сообщества.

В течение последних десятилетий законодатель изучает и создает в той или иной форме органы судейского сообщества, целью которых является поддержание необходимого баланса между независимостью судебной власти и возможностью осуществления общественного контроля над ее деятельностью¹.

Так, существует модель, которая характеризуется конституционной регламентацией правового статуса органа судейского сообщества. Анализ истории развития законодательства об органах судейского сообщества свидетельствует о том, что представление о судейском сообществе в нашей стране носило декларативный характер и формировалось только из системного изучения норм Закона «О статусе судей в Российской Федерации». Сейчас в Конституции РФ органы судейского сообщества не обозначены, что свидетельствует о необходимости законодательного дополнения.

¹ См.: Иванова А. Д. Юридическая помощь при осуществлении и защите смежных прав в Республике Беларусь // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 153.

© Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н., 2018

Законом регламентирован перечень этих органов:

- Всероссийский съезд судей;
- конференции судей субъектов РФ;
- Совет судей Российской Федерации;
- советы судей субъектов РФ;
- общие собрания судей судов;
- Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации;
- квалификационные коллегии судей субъектов РФ;
- Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи;
- экзаменационные комиссии субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи².

Однако понятие органов судейского сообщества не определено. Словосочетание «органы судейского сообщества» в какой-то мере заимствовано, является широким и смысловое его содержание не однозначно.

В литературе существует мнение, что это органы самоуправляющегося сообщества судей, формируемые им для выражения интересов судей и осуществляющие возложенные на них федеральным законом полномочия по внутрисистемному управлению судами в целях обеспечения независимости органов судов и судей³. Иногда рассматриваются общие вопросы деятельности органов судейского сообщества, но при этом не раскрывается содержание их деятельности⁴. Данное положение нуждается в точном определении и законодательном регулировании.

Задачами органов судейского сообщества являются: содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства; защита прав и законных интересов судей; участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности; утверждение авторитета судебной власти, обеспечение этики. Статья 4 Закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», предусматривающая перечисленные положения, обозначает эти задачи как «основные». Однако это не бесспорно, так как если есть «основные» задачи, то можно предположить, что перечень задач далеко не исчерпывающий. Возникает вопрос: какие задачи являются второстепенными и каковы критерии разграничения задач на основные и второстепенные? Представляется верным, что каждый орган судейского сообщества выполняет общие и специальные задачи, свойственные только ему. Может быть, законодательно следует обозначить задачи не как «основные», а как «общие» и предусмотреть правила, характеризующие особенности, методику постановки задач для конкретных органов судейского сообщества. Предложенное положение будет в большей степени способствовать конкретизации полномочий органов судейского сообщества.

В соответствии с законодательными положениями органы судейского сообщества осуществляют свою деятельность на основе принципов организации – коллегиальности, гласности, независимости⁵. Кроме перечисленных категорий, законо-

² Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : федер. закон от 14 марта 2002 г. (в ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

³ См.: Бурдина Е. В. Нормы служебной нагрузки судей, статистический метод или показатель качества правосудия? // Судебная власть. 2017. № 1. С. 50.

⁴ См.: Солодовник М. Д. Проблемы определения термина «органы судейского сообщества» // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 192.

⁵ См.: Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : федер. закон от 14 марта 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002 г. № 11. Ст. 1022.

датель предусматривает также категорию «невмешательство», которая является главным, основным элементом, составляющей частью независимости, поэтому вряд ли целесообразно выделять ее особо или, наоборот, следует конкретизировать данную категорию. Тем более, если речь идет о судебной деятельности, которая является особенным видом государственной деятельности.

Вопрос о соотношении независимости и подотчетности нуждается также в более детальном изучении. Часть 2 ст. 5 Закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» имеет некоторые несогласованности, а возможно, и противоречия, так как среди принципов организации органов судейского сообщества назван принцип подотчетности, а некоторые органы судейского сообщества не подотчетны органам, их избравшим.

Органы судейского сообщества осуществляют самоуправление на началах коллегиальности. Коллегиальность – это положение, принцип управления, при котором руководство осуществляется группой уполномоченных лиц (коллекцией), которые несут персональную ответственность за определенную сферу деятельности⁶. Коллегиальность предполагает не только принятие решения группой лиц, коллективное обсуждение, голосование по рассматриваемым вопросам, но и совместную подготовку, изучение, исполнение. Однако на практике подготовка лишена коллективных начал, поскольку нет механизма решения этого вопроса, чем снижается возможность реализации рассматриваемого принципа. О недостаточной эффективности принципа коллегиальности в деятельности органов судейского сообщества свидетельствуют также и другие обстоятельства⁷.

Заседания органов судейского сообщества в соответствии с законом проводятся гласно, закрытые заседания могут проводиться в соответствии с регламентами органов судейского сообщества. Закрытое заседание (полностью или частично) должно проводиться по мотивированному решению органа судейского сообщества всякий раз, когда обсуждаются вопросы, затрагивающие особые сведения. Практика свидетельствует об ограничении гласности, так как имеют место случаи отсутствия публичного доступа к сведениям о рекомендации либо об отказе в рекомендации на вакантные судебные должности, как и случаи отсутствия опубликованных отчетов о деятельности органов судейского сообщества.

Квалификационные коллегии судей являются одним из важнейших органов судейского сообщества и реализуют следующие полномочия:

- дают согласие на назначение лица на должность судьи;
- организуют проверку достоверности биографических и иных сведений, предоставляемых кандидатами в судьи;
- рассматривают заявления претендентов на должность судьи и принимают решение о рекомендации одного из претендентов;
- прекращают полномочия судей;
- приостанавливают и возобновляют полномочия судей;
- привлекают судью, находящегося в отставке к исполнению обязанностей судьи;
- прекращают отставку судьи;
- проводят аттестацию судей и присваивают им квалификационные классы;
- налагают дисциплинарные взыскания на судей;
- осуществляют иные полномочия.

⁶ См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004. С. 255.

⁷ См.: Шалумов М. С. О понятии организации работы суда // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 224.

Названные положения свидетельствуют о наличии государственно-властных полномочий⁸. Анализ Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что наделение квалификационных коллегий судей государственно-властными полномочиями не соответствует цели создания этих органов. Реализуя полномочия, связанные с проведением конкурсов на замещение вакантных должностей судей, квалификационной аттестации судей, прекращение полномочий судей, деятельность квалификационных коллегий вступает в противоречие с законодательными задачами и целями их создания. Эта деятельность никак не связана с защитой интересов судей.

Видимо, имеет смысл взглянуть на юридическую природу органов судейского сообщества страны по-иному. Сегодня они – государственный орган с элементами общественной организации (в этом есть сходство с РАН): членство в нем судей отнюдь не добровольное, нет своего устава и пр.; законом же они наделены серьезными властными полномочиями. Превращение их в общественную организацию (в частности, посредством принятия соответствующего устава, установления порядка подачи судьей заявления о вхождении в эту организацию, одновременно с принесением им присяги и т. д.) с сохранением за ними нынешних государственно-властных полномочий позволит решить немало проблем, в числе которых – вхождение в Международную ассоциацию судей.

Таким образом, представляется возможным отметить, что квалификационные коллегии судей обладают сложной правовой природой. С одной стороны, они наделены государственно-властными полномочиями, а с другой – не обозначены в числе органов власти.

Для решения поставленного вопроса о правовой природе квалификационных коллегий судей как органов судейского сообщества необходимо исследовать также вопрос о природе самого судейского сообщества. Согласно ст. 1 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» судейское сообщество в Российской Федерации образуют судьи федеральных судов всех видов и уровней, в том числе судьи судов субъектов РФ, составляющих судебную систему Российской Федерации. Отличия судейского сообщества от общественных объединений были проанализированы ранее. С одной стороны, можно сказать, что судейское сообщество – это сообщество, сформированное по профессиональному признаку, органы которого наделены государством властными полномочиями по отношению к его членам. С другой стороны, органы судейского сообщества «не являются ... общественной организацией (добровольным объединением граждан), поскольку членство судей в нем не основано на добровольном в него вступлении». Следует также полностью согласиться с мнением М. И. Клеандрова о том, что «правовая природа самого судейского сообщества в нашей стране и его органов нуждается в более полном выявлении и раскрытии, прежде всего – силами и средствами юридической науки»⁹.

В связи со сложной правовой природой органов судейского сообщества, предлагается несколько вариантов ее определения. Некоторые авторы рассматривают органы судейского сообщества как государственно-общественные образования¹⁰. Другие

⁸ См.: Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н. О правовой природе органов судейского сообщества // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 251.

⁹ Клеандров М. И. Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации. Тюмень, 2007. С. 23.

¹⁰ См.: Чеботарев Г. Н. Особенности реализации принципа разделения властей на современном этапе // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 15–24.

же – предлагают рассмотреть органы судейского сообщества как публично-правовую корпорацию. К примеру, Т. Машкина и Н. Морозова пишут: «В зарубежном праве, в частности в административном праве Германии, существуют такие коллективные субъекты, как публично-правовые корпорации. Они создаются для определенных целей – организации деятельности в какой-либо области, координации работы и обеспечения защиты интересов людей, работающих в данной области, и исполняют некоторые управленческие задачи, для чего наделяются властными полномочиями»¹¹.

Что же представляют собой подобные корпорации? «Корпорации (юридические лица) публичного права, – пишет в своей работе Л. А. Мицкевич, – выступают с точки зрения права самостоятельными субъектами, осуществляющими государственное (публичное) управление, и представляют собой основанные на членстве объединения физических лиц (в исключительных случаях – юридических лиц). Признаками корпорации являются, во-первых, наличие специального органа, формирующего и выражающего волю корпорации вовне, во-вторых, независимость от изменения состава членов корпораций их состояния. Типичные примеры публично-правовых корпораций – палаты адвокатов, палаты врачей, аудиторов, торгово-промышленные палаты. Членство в корпорациях во всех случаях возникает в силу закона (в том числе возможно и обязательное членство)»¹².

Представляется возможным отнести судейское сообщество, существующее в Российской Федерации, на основании некоторых выделенных признаков к таким публично-правовым корпорациям. Это объясняет способ его формирования и наделение его органа – квалификационной коллегии судей государственно-властными полномочиями. К сожалению, ни в отечественной науке, ни в законодательстве не разрабатывалась такая конструкция, как «публичная корпорация». Хотя в реальности они создаются и действуют: это рассматриваемые нами органы судейского сообщества; адвокатура; нотариат; саморегулируемые организации арбитражных управляющих и др.

Приведенное определение квалификационных коллегий судей как органов публичной корпорации позволяет раскрыть существующее противоречие: органы судейского сообщества создаются для выражения интересов судей и в то же время могут лишать их полномочий и привлекать к дисциплинарной ответственности. Необходимо иметь в виду расширение полномочий рассматриваемого органа судейского сообщества, связанного с наложением на судей дисциплинарного взыскания в виде понижения в квалификационном классе.

Процедура привлечения судей к дисциплинарной ответственности, регламентирована в ст. 27, 28 Положения о порядке работы квалификационной коллегии судей. В них определен следующий перечень оснований для возбуждения дисциплинарного производства:

- представление председателя соответствующего или вышестоящего суда в соответствии с их полномочиями;
- обращение органа судейского сообщества о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности;
- заключение комиссии о наличии в действиях (бездействии) судьи признаков дисциплинарного проступка, составленное по результатам проверки жалобы или сообщения о совершении судьей дисциплинарного проступка граждан или организаций, органов и должностных лиц.

¹¹ Машкина Т., Морозова Н. Правовая природа квалификационных коллегий судей // Рос. юстиция. 2007. № 12. С. 20–22.

¹² Мицкевич Л. А. Основы административного права Германии. Красноярск, 2008. С. 43.

Однако следует отметить, что последнее положение представляет возможность направить жалобу для проверки председателю соответствующего или вышестоящего суда или создать комиссию самостоятельно, что, безусловно, является более сложным механизмом. На практике, как правило, квалификационные коллегии поручают проверку жалоб на действия судьи председателю суда, членом которого он является, что свидетельствует о возможном нарушении принципов объективности и коллегиальности, так как решающее значение имеет позиция председателя, а не членов квалификационной коллегии судей¹³, поэтому следует изменить альтернативный порядок и сделать его исключительной компетенцией коллегиального органа.

В случае если квалификационная коллегия судей приходит к выводу о необходимости наложения дисциплинарного взыскания, то возникает вопрос ограничения основания для применения дисциплинарного взыскания в виде предупреждения, досрочного прекращения полномочий судом или понижения в квалификационном классе. Согласно рекомендациям Совета Европы, следует исходить из тяжести нарушения, степени умаления авторитета судебной власти, оценки субъективной стороны действия (бездействия), т. е. было ли деяние умышленным или неосторожным и других обстоятельств¹⁴.

Таким образом, квалификационным коллегиям отводится серьезная роль, так как они решают не только «взаимосвязанные задачи наполнения кадровой составляющей судебной системы достойными профессионалами и самоочищения судейского корпуса от тех, кто не достоин носить судейскую мантию»¹⁵, но и оказывают влияние на реформирование судебной системы.

Обозначенные вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании и более детальной и четкой законодательной регламентации, что будет способствовать независимости судебной деятельности.

¹³ См.: Михайловская И. Б. Квалификационные коллегии судей как орган внутрисистемного управления // Институт государства и права РАН. URL: www.igpran.ru/articles/2980 (дата обращения: 20.04.2018).

¹⁴ См.: Петухов Н. А., Малыкин А. С. Дисциплинарная – не значит произвольная // Квалификационные коллегии судей : вчера, сегодня, завтра : сб. статей. М., 2012. С. 212.

¹⁵ Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 16.

Воронежский государственный университет

Сыщикова Т. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Syshchikova T. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of the Judicial Power and Law Enforcement Activity Department

Shabanov P. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of the Judicial Power and Law Enforcement Activity Department
E-mail: pshabanov@rambler.ru

• ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ •

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

**(К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В. А. ПАНЮШКИНА):
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
(5 ОКТЯБРЯ 2018 г.)**

Ю. В. Астафьев,

кандидат юридических наук, доцент ВГУ

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ*

Воспоминания о близком человеке, с которым связаны многие годы совместной работы и дружбы, всегда обращает нас к тем сторонам его жизни, которые определяли главные ориентиры, саму суть отношения к людям и себе самому. Говоря о В. А. Панюшкине, таких ориентиров множество – талантливый организатор, внимательный и отзывчивый руководитель, ученый, создатель высокого имиджа факультета, заботливый муж и отец, преданный друзьям человек. Но есть одно качество Валентина Анатольевича, о котором хочется сказать особо. Он был настоящим хранителем памяти юридического факультета, не позволял ни себе, ни другим забыть об истории юрфака, о людях, его создавших и посвятивших себя родному факультету.

Речь не только об учителях В. А. Панюшкина, педагогах, отцах – основателях юридического факультета, но и о рядовых сотрудниках – лаборантах, методистах, технических сотрудниках. Каждый из них, внесший свою лепту в создание факультета, оставался для Валентина Анатольевича не «бывшим» сотрудником, а человеком, нуждающимся в заботе, внимании, а для ушедших – в увековечивании памяти.

Особую гордость вызывали у В. А. Панюшкина фронтовики, ветераны, люди непростой военной судьбы. Регулярными стали их поздравления на факультете, материальная помощь, поддержка в проблемных житейских ситуациях. По инициативе декана был создан прекрасный стенд с фотографиями каждого ветерана и его биографией, никогда не забывали приглашать ветеранов на юбилейные мероприятия факультета. Ярким примером такого отношения стал выход за счет средств факультета двух прекрасных книг воспоминаний В. Ф. Зудина и В. М. Сомороковского.

Не припомню ни одного случая, когда Валентин Анатольевич запаматовал бы о юбилеях тех, кто давно не работает на факультете и находится на заслуженном отдыхе. Каждый из них обязательно был приглашен как минимум на заседания Ученого совета факультета и получал неформальные, искренние поздравления.

Вся жизнь В. А. Панюшкина была связана с памятью о его учителях. Благодарность им была неизменна. Память о них Валентин Анатольевич передавал молодым коллегам, студентам, аспирантам.

С неизбывной теплотой В. А. Панюшкин хранил память о своем научном наставнике, старшем друге Льве Дмитриевиче Кокореве. Он оказал решающее влияние на научную жизнь В. А. Панюшкина, стал проводником его административного таланта. Библиотека В. А. Панюшкина насчитывает множество авторских книг Л. Д. Кокорева с теплыми, дружескими посвящениями, свидетельствующими о том, как ценил Лев Дмитриевич своего коллегу и ученика. Доверие Учителя В. А. Панюшкин оправдал в полной мере – высокий статус юридического факультета, его сотрудников и их научных достижений – яркое свидетельство тому.

Л. Д. Кокорев не стало в 1995 году. Его любимое детище – кафедру – возглавил В. А. Панюшкин. С первых же шагов в качестве заведующего он начинает размыш-

* Статья была предоставлена в редакцию 1 октября 2016 г.

© Астафьев Ю. В., 2018

лять об увековечивании памяти Л. Д. Кокорева. Плодом усилий В. А. Панюшкина стала замечательная книга, посвященная памяти Л. Д. Кокорева, соединившая воспоминания и исследования научного наследия, фотографии и факсимиле документов. В считанные годы книга стала библиографической редкостью, предметом интереса всех процессуалистов России. Под руководством В. А. Панюшкина коллеги подготовили цикл статей, связанных с именем Л. Д. Кокорева, в ведущие журналы уголовно-процессуального цикла. Портретом Л. Д. Кокорева была открыта галерея бывших деканов юридического факультета. За несколько дней до своего ухода Валентин Анатольевич организовал международную конференцию памяти Льва Дмитриевича, на которой горячо обсуждались проблемы нравственности в юриспруденции.

Не были забыты и другие учителя, стоявшие у истоков юридической школы г. Воронежа. Были проведены серьезные конференции памяти В. С. Основина, И. А. Галагана, Г. Ф. Горского. Роскошные издания, посвященные каждому из них, составили золотой фонд литературы, изданной усилиями В. А. Панюшкина.

Студенты, впервые переступая порог юридического факультета, встречаясь с деканом на общем собрании, а затем на лекции по первому «правовому» предмету – «Правоохранительные органы» – сразу после слов приветствия слышали краткое, но емкое вступление об истории факультета, его людях, их достижениях. Ни одна курсовая или дипломная работа, выполненная под руководством В. А. Панюшкина и его коллег, не обошла вниманием труды ученых юридического факультета. Непременным условием диссертационных исследований учеников Валентина Анатольевича становился анализ позиций основателей научных школ юридического факультета. Свидетельством тому стали диссертации Д. В. Зотова, П. Н. Шабанова, М. И. Шатских и многих других.

Любимым местом работы В. А. Панюшкина на факультете был конференц-зал. Именно там расположена галерея портретов ушедших и ныне живущих профессоров юридического факультета. Может быть, спокойствие и уверенность в правильности избранного пути, верности своей профессии вселяли доброжелательные лица тех, кто помнил Валентина Анатольевича начинающим преподавателем, полным надежд молодым ученым...

Последние годы В. А. Панюшкина не покидала мысль о создании музея юридического факультета. В тяжелое и непростое время финансовых проблем были изысканы средства, подготовлено помещение. Идея музея оказалась не простой в ее воплощении. Необходимы были концепция, дизайнерский подход, оценка и сбор экспонатов. Осуществить все это В. А. Панюшкин не успел. Это задача тех, кто продолжит его дело по сохранению факультетской памяти.

Историю факультета нельзя представить без его выпускников. Связь с ними, их участие в современной жизни факультета занимали особое место в жизни Валентина Анатольевича. Вряд ли в университете есть хоть один факультет, где выпускники встречаются практически в полном составе каждые пять лет. Не могу забыть случая, когда Валентин Анатольевич, усталый, но полный радостных чувств, в один и тот же день участвовал во встречах на факультете выпускников, окончивших юрфак 10, 15 и 25 лет назад! Многих из них он не только знал по именам, но даже помнил яркие моменты их студенческой жизни! Это ли не подлинное воспитание доброго и светлого в людях, преемственности традиций поколений.

Ученики в полной мере отвечали своему Учителю взаимностью. Большинство руководителей правоохранительных структур – выпускники юридического

факультета. Их стараниями, желанием помочь реализованы многие начинания, инициатором которых был В. А. Панюшкин. На факультете успешно функционируют прокурорская и следственная группы, где студенты углубленно изучают практическую деятельность, работает юридическая клиника по оказанию помощи гражданам.

Еще одна сторона работы В. А. Панюшкина – сохранение традиций факультета по поддержанию отношений, исторически сложившихся с другими вузами как в России, так и в ближнем зарубежье. Развал СССР привел к неизбежному ослаблению контактов, а финансовые трудности – к ограничению возможностей поездок, проведения защит диссертаций, организации конференций. Однако даже в непростые 1990-е годы Валентин Анатольевич сохранил то, что создали его предшественники. Давно нет в живых С. А. Альперта, Ю. М. Грошевого, В. Г. Даева, П. С. Каз и многих других ученых из плеяды 1970–1980-х годов, но тесные связи с вузами, в которых они работали (Харьковской, Саратовской, Уральской юридическими академиями, Санкт-Петербургским госуниверситетом, коллегами из Самары и Москвы), были и остаются приоритетными направлениями сотрудничества юридического факультета.

Особо нужно отметить деятельность Диссертационного совета юридического факультета. Созданный усилиями Л. Д. Кокорева, он продолжил свою жизнь благодаря активной работе О. Я. Баева, а затем Ю. Н. Старилова. Представить работу Совета без постоянного, внимательного отношения к его нуждам декана, В. А. Панюшкина, просто невозможно. Большинство организационных забот легли на его плечи. Совет стал ярким выражением признания высокого научного потенциала, созданного поколениями юристов факультета. В настоящее время деятельность Совета приостановлена, но, безусловно, потенциал факультета в ближайшее время вновь будет использован в полном объеме.

Традиционным в России стало культивирование памяти о тех, кого уже нет рядом. При этом мы часто забываем о людях, с которыми работаем, дружим, общаемся. Валентин Анатольевич всегда поступал иначе. Любое знаменательное событие в жизни коллег, юбилеи и памятные даты сопровождало выступление Валентина Анатольевича о таких интересных и значимых событиях, которые порой не помнят и сами виновники торжества. Старые зачетные книжки, сочинения, характеристики, удостоверения извлекались из архивов и вручались Валентином Анатольевичем удивленным юбилярам. Рассказывались истории из их жизни, цитировались воспоминания. И все это он, Валентин Анатольевич.

Хорошей традицией стало издание избранных трудов ученых юрфака, отмечающих знаковые даты, статей-посвящений в журнале «Вестник ВГУ. Серия: Право». Все это – дань благодарности коллегам и товарищам, реализация традиций, заложенных многолетним деканом юридического факультета.

На восьмом этаже юридического факультета спокойно и внимательно смотрят с портретов деканы юридического факультета. Последний портрет – портрет Валентина Анатольевича Панюшкина. Легкая улыбка, пронизательный взгляд. Хранитель памяти. Хранитель традиций. Сам ставший памятью и традицией факультета.

От редакции: 14 апреля 2017 года скоропостижно ушел из жизни Юрий Васильевич Астафьев.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕДАГОГИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА В. А. ПАНЮШКИНА

Навсегда запомнил тот печальный день, когда в большом читальном зале главного учебного корпуса ВГУ университетский коллектив прощался с профессором В. А. Панюшкиным. Пришли сотни людей – коллеги, сокурсники, студенты, выпускники разных лет, чтобы отдать дань благодарной памяти человеку, который так неожиданно для всех ушел из жизни, чья вся сознательная жизнь была отдана университету, родному факультету, науке, делу образования и воспитания молодежи, – всему тому, что и составляет суть многомерного явления – педагогики высшей школы.

В судьбе В. А. Панюшкина все ее составляющие нашли отражение в диалектическом развитии, тесном соединении теории и практики, самообразовании, освоении опыта других и собственном постоянном творчестве.

Право на такое обобщенное утверждение мне дают годы общения с Валентином Анатольевичем. Ведь я знал его на всех этапах университетской жизни: студентом и аспирантом, преподавателем и многолетним руководителем факультета. Конечно, каждый раз степень общения была разной, но всегда раскрывала главные в ту пору стороны характера и отношения к делу.

В. А. Панюшкин был хорошим студентом, сознательно и ответственно овладевавшим знаниями. Он был среди тех 25 абитуриентов, которые в очень серьезном конкурсном испытании завоевали право стать студентами юридического факультета сразу после окончания школы, тогда как правила приема тех лет предусматривали основное зачисление на специальность «правоведение» лиц, имевших трудовой или армейский стаж не менее двух лет. Но В. А. Панюшкин не потерялся, не стушевался среди старших и более опытных товарищей, а утвердил свой авторитет среди них целеустремленным отношением к учебе, общественной активностью, готовностью поддержать и помочь. На слетах лучших студентов ВГУ его выступления не отражали желания выделиться, «показать себя», а всегда содержали конкретные и дельные предложения, направленные на то, чтобы творческие начала полнее раскрывались в учебном процессе, чтобы научная работа студентов становилась его органичной составляющей.

Именно это стремление заметили и отметили в студенте В. Панюшкине замечательные университетские педагоги – Л. Д. Кокорев и Г. Ф. Горский, которые открыли ему путь в науку, поддержали в первых самостоятельных творческих шагах.

Следует остановиться на тех уроках педагогики высшей школы, которые теоретически и практически проводил в жизнь В. А. Панюшкин и которые завещал нам.

Первый урок педагогики высшей школы, который усвоил В. А. Панюшкин, и затем реализовывал в практике своей работы, состоял в осознании того, что значит быть «хорошим студентом» и как к этому осознанному пониманию подвести других. В понимании Валентина Анатольевича это означало ориентацию на повседневную учебную деятельность, развитие в себе интереса к учебе, обращение

к научному творчеству и, без всякого стеснения, общение с преподавателями, чтобы получить ответ на возникшие вопросы, обсудить рекомендованную книгу или статью, представить собственную наработку, т. е. всё то, что мы и называем «педагогикой сотрудничества». Именно таким студентом мне запомнился В. А. Панюшкин, и о таком подходе к учебному процессу мы с ним многократно говорили в последующие за его студенчеством годы.

Второй урок – довузовская подготовка абитуриентов, которой В. А. Панюшкин уделял особое внимание.

В свое время учебная часть, которую мне довелось возглавлять длительное время, последовательно выстраивала систему довузовской работы с абитуриентами, выделяя проблемы профориентации учащихся, их подготовки к вступительным экзаменам и последующему обучению в университете. В.А. Панюшкин активно включался во все составляющие решения названной сложной и комплексной задачи. Он не только регулярно выступал перед абитуриентами, но и взял на себя труд ведения на подготовительных курсах ВГУ специального (нового тогда) предмета «Введение в специальность», не уставал разъяснять и абитуриентам, и студентам значимость и пути овладения знаниями не ради получения заветного диплома, а для будущей успешной профессиональной деятельности. Полагаю, нет нужды разъяснять, насколько этот урок актуален в современных условиях.

Следующий урок от В. А. Панюшкина – постоянная забота о сохранении передовых традиций российской высшей школы, университета и факультета. Он много сделал для того, чтобы преподаватели и студенты знали имена ученых и преподавателей, которые внесли большой вклад в становление и развитие юридического факультета, обращались к их трудам, чттили их память. Каждая юбилейная дата факультета, каждая научная или методическая конференция активно использовалась деканом для того, чтобы рассказать об истории факультета, напомнить о ее славных страницах, вспомнить о выдающихся преподавателях и выпускниках.

Хорошо помню, насколько ответственно и поистине скрупулезно работал В. А. Панюшкин над коллективными книгами, которые посвящались памяти Л. Д. Кокорева и Г. Ф. Горского, добиваясь того, чтобы как можно полнее и рельефнее были представлены их значение для науки, подготовки кадров, а также личные качества, делавшие их примером для других.

Передовые традиции обладают большой вдохновляющей силой – таково было убеждение В. А. Панюшкина, с которым нельзя не согласиться, а следовательно, их следует стремиться продолжить в практике вузовской жизни.

Важным уроком от Валентина Анатольевича, имеющем прямое отношение к педагогике высшей школы, пожалуй, в самом сложном ее аспекте – организационно-управленческом, – является его умение работать в команде, не опасаясь выдвигать себе в помощники и соратники людей талантливых и способных, хорошо знающих различные участки работы, не подавлять их, а давать возможность самостоятельно и творчески решать учебные, научные и организационные задачи. Именно такими были его многолетний заместитель по учебной работе Г. Г. Белоконь; заместитель декана по науке профессор Ю. Н. Старилов (теперь он возглавил факультет), заместитель декана по организационным и социальным вопросам Ю. А. Иванов. Говорю о тех, кого лично хорошо знаю по совместной работе и по тому, как с ними взаимодействовал В. А. Панюшкин.

Коллектив юридического факультета – один из самых многочисленных и самых сложных в университете, поэтому урок управления от В. А. Панюшкина имеет

очень большое значение не только как констатация полезного опыта, но и как актуальное напутствие.

Большое внимание Валентин Анатольевич уделял связи с выпускниками и руководителями организаций, для которых готовились кадры на юридическом факультете. На всех уровнях он обосновывал эту необходимость и на практике всячески ее реализовывал. Можно с полной уверенностью сказать, что коллектив факультета составляли не только его сотрудники и студенты, но и выпускники, с которыми поддерживались постоянные контакты, профессиональному росту которых старались всячески помогать.

И это еще один урок от В. А. Панюшкина, о котором в современных условиях нельзя забывать.

Без сомнения, педагогических уроков, оставшихся нам от В. А. Панюшкина, значительно больше. Я остановился на тех, которые представляются мне главными, о которых знаю не понаслышке, а наблюдал и соучаствовал в совместном общении с Валентином Анатольевичем.

В заключение обращаюсь к читателям, особенно тем, кто мало знал или вообще не знал В. А. Панюшкина, чтобы не создалось впечатления о стремлении автора приукрасить, «отлакировать» образ героя. Валентин Анатольевич в жизни был человеком и сомневающимся, и делавшим ошибки, и переживавшим неудачи. Но главным в нем все-таки был и оставался тот внутренний духовный стержень, которым и определялся его жизненный путь, В. А. Панюшкин оставил нам те уроки вузовской педагогики, о которых я постарался рассказать и к которым всем нам полезно вновь и вновь обращаться.

Г. Г. Белоконь,
старший преподаватель ВГУ

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В БАКАЛАВРИАТЕ И СПЕЦИАЛИТЕТЕ НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Говорят, как человек жил, так и ушел из жизни. Профессор Валентин Анатольевич Панюшкин всю свою жизнь связал с юридическим факультетом ВГУ. В 2008 году он написал о себе простые и чувственные строки: «Твоя, юрфак, судьба – моя судьба» и произнес их впервые на торжественном собрании, посвященном 50-летию юридического факультета.

И так уж получилось, что ушел он из жизни между двумя торжественными мероприятиями по вручению дипломов выпускникам юридического факультета. 27 июня 2015 года он вручил дипломы последним выпускникам-специалистам очной формы обучения, как бы подводя итоги более чем полувековой деятельности факультета по этому направлению, да и своей работы тоже. Первое вручение дипломов выпускникам-бакалаврам и магистрам 11 июля 2015 года прошло уже без него, хотя вся организация учебного процесса по этим новым направлениям подготовки проводилась при его непосредственном участии и под его руководством.

Обычно перед уходом в отпуск Валентин Анатольевич подробно расписывал план предстоящей работы не только на летний период при осуществлении приема абитуриентов, но и на предстоящий учебный год. Составлял, как принято теперь говорить, дорожную карту. В этот раз никаких указаний он не давал. Последние слова перед уходом в отпуск, которые слышали от него сотрудники деканата: «Я приеду и все расскажу. С 1 августа начнем работу». А работа предстояла большая – осуществление первого массового приема в магистратуру первых выпускников очной формы обучения бакалавриата и подготовка к предстоящей государственной аккредитации в сентябре 2015 года. Было ощущение полной уверенности, что во время отпуска Валентин Анатольевич составит этот план и реализует его вместе с коллективом факультета. Но судьба распорядилась иначе.

Если говорить о политике в сфере образования на факультете, то В. А. Панюшкин придерживался позиции сохранения традиций, заложенных его основателями – Р. В. Литвиновым, В. В. Труфановым, В. С. Основиным, Л. Д. Кокоревым. В этом контексте можно сказать, что он принимал разумные, взвешенные, отвечающие интересам факультета и университета в целом решения.

Помню трудные «перестроечные» годы прошлого столетия (конец 80-х – начало 90-х). Отсутствие надлежащего бюджетного финансирования порождало необходимость для преподавателей работать в нескольких местах: кто-то преподавал в других вузах, кто-то занимался по совместительству практической юридической деятельностью. Прекрасно понимая, что сохранить кадровый корпус преподавателей можно, только поддержав их материальное обеспечение, В. А. Панюшкин с 1992 года инициирует набор студентов по договорам с оплатой обучения не только на очную форму, но и на сокращенное обучение по заочной форме на базе высшего образования, а затем и среднего специального юридического образования.

Основой для этого стал договор 1991 г. о творческом сотрудничестве юридического факультета ВГУ и Воронежского юридического техникума о создании первого в Российской Федерации учебного комплекса подготовки специалистов с высшим юридическим образованием по очной форме обучения на базе выпускников техникума в сокращенные сроки. Инициаторами создания комплекса были декан юридического факультета ВГУ В. А. Панюшкин, директор Воронежского юридического техникума О. П. Трухин и профессор С. А. Свиридов.

В связи с постепенным увеличением таких наборов студентов стали формироваться отдельные группы, а затем и потоки студентов, обучающихся на договорной основе. Полученные в результате этого определенные коммерческие средства позволили, по инициативе В. А. Панюшкина, производить семестровые доплаты всем преподавателям с целью стимулирования их учебно-методической и научной деятельности, а также производить почасовую оплату за работу в коммерческих группах сверх ставок преподавателей, без отвлечения их на дополнительные заработки.

Учебный процесс на факультете всегда был тесно связан с практикой, строился на основе договорных отношений с различными организациями и ведомствами. Традиция заключения таких договоров была заложена еще в начале 80-х годов прошлого столетия, когда деканом юридического факультета был профессором Л. Д. Кокорев, и получила одобрение в Прокуратуре Союза ССР и Прокуратуре РСФСР. Инициативу своего учителя поддержал и развил В. А. Панюшкин. Количество государственных и правоохранительных органов, с которыми стали заключаться договоры о целевой подготовке студентов, увеличилось до 25, а численность студентов – до 60 человек. Создавались так называемые прокурорские и следственные группы из числа студентов, желающих пройти дополнительное обучение и работать на общественных началах в данных органах. В настоящее время практика заключения таких договоров продолжается.

В. А. Панюшкин был университетским человеком. В те же 1990-е годы он не стал поднимать вопрос об отделении факультета от ВГУ или создании отдельного юридического института в качестве юридического лица в составе ВГУ, как это было предпринято во многих вузах. Хотя это сделать тогда было не сложно. Факультет имел денежные средства, был достаточно самостоятелен. Сотрудники ВГУ, знавшие В. А. Панюшкина за все годы его работы, в один голос отмечают его приверженность университетским традициям.

Когда встал вопрос о создании в 1998 году Старооскольского филиала ВГУ, В. А. Панюшкин обеспечил в этом активное участие юридического факультета, понимая, что без открытия подготовки юристов осуществить в тот период полноценный набор студентов в филиал будет сложно. И до 2015 года юридический факультет обеспечивал проведение занятий по очной форме обучения в Старооскольском филиале ВГУ, несмотря на трудности при совмещении расписаний с основным учебным планом.

В начале 1990-х годов В. А. Панюшкин поддержал формирование на юридическом факультете специальных групп студентов по углубленному изучению английского языка с выдачей соответствующих сертификатов, а в 1999 году это обучение трансформировалось в подготовку специалистов по программе дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Это позволило преподавателям иностранных языков ВГУ ежегодно подготавливать и выпускать группу студентов с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик в сфере юриспруденции».

Управленческая и административная работа по руководству факультетом стала сутью жизни В. А. Панюшкина. Он мог продумывать до мелочей не только вопросы организации учебного процесса, но и традиционные торжественные мероприятия – собрания по вручению студенческих билетов первокурсникам, дипломов выпускникам. Например, процедура вручения студенческих билетов традиционно продолжается по предложенной им схеме: приветственное слово (декан факультета), информирование об образовательном процессе (заместитель декана по учебной работе), о правилах внутреннего распорядка (заместитель декана по общим вопросам), о стипендиальном обеспечении и иных мерах социальной поддержки (заместитель декана по социальной работе), о внеучебной общественной работе (заместитель декана по воспитательной работе).

В. А. Панюшкин принимал решение и организовывал проведение нестандартных мероприятий, например поддержал предложение профессора Е. И. Носыревой проводить собрания с первокурсниками перед сессией в кинозале кинотеатра «Спартак» с показом комедийного фильма о сдаче сессии. На встречах с первокурсниками и при вручении им студенческих билетов любил приводить исторические примеры обучения студентов-юристов в Российской империи, когда проштрафившихся помещали в карцер. При этом, вызывая всеобщий смех, говорил, что в новом корпусе юридического факультета помещения карцерного типа не предусмотрено.

Валентин Анатольевич относился к студентам и как учитель, и как наставник. К нему всегда была очередь студентов 1-го курса для написания курсовых работ. Он часами составлял с ними планы работ, рассказывал, что должно быть в содержании, каковы правила оформления. Кстати, понимая необходимость распределения курсовых работ по кафедрам, поддержал инициативу заведующего кафедрой уголовного процесса доцента Ю. В. Астафьева и поручил ему провести анализ этой ситуации по кафедрам. Уже после смерти В. А. Панюшкина эта работа была продолжена, и решением Ученого совета факультета утверждены правила распределения по кафедрам квот для написания курсовых и выпускных квалификационных работ, а также квоты распределения по профилям в бакалавриате.

Валентин Анатольевич всегда стремился поощрять студентов с активной жизненной позицией. Лично отбирал лучших из студентов для совмещенного обучения в зарубежных университетах в порядке международного обмена. Поддерживал их участие в студенческом научном обществе, в научных конференциях других вузов России. Инициировал проведение слетов студенческого актива – отличников и общественников – с вручением лучшим студентам почетных грамот и подарков с символикой факультета, с удовольствием констатировал, что на факультете в студенческой среде сложилась традиция приходить на занятия и экзамены в майках с эмблемой факультета, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к студенческому активу. Именно поэтому при учреждении стипендии имени профессора В. А. Панюшкина в решении Ученого совета юридического факультета было оговорено, что она назначается студентам не только успешно обучающимся, но и активно занимающимся общественной работой.

Прекрасно понимая, что работа факультета – это прежде всего работа преподавательского коллектива, Валентин Анатольевич уделял много внимания кадровой политике. Совместно с заведующими кафедрами он проводил постоянную работу по подбору, расширению и обновлению преподавательского состава. Прежде всего это выразилось в увеличении числа кафедр и их кадрового состава. Приняв факультет с 5 кафедрами, увеличил их численность до 11, а профессорско-преподавательский состав до 120 человек. Поддерживал естественный процесс научного и адми-

нистративного роста сотрудников. Если для этого требовалось увеличение штатных единиц, добивался и вводил дополнительные ставки преподавателей, в том числе за счет внебюджетных средств. Например, в 2007 году по его инициативе были введены дополнительные ставки доцентов для большой группы преподавателей, имевших ученые степени, необходимый стаж работы, научные и учебно-методические публикации.

Поддерживал привлечение к преподавательской работе опытных практических работников (В. С. Анохин, В. И. Батищев, А. В. Ивлев, В. В. Калитвин, Г. И. Кузнецова, А. Е. Маслов и др.) и прием на факультет молодых и талантливых выпускников (Д. В. Зотов, А. Г. Кудрявцев, А. Г. Пауль, О. С. Рогачева, Е. В. Сазонникова, Г. В. Стародубова, О. Н. Шеменева и др.). Особо следует отметить отношение В. А. Панюшкина по поддержке и развитию научных и педагогических династий на юридическом факультета (М. О. Баев, К. К. Панько, Н. К. Панько, А. Ю. Астафьев). Он гордился тем, что преподавательский состав факультета почти на 100 % состоит из выпускников юридического факультета ВГУ.

Понимая, что организация работы факультета во многом зависит от четких и слаженных действий деканата, Валентин Анатольевич уделял этому вопросу много времени. Прекрасный организатор и руководитель, он сам прошел эту школу с азов – с 1983 года работал заместителем декана по учебной работе, с 1987-го – деканом факультета, в общей сложности руководил работой факультета 32 года. Вначале учил сотрудников деканата, как надо работать, а затем умело, без начальствующего тона, направлял и контролировал их деятельность.

Многие вопросы организации и планирования учебной деятельности В. А. Панюшкин на протяжении длительного времени осуществлял единолично: составление учебных планов по всем формам обучения, расписание занятий, распределение учебной нагрузки, введение новых форм обучения, открытие новых специализаций, увеличение числа учебных дисциплин как обязательных, так и по выбору студентов с 2000 года. Для него были естественны любые действия во благо факультета. Несмотря на свой статус декана, он мог выполнять ежедневную техническую работу. Когда набор коммерческих студентов увеличился, образовался дефицит аудиторного фонда и потребовалось составление отдельного расписания занятий, Валентин Анатольевич вместе с диспетчером и заместителем декана детально прорабатывал варианты проведения учебных занятий в отдельном корпусе № 4 ВГУ (ул. Пушкинская, 16), а также путем аренды залов в Управлении юстиции и Воронежском областном суде.

Нехватка помещений послужила одним из оснований для решения вопроса о строительстве нового здания юридического факультета ВГУ, инициатором строительства которого В. А. Панюшкин выступил еще в конце 1990-х годов. При этом все решения об аудиторном фонде и кафедральных помещениях на стадии разработки проектной документации принимались только после тщательной проработки вопроса и одобрения с его стороны. В 2006 г. юридический факультет ВГУ начал работать в новом современном учебном корпусе, при входе в который теперь, с полным правом, на основании решения Ученого совета юридического факультета и приказа ректора ВГУ, размещена памятная доска В. А. Панюшкина.

В период его работы деканом начался непростой и болезненный переход на двухуровневую систему образования, связанный с полной реструктуризацией учебных планов. Коллектив юридического факультета был поставлен перед фактом сокращения учебной нагрузки и, соответственно, ставок профессорско-преподавательского состава. В этих условиях Валентин Анатольевич постарался максимально

сохранить преемственность образовательного процесса не только по базовым, но и по профильным учебным дисциплинам. Если при этом возникали спорные вопросы между кафедрами – находил разумные, компромиссные и приемлемые решения, убеждая в этом заведующих кафедрами. Если требовалось принимать волевое решение, то брал ответственность на себя.

В. А. Панюшкин – человек добрый и светлый не только по своему характеру и в душе, он умел и всегда создавал вокруг себя такую же атмосферу. Много доброго и хорошего сделал он окружающим его людям, принимал решения, которые предопределили дальнейшие жизненные пути и стали решающими в человеческих судьбах. Многие выпускники факультета отождествляли В. А. Панюшкина с юридическим факультетом. Примечателен в этом смысле подарок для факультета, сделанный его выпускником – адвокатом С. В. Бородиным – скамейка знаний для студентов юридического факультета, установленная рядом со входом в учебный корпус у фонтана – с сертификатом на имя В. А. Панюшкина как владельца с правом бессрочного пользования, а теперь, к сожалению, уже можно сказать вечного пользования.

Участвуя во встречах с выпускниками прошлых лет, Валентин Анатольевич вносил в них творческий характер: демонстрация фильма о факультете, показ для них нового корпуса с выходом на смотровую площадку (для чего помещения и сама площадка были отремонтированы и приведены в порядок), фотографирование на ступеньках лестницы и у фонтана. Поддержал инициативу по дарению выпускниками факультета картин и после переезда в новый корпус размещения их на стенах здания. Он вообще старался не пропускать ни одной встречи с выпускниками факультета, поддерживал со многими из них постоянные товарищеские отношения. Рассказывал о новых этапах жизни факультета, приглашал их детей, а затем и внуков продолжить обучение на юридическом факультете ВГУ, тем самым закладывая основы, а затем и традиции создания семейных юридических династий. И выпускники отвечали ему тем же: приезжали, звонили, встречались, поддерживали отношения, несмотря на занятость по работе, а также высокие звания и должности. Валентин Анатольевич гордился выпускниками факультета, достигшими значимых высот в практической работе, на государственной службе, старался следить за их карьерным ростом, можно сказать, вел их «реестр и учет», стараясь никого не забыть, приглашал на научно-практические конференции, встречи со студентами, торжественные мероприятия.

В. А. Панюшкин бережно относился к истории факультета. Тщательно, можно сказать, скрупулезно, собирал архивные данные, документы, воспоминания ветеранов, исторические фотографии. В 1998 году к 40-летию факультета подготовил и опубликовал объемный материал об истории факультета с 1958 года, в котором уделялось внимание основным этапам развития учебной и научной деятельности на факультете и всем, кто работал на факультете. В 2008 году выступил в роли и сценариста, и режиссера, и администратора, и ведущего праздничного вечера, посвященного 50-летию юбилею юридического факультета. В 2013 году к 55-летию факультета написал статью с символическим названием «Факультет полезных вещей». До сих пор эти материалы и статьи, выставленные на сайте юридического факультета, служат основой для полноценного понимания истории развития факультета.

Вспоминая В. А. Панюшкина – Учителя, наставника, коллегу – в год его 65-летия, нам остается вписать его достойное имя в историю факультета – историю, которую и он создавал своей жизнью.

А. И. Сливкин
профессор, декан фармацевтического факультета ВГУ

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ДЕКАН

Хочу поделиться несколькими зарисовками своего отношения к коллеге по работе, знавшего Валентина Панюшкина с молодых лет (не менее 28 лет).

Личность будущего руководителя факультета Валентина Анатольевича Панюшкина формировалась под воздействием замечательных педагогов, организаторов науки, известных на всю страну правоведов профессоров Л. Д. Кокорева, И. А. Галагана, К. А. Панько, З. Ф. Ковриги, Г. Ф. Горского и других. Не случайно поэтому избранный молодой декан оказался на редкость компетентным в делах факультета, деятельным, широко мыслящим и при этом исключительно внимательным к нуждам своего коллектива руководителем. Валентин Анатольевич создал благоприятные условия на факультете для творческого роста молодых преподавателей, аспирантов, докторантов, постоянно оказывая в непростых условиях девяностых – двухтысячных годов материальную поддержку диссертантам и педагогам в издании научных трудов, монографий, учебных пособий и учебников, финансируя командировки, поощряя в коллективе издательскую деятельность. Да и лаборантский состав, методисты факультета всегда находили понимание и получали необходимую помощь и, естественно, соучастие в лице декана. Поскольку юридический факультет был главным центром подготовки правоведов в Центрально-Черноземном регионе, а потребность в кадрах в условиях новой России росла, в том числе в кадрах высшей квалификации, идя в ногу со временем, под руководством профессора В. А. Панюшкина масштабы научных исследований на факультете интенсивно росли. Чаше стали защищаться кандидатские и докторские диссертации, стал функционировать при факультете свой диссертационный совет по юридическим наукам, систематически проводились представительные симпозиумы, съезды, куда съезжались не без удовольствия авторитетные ученые, видные государственные деятели. За годы деканства профессора В. А. Панюшкина факультет значительно вырос, резко увеличилось число докторов наук на кафедрах, контингент студентов, была организована с активнейшим участием декана прекрасная факультетская библиотека, окрепли и выросли научные школы по юридическому профилю, так как в несколько раз увеличились масштабы научной деятельности, теснейшим образом наладилось сотрудничество с работодателями по всей стране. В двухтысячных на факультете сформировалась замечательная плеяда ученых, педагогов-профессоров нового поколения, в котором лидером, никак не умоляя значимость других ученых юрфака, ряд лет является, по моему мнению, известный в России и Европе ученый профессор Ю. Н. Стариков. Факультет воистину стал кузницей кадров Всероссийского масштаба, выпускники которого успешно работают в Верховном, Конституционном Судах, в Генеральной прокуратуре, в судах и прокуратурах республик, краев, областей Российской Федерации. Наконец, построен новый прекрасный факультетский корпус и как памятник профессору Панюшкину красуется он в самом сердце нашего города.

© Сливкин А. И., 2018

Валентин Анатольевич, человек высокой гуманитарной культуры, всячески поощрял развитие творческих художественных коллективов в студенческой среде: помнятся замечательные концерты факультетского художественного коллектива юристов на Университетских Веснах. Умение быть предельно внимательным по отношению к своим коллегам независимо от их служебного ранга, научного статуса, возраста, стремление мягко и аргументированно высказать свое видение и возможное решение обсуждаемых вопросов были неотъемлемыми чертами характера и стиля административной деятельности В. А. Панюшкина. Он был всегда учтив, готов прийти на помощь, а обращалось к Валентину Анатольевичу за помощью очень много людей. От него исходила при общении человеческая теплота соучастия, легкость, интеллигентность.

Администрация, службы университетов в беседах со мной демонстрировали на редкость теплые и даже дружеские чувства по отношению к профессору В. А. Панюшкину, отмечая в нем отзывчивость, щедрость, умение выслушать и по возможности помочь человеку в решении тех или иных вопросов и проблем, часто повторяя, что Валентин Анатольевич особый, самый человечный декан.

В. Г. Артюхов,
доктор биологических наук, профессор ВГУ

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Говорить о Валентине Анатольевиче Панюшкине, коллеге и друге, значит говорить об «университетском человеке». Готов признаться, что я (думаю и многие мои коллеги) не смогу дать сколько-нибудь значимое определение понятию «университетский человек», хотя довольно часто использую в своей речи этот термин. Мне представляется, что в первую очередь речь идет о высокоинтеллигентном человеке, должного уровня профессионале своего дела, человеке с широким кругозором, способного к системному мышлению, человеке с очень острым «зрением»: под последним подразумевается не физиологический процесс, а способность видеть своего собеседника целиком, в полном масштабе, с его настоящим физиологическим состоянием и душевным равновесием. Чего стоит только одна его фраза: «Валерий Григорьевич, Валерий, а ты сейчас в порядке, ничего не случилось? Не нужна ли помощь?». Когда же я говорил ему о какой-то проблеме, о каком-то вопросе, связанном в той или иной степени с его деловой активностью или, скажем прямо, с его возможностями, то следовал примерно такой ответ после кратковременной паузы: «Я подумаю и позвоню тебе». Должен признаться – ни одного вопроса не осталось не решенным после моих неоднократных обращений к Валентину Анатольевичу, к «Вале», как я его называл в период наших взаимоотношений. Я и до сих пор не могу определиться, правильно ли, корректно ли я поступал, позволяя себе эту фамильярность. Но Валентин Анатольевич мне это позволял, не обижался, наверное, он понимал, что таким образом я выражаю по отношению к нему свои добрые, дружеские чувства. И спасибо ему за это понимание уровня моего отношения к нему!

Валентин Анатольевич был не только прекрасным другом, но и коллегой: одновременно, не менее 10 лет, мы были деканами факультетов, а значит, контактировали и в ходе работы Ученого совета университета, совещаний деканов факультетов, методологического совета ВГУ, различных научных и учебных форумов и, естественно, за столом. И везде Валентин Анатольевич оставался отличным собеседником, знающим и профессиональные, и общечеловеческие вопросы межличностных отношений. Мне очень памятно одно из последних знаменательных выступлений Валентина Анатольевича на Ученом совете ВГУ, где он выступил с глубоким анализом деятельности юридического факультета и изложил стратегический план дальнейшего развития своего факультета и получил полное одобрение со стороны Ученого совета и ректора университета.

Я попытался осмыслить лишь некоторые черты прекрасного друга Валентина Анатольевича Панюшкина – «университетского человека». Я и сейчас хочу с ним общаться...

А. Е. Маслов,
кандидат юридических наук, доцент ВГУ

СЛОВО О ДРУГЕ

А память возвращает нас назад
В дальнее, дальнее детство,
Не наглядеться друзьям мне в глаза,
Не наглядеться.

После романтических шестидесятых, когда на слуху были геологи, полярники, строители ЛЭП и покорители Сибири, к началу семидесятых, популярность профессии юриста достигла своего апогея. Поступить на юридический факультет мечтала едва ли не половина юношей и девушек страны. Помимо юридических факультетов государственных университетов, во всем огромном Советском Союзе было лишь три специализированных высших учебных заведения: Свердловский, Саратовский и Харьковский юридические институты, которые готовили следователей, судей, прокуроров и адвокатов. Во всем Центральном Черноземье получить такое образование можно было только на юридическом факультете Воронежского государственного университета.

В 1970 году пыталась свое счастье молодежь из Воронежа, Курска, Орла, Липецка, Махачкалы, Сухуми, Рязани, Саранска, Москвы и даже из Шепетовки, других больших и малых городов и весей. Менее чем на сто мест поступало нас в тот год более семисот человек. Это был едва ли не самый «конкурсный» год в истории факультета. Впервые, наряду с «армейцами» и «стажевиками», по специальному конкурсу, было принято двадцать пять выпускников школ. Конкурс для них составлял двадцать человек на место. «Возрастные» абитуриенты тоже были закаленные бойцы, не единожды пытавшиеся поступить на юридический факультет. Такой тщательный отбор молодых людей – залог преданности моего поколения юристов избранной профессии. Девяносто девять процентов моих сокурсников все сорок лет после окончания факультета служили, трудились в различных правозащитных и правоохранительных структурах. Заслуженным «везунчиком», сдавшим вступительные экзамены только на «отлично», был и Валентин Панюшкин. Высокий, кучерявый, улыбчивый паренек с улицы Депутатской города Воронежа.

Познакомились мы в самом конце августа 1970-го, после оглашения результатов зачисления, и с первого сентября должны были начать грызть гранит науки, но...

Популярный в те годы поэт Андрей Дементьев так это время отразил:

Наукой нас не сразу начинали,
Мы каждый курс
С уборки начинали.
К нам приезжали из медвежьих мест
Заляпанные, хмурые трехтонки...
И не звонок, а их гудок негромкий
Оповещал, что начался семестр...

Первого сентября большую часть курса направили на сельхозработы в колхоз села Новосильское под Воронежем. Как-то само собой получилось, что мы с Ва-

лентином оказались на постое у одного и того же хозяина. К нам присоединились Коля Лямзин и Володя Пospelов. Всю нашу бригаду определили для работы на колхозный ток, провеивать и сушить зерно. Платить нам ничего не платили, работали мы, как в то время говорили, «за харчи». Хозяева на студентов получали в колхозе различные продукты – мясо, молоко, хлеб – и не плохо нас кормили. В ежедневном рационе была жареная на сале картошка. Хозяйка, пухленькая старушка, имела своеобразное представление о композиции блюда и сковородку украшала большущими кусками вареной свинины с могучей щетиной. Эстетическое воспитания Валентина не принимало такой деревенской простоты, и он уговорил бабушку зачислить его на кухню «брадобреем». Ежедневно, за полчаса до окончания работы он бежал к хозяйке и вместе с ней готовил ужин. Воспринималась такая «романтика» бытия по-доброму и с юмором.

Работа наша была не ахти какая, особенно не уставали и по вечерам, в любую погоду обязательно ходили в местный клуб на танцы. Как обычно по поводу «кто чьих девочек проводил» конфликтовали с местными ребятами. В обиду себя не давали, и это тоже было неким условием сплочения. Большинство из нас были сознательными «переростками», и конфликты быстро улаживались.

Не припомню, кто из преподавателей факультета был куратором этой «страды», возможно, его и не было, но старшей была наша сокурсница – Надя Дядищева. Где-то через полмесяца Надежда объявила, что всем членам партии надо быть на партсобрании факультета. Человек семь или восемь набились в кузов грузовой спецмашины – бурильной установки, заваленной мешками с картошкой, и поехали в Воронеж. Какого-либо ночлега в городе у многих из нас не было, и Валентин предложил мне и Саше Иваненко переночевать в квартире его родителей, где я и познакомился с мамой Валентина – тетей Ирой и отцом – дядей Толей, приветливыми и отзывчивыми людьми, которые на все последующие годы стали мне близкими людьми. Валентин уже в те годы выделялся исключительной коммуникабельностью и легким в общении характером. Думаю, что это, в значительной степени, ему передалось от родителей. Он умел слушать и достойно отстаивать собственное мнение в общении со старшими по возрасту сокурсниками. Другие бывшие школьники долгое время и уже во время учебы непроизвольно, как бы дистанцировались от студентов «переростков». Некоторые из них, как говорят, «в отцы годились бы» Валентину, Володе Митину, Леше Пастревичу и другим школьникам. К примеру, Шаров Александр поступил на юрфак в 34 года, Володя Гуньков, все годы учебы страдавший радикулитом, шутил по поводу своего здоровья: «...что вы хотите, я ведь «довоенный», рожденный в 1939 году». Я умышленно акцентирую внимание на разнице в возрасте студентов нашего курса, так как в этом, как мне представляется, был залог быстрого, не по годам взросления наших молодых друзей.

Дух коллективизма – это наша тема, тема нашего с Валентином поколения. За время учебы мы не представляли себя вне курса. Первую половину дня все 80–90 человек были на лекциях и семинарах. Не знаю, может, лекторы были искусные либо у нас было иное представление о дисциплине, но учебные аудитории всегда были полные, мы практически не пропускали занятия. После учебы собирались, как правило, в студенческом городке на улице Фридриха Энгельса, в общежитии и готовились к занятиям не по одному, а тоже коллективно. По вечерам дежурили в оперативном отряде, зимой ходили на каток, летом – на водохранилище. По субботам в сотой аудитории корпуса на площади Ленина были танцы. Собирался

весь факультет. Атмосфера этой студенческой «тусовки» была самой доброжелательной, проявления хулиганства, пьянства пресекались самими студентами-юристами. Мы чувствовали и осознавали себя законниками, сторонниками и представителями правопорядка.

Во время учебы студенческая творческая самодеятельность занимала заметное место. Проводились и дни первокурсника, и дни факультета, конкурсы в рамках студенческой «Весны», различные интернациональные вечера. На факультете был свой хор. К хоровому пению нас приобщал любимый всеми нами криминалист Василий Федорович Зудин, большой энтузиаст хорового пения. Валентин не пел, не танцевал, но, тем не менее, всегда был активным участником всех этих мероприятий. Мы, втроем, Валентин, Володя Митин и я, на протяжении всех пяти лет учебы оформляли сцену актового зала (сотую аудиторию). Клеили из бумаги, фантазировали по сюжету и рисовали огромный «задник». По завершении концертов, смотрев всех нас неоднократно отмечали грамотами комитета комсомола.

Во время учебы очевидным было стремление Валентина посвятить себя науке. Наша профессура, отмечая его способности, прочила ему успешную карьеру и в прокуратуре, и в суде, и на стезе защиты прав граждан. Учился он легко. Ему были доступны и понятны все без исключения учебные дисциплины. На семинарах в группе он был «палочкой-выручалочкой». Одной из самых сложных дисциплин, по общему мнению, была политэкономия. С ответами на семинарах все как-то получалось невпопад. И вот обычно семинар завершался обращением Ивана Сергеевича Шаршова к Валентину: «Панюшкин, разжуй этим бездарям, что когда солнышко на небе – дождь не идет, а когда дождь идет – солнышка нет». Валентина он слушал с видимым удовольствием и одобрением.

Почти всем составом наша третья группа участвовала в работе научного студенческого кружка Международного права, который вел всеми нами уважаемый доцент Борис Иванович Мелехин. Заседания кружка обычно проходили вне стен университета, на природе, в картинной галерее и даже в кафе, что по тем временам было весьма крамольно. Сам Борис Иванович был человеком с большими познаниями и широкими интересами. Был увлечен стихосложением и прекрасно рисовал. Помню, Валентин сделал отличный доклад о диктаторах Гаити – семействе Дювалье. Борис Иванович обратился к Валентину и сказал: «Валя, ты так живописал этих негодяев, что я не удержался и набросал их портреты, это они?».

Несколько слов о нашей военной подготовке. Военная кафедра была у нас все пять лет обучения на факультете, и мы получили полноценное военное образование. Девушки наши тоже были «охвачены» специальной подготовкой и к пятому курсу были аттестованы как медицинские сестры гражданской обороны. Парни, не имевшие офицерского звания и годные по состоянию здоровья к военной службе, получили военную специальность артиллеристов-противотанкистов. Занятия проходили на военной кафедре в «красном» корпусе на Проспекте Революции, где первые два года нашего обучения размещался и юридический факультет. Во взводе вместе с юристами служили и студенты факультета РГФ (романо-германской филологии), с которыми и у меня, и у Валентина Анатольевича сохранились добрые отношения на многие, многие годы, в первую очередь с Юрием Бобровым, служившим начальником подразделения внешней разведки (к сожалению, ныне покойный) и Александром Мишиным – профессором филологии Московских вузов. Преподаватели военной кафедры, офицеры с большим жизненным опытом, многое повидавшие за время службы вызывали у нас должное уважение. Их мне-

ние было особо авторитетным и, как теперь, по прошествии времени, я оцениваю, являлось фактором формирования мировоззрения будущих следователей и прокуроров. На многие годы у Валентина и у меня сохранились уважительные и в то же время дружеские отношения с офицерами – педагогами военной кафедры – полковниками Фомичевым, Зимовцом и Сентюриным. На самом деле, благодаря офицерам кафедры многие наши сокурсники пошли на службу в военную прокуратуру и стали заметными фигурами в этом ведомстве. Это Саша Анохин, Николай Лексин, Володя Митин, Саша Чеботарев, Александр Гринбарх, – все они были друзьями Валентина. Завершали мы обучение артиллерийской науки в военных лагерях на полигоне в поселке Мулино Нижегородской (в то время Горьковской) области. Два месяца курса молодого бойца и боевого сплочения. Требования неукоснительно соблюдать дисциплину, способность подчинить себя приказу, значительные физические нагрузки не просто давались молодым нашим сокурсникам, ранее не служившим в армии, в том числе и Валентину, тем не менее все они успешно аттестовались на офицерское звание. Все это влияло на формирование наших характеров, определение гражданской позиции.

Военные сборы были уже после сдачи государственных экзаменов и защиты дипломов с июня по август месяц. Выпускной вечер был только «мужской» и в самом конце августа 1975 года. К тому времени многие наши выпускники работали по специальности или служили. Уже после четвертого курса наши сокурсники были избраны народными судьями: Александр Дементьев службу закончил в должности начальника ГУВД по Воронежской области, генерал-лейтенант; Владимир Гуньков, более тридцати лет проработавший Председателем суда в Стерлитамаке; Зинаида Крюкова (Иванова) – Председатель Усманского суда в Липецкой области.

Во время учебы на факультете, помимо получения теоретических знаний, наши педагоги, по преимуществу все бывшие практические работники правоохранительных органов, такие как Роман Васильевич Литвинов, Виктор Васильевич Труфанов, Борис Иванович Мелехин, Лев Дмитриевич Кокорев, Константин Александрович Панько, Владимир Яковлевич Панарин, сумели увлечь нас профессией. Все мы мечтали стать следователями, прокурорами и судьями. И всякую возможность приблизиться к правоохранительной деятельности использовали по максимуму и с огромным интересом.

Одними из молодежных общественных структур в то время были комсомольские оперативные отряды по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В Воронеже такой отряд был создан на базе юридического факультета. Первым его командиром был студент четвертого курса Виталий Микеладзе, большой друг профессора Юрия Георгиевича Просвирнина. По окончании вуза Микеладзе служил в КГБ СССР и стал одним из успешных офицеров внешней разведки. Едва ли не самым активным и что называется, полезным бойцом отряда был Валентин Панюшкин. В отряд отбирали далеко не всех желающих, а только оперативных, физически крепких, смелых и решительных ребят. Большинство членов отряда составляли студенты с определенным жизненным опытом, бывшие «армейцы» и только три бойца из бывших «школьников» – Панюшкин, Митин и Пастревич, в порядке исключения, были зачислены в отряд. Все они проявили себя исключительно достойно. Отряд часто задействовали в мероприятиях по обеспечению общественного порядка на факультете, в университете и в городе. Запомнилось участие в обеспечении порядка во время визитов в Воронеж шаха Ирана Мохаммеда

Реза Пехлеви, лидера кубинской революции Фиделя Кастро, при вручении ордена Ленина Воронежской области. Направляли нашу работу офицеры Воронежского УВД и сотрудники прокуратур Центрального и Ленинского районов города. Особенно наши «молодые» отличились в выполнении поручения обкома комсомола по вытеснению наркоманов из Кольцовского сквера. В начале семидесятых это уже была реальная молодежная проблема. Валентин Панюшкин, Володя Митин, Алексей Пастревич, Александр Козлов (ныне профессор-эколог) росли и учились в Воронеже, многих ребят знали по школе, дворовым спортивным баталиям, и это обстоятельство помогло относительно бесконфликтно вытеснить «тусовщиков» из Кольцовского сквера и «Карлуши» – так тогда именовали дворец культуры железнодорожников имени Карла Маркса. Представляется, что оперативный отряд, в определенной степени, подвинул нас к пониманию правоохранительной деятельности, пониманию будущей профессии со всем ее романтизмом и реализмом.

На курсе не было «великих» спортсменов, но увлеченных этим занятием было предостаточно. Самыми заметными атлетами были Валера Кур, легкоатлет, метатель копья, и его друг Саша Захаров. Кур начинал службу в Воронежской милиции, а позже, женившись на красавице Регине, перебрался в Киев. В 1980–1990-х годах был заметной фигурой в силовых структурах Украины, начальником киевского ОМОНа, начальником учебного заведения МВД Украины. Не менее колоритной фигурой был и Саша Захаров. Легкоатлет и волейболист. Его карьера также успешно сложилась в МВД. Подругу жизни нашел в Москве и службу начал в качестве следователя в одном из столичных райотделов милиции. Неоднократно признавался лучшим следователем ведомства и быстро рос по служебной лестнице. Был начальником ГУВД Южного и Юго-Западного округов Москвы. Генерал. Кое-кто из нас увлекался спортивной борьбой, в частности Виктор Дубовиков, Саша Селютин, оба, в больших чинах и званиях длительное время служили в органах госбезопасности. Борьбой увлекался и я. Начинать еще, будучи учащимся Новочеркасского геолого-разведочного техникума, а позже боролся уже в армии, а точнее в Закавказском пограничном округе. Нашим преподавателем физкультуры и тренером по борьбе был мастер спорта Борис Дмитриевич Щукин, с которым и у меня, и у Валентина Анатольевича сохранились дружеские отношения на всю последующую жизнь. Валентин и вся группа бойцов оперативного отряда успешно тренировались у Бориса Дмитриевича, но спортивным «коньком» Валентина был настольный теннис. В этом виде спорта он был лучшим на факультете и неоднократно выступал за студенческое общество «Буревестник» на различных соревнованиях. Как и многие ребята 1960–1970-х годов Валентин хорошо играл в футбол и хоккей, прекрасно катался на коньках. Коллективные походы на каток были едва ли не главным зимним развлечением в годы учебы на факультете. Валентин уверенно «владел коньком», эффектно выписывая пируэты под лирические мелодии Валерия Абадзинского на льду стадиона «Труд». Даже те из нас, кто неуверенно катался, ходили на стадион, с шиком перекинув через плечо, коньки с ботинками. Мне кажется, именно на катке Валентин познакомился со своей будущей супругой – Галочкой Поповой. Другим любимым местом отдыха был стадион и парк «Динамо», где обычно катались на «Пионерской» горке на лыжах.

С наступлением весны в студенческом городке на улице Фридриха Энгельса разгорались баталии по мини-футболу. Валентин и Коля Лексин как лучшие игроки делились «поровну». Довольно часто с нами «на вылет» играли преподаватели юридического факультета, жившие в общежитии, наш куратор на первом курсе

доцент Анатолий Степанович Молодцов, доцент Александр Александрович Кавалкин и молодой преподаватель Валерий Кондауров.

Не менее значимой для становления будущих юристов была и трудовая закалка. Во времена нашей учебы тоже были летние каникулы, мы их ждали, так же как и современные студенты, но обычно ехали не к морю или за границу, а в строительный отряд. Для большинства моих сокурсников лето было «трудовым семестром». Движение студенческих строительных отрядов в семидесятых годах имело широкую популярность. Дело это было добровольное, более того, в стройотряд брали не всех желающих, а только тех, кто мог быть полезным и способным выполнять конкретные производственные задания. На нашем курсе было два студенческих отряда. Женский – наши девушки во время каникул работали проводниками на железной дороге и мужской – отряд строителей, гордо именовавшийся «Фемида», сформированный из парней моих сокурсников. Командиром отряда был Рамазанов Таджудин Бурганович, в настоящее время живет и работает в Махачкале, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, ранее был проректором Дагестанского государственного университета. Комиссаром отряда был Михаил Козлов, большой друг Валентина Анатольевича, ныне федеральный судья в городе Воронеже. Все бойцы отряда получали подготовку по строительным специальностям каменщиков, столяров, маляров и т. п. Отряд дважды выезжал на стройки. В 1971 году построили школу в селе Абрамовка Новоусманского района, а в 1972 году выезжали на строительство большого объекта в Казахстан. Валентин, как и другие парни, освоил профессию каменщика. Помимо собственно производственной деятельности, студенты стройотряда обязательно участвовали в спортивных состязаниях с местными жителями, организовывали совместные концерты самодеятельности. С отрядом обязательно выезжали в качестве медиков студенты мединститута, в качестве поваров – студенты технологического института. Для стройотряда юристов обязательной была шефская работа с трудновоспитуемыми подростками, состоявшими на учете в детских комнатах милиции. Одного такого сорванца привел в отряд Валентин, звали его Пашка, фамилию не помню, он был его соседом по месту жительства на Депутатской. Ну и, естественно, он же был его старшим наставником. Пашка ездил на «трудовой фронт» вместе с отрядом и, до завершения нашей учебы, был в поле зрения ребят-юристов. Уже работая на факультете, я как-то поинтересовался у Валентина Анатольевича судьбой Пашки. По его словам, в дальнейшей жизни все у него сложилось благополучно.

На третьем и четвертом курсах началась «эпидемия» свадеб. В конце концов сложилось девять семейных пар юристов. Валентина любовь «настигла» на четвертом курсе. Его избранницей стала студентка мединститута Галина Попова, которая быстро влилась в наш юридический коллектив. После свадьбы и я, и наши общие с Валентином друзья познакомились с родителями Галины, известными в Воронеже медиками. Отец Галины – Матвей Максимович, доцент мединститута, к сожалению, ныне покойный, а с мамой Нонной Николаевной до сего дня поддерживаем добрые отношения.

О наших учителях. Вот первая страница фотоальбома выпускников юридического факультета 1975 года. Фотографии наших учителей. Какие имена! Геннадий Федорович Горский, криминалист, профессор, проректор университета; Виктор Васильевич Труфанов, доцент, декан факультета; Виктор Степанович Основин, профессор; Иван Александрович Галаган, профессор; Владимир Николаевич Ско-

белкин, профессор; Константин Александрович Панько, профессор; Александр Кузьмич Кравцов, профессор; Василий Федорович Зудин, профессор; Сергей Александрович Свиридов, профессор; Эдуард Филиппович Побегайло, профессор; Олег Владимирович Смирнов, профессор; Дмитрий Петрович Котов, профессор; Владимир Яковлевич Панарин, профессор; Евгений Федорович Кудасов, доцент; Дмитрий Иванович Дударев, доцент. Всех их следует перечислить поименно. Всех их Валентин Анатольевич прекрасно знал и увековечил в истории факультета их педагогические заслуги и ученые имена.

Особое влияние на Валентина оказал Лев Дмитриевич Кокорев. Валентин Анатольевич обоснованно считал его своим учителем и покровителем. Именно Лев Дмитриевич увидел в студенте – выпускнике 1975 года, будущего ученого и лидера, а позже сформировал и развил недюжинные качества организатора и руководителя.

Все наши педагоги, каждый в своей отрасли знаний, профессионального опыта, жизненной позиции, личного обаяния сформировали того Валентина Анатольевича Панюшкина, бессменного декана юридического факультета ВГУ, которого мы так любили, уважали, почитали.

Судьба моих сокурсников, как и судьба Валентина, складывалась по-разному. Многим из нас пришлось ломать стереотипы, осваивать новое, много, очень много работать и даже воевать. Нашему поколению пришлось жить и работать в условиях мировоззренческих катаклизмов, в исключительно сложное время глобальных перемен и потрясений, из которых все мы вышли с достоинством, не потеряв лица.

Дух студенческого братства был присущ всем нашим сокурсникам. Стержнем этой дружбы «на всю жизнь» был наш декан – Валентин Анатольевич Панюшкин. Каждые пять лет после выпуска мы собирались в стенах родного факультета, радовались успехам друзей, печалились безвременным потерям. Последняя такая встреча была в июне 2015 года и тем, кого в первую очередь хотели мы увидеть и обнять, был Валентин Анатольевич.

О том, как мы, выпускники 1975 года жили, служили Родине и дружили, как мы все без исключения уважали и обожали Валентина Анатольевича, тема отдельной повести, повести о НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ.

Т. М. Бялкина,
доктор юридических наук, профессор ВГУ

ВСПОМИНАЯ ВАЛЕНТИНА АНАТОЛЬЕВИЧА

Мне, как и остальным коллегам по юридическому факультету Воронежского государственного университета, невероятно сложно рассуждать о Валентине Анатольевиче Панюшкине в прошедшем времени, вспоминать его и понимать, что никогда больше этого человека не встретишь в коридоре или аудитории, не услышишь его голоса, не увидишь улыбки...

Приход на факультет в качестве преподавателя, защита кандидатской и докторской диссертаций, учеба на факультете обоих детей – все эти важные события моей жизни связаны с деканом В. А. Панюшкиным, с его участием и поддержкой. Не могу рассуждать о его деловых качествах как руководителя крупного университетского подразделения, поскольку не занимала каких-либо административных должностей. Не принадлежала к числу его друзей, чтобы вспоминать какие-то интересные случаи, факты его биографии. Не пришлось бывать в каких-то совместных поездках или участвовать в общих проектах. Просто работала на юрфаке, и всегда на юрфаке был Панюшкин.

Но вот что сразу вспомнилось, когда начала писать эти строки – так это празднование 8 Марта, организованное Валентином Анатольевичем много лет тому назад, которое, по-моему, помнят все участвовавшие в нем женщины факультета как одно из самых ярких событий своей жизни, и гвоздики, которые мы получили, и необыкновенно теплые слова, сказанные В. А. Панюшкиным в адрес каждой сотрудницы факультета. Вспомнились чествования наших ветеранов, участников Великой Отечественной войны, и то, сколько искренней любви, нежности и благодарности было в словах Валентина Анатольевича, обращенных к ним. А кто еще, кроме декана, умел найти в архивах, каких-то старых документах столько интересных фактов, вспомнить событий, значимых для юбиляров, которые, конечно же, всегда приглашали декана на свои торжества, и он находил для каждого именно те особенные слова, которые долго потом согревали им сердца и души!

Поэтому самое главное, о чем бы мне хотелось сказать: Валентин Анатольевич сумел сделать юридический факультет не просто местом работы, а еще и нашим общим домом, в который хочется приходить, в котором можно поделиться и радостью, и горем. Вот это его равнодушие, его по-настоящему отеческую заботу обо всем факультете в целом и о каждом его сотруднике в отдельности мы никогда не забудем.

В. В. Гриценко,
доктор юридических наук, профессор ВГУ

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ СОСТОИТ ИЗ ЭПИЗОДОВ, НАПОЛНЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯМИ О ВСТРЕЧАХ, РАЗГОВОРАХ...

Я работаю на юридическом факультете Воронежского госуниверситета почти 40 лет. Приказом ректора ВГУ от 19 ноября 1976 года я была принята секретарем-машинисткой юридического факультета, т. е. помощником секретаря деканата Раисы Степановны Маршевой, в то время деканом факультета был Виктор Васильевич Труфанов. На то время я была самым молодым сотрудником факультета, и это, как мне казалось, было огромным моим недостатком. В советское время в деканате «бурлила» жизнь юридического факультета, через деканат проходили практически все сотрудники факультета и мне было тяжело их запомнить. Но Валентин Анатольевич запомнился сразу. Это был молодой, симпатичный, обаятельный, скромный, интеллигентный аспирант, который писал кандидатскую диссертацию сначала под руководством Геннадия Федоровича Горского, а затем (после его смерти) – Льва Дмитриевича Кокорева, увидевшего в нем не только незаурядный потенциал в сфере преподавательской и научной деятельности, но и выдающиеся организаторские способности. Лев Дмитриевич (был деканом в 1979–1987 годы) просил Валентина Анатольевича не ждать его в деканате, сразу заходить к нему, но он всегда ждал своей очереди, даже пропуская вперед других сотрудников. Вежливость и корректность в общении были теми качествами, которые он, несмотря на сложный жизненный путь, сохранил до конца своих дней.

Молодые сотрудники юридического факультета состояли в комсомольской организации и платили комсомольские взносы по две копейки, но не все своевременно их уплачивали. Поскольку это была очень маленькая сумма, поэтому, закрывая ведомость, иногда я добавляла свои деньги. Только один человек сдавал взносы всегда своевременно – это был Валентин Анатольевич, который затем стал секретарем нашей организации. Именно в этой стезе Валентин Анатольевич впервые проявил свои организаторские способности, позволившие ему в дальнейшем занимать пост декана юридического факультета несколько десятков лет. Позже Валентин Анатольевич всегда с теплотой вспоминал то время, основанное на патриотизме, на нашей молодости.

Моя трудовая деятельность на юридическом факультете проходила параллельно с учебой, с 1977 по 1983 год я была студенткой юридического факультета заочной формы обучения. На первом курсе юрфака необходимо было сдать дисциплину «правоохранительные органы», экзаменатором был Роман Васильевич Литвинов. Учитывая дружеские, основанные на комсомоле отношения, я решила, что легче будет сдать Валентину Анатольевичу, которому Роман Васильевич доверял принимать экзамен во время отъезда в командировки. Выбрав такой момент, выучив все вопросы, я попросила Валентина Анатольевича принять у меня экзамен. Но Валентин Анатольевич проявил принципиальность: экзамен я сдавала на кафедре в присутствии практически всех ее членов, принимал он в течение часа,

задавал много дополнительных вопросов и поставил объективную заслуженную оценку «четыре». Возвратившись из командировки, Роман Васильевич поинтересовался, когда я буду сдавать экзамен, узнав, что я уже сдала Валентину Анатольевичу, он спросил об оценке, затем глубоко вздохнув, произнес: «Ох, молодость, молодость... А ведь я бы поставил тебе «пять»». К кому относилась первая часть фразы, я так и не поняла: к Валентину Анатольевичу или ко мне. Но, изменить ситуацию было уже нельзя.

С «легкой руки» Валентина Анатольевича, занимавшего с 1987 года должность декана юридического факультета, многие годы я работала на подготовительных курсах и на рабфаке (вплоть до его закрытия). Но начиналась работа на рабфаке с разговора с Валентином Анатольевичем. Он, вызвал меня в деканат и спросил, справлюсь ли я с преподаванием на рабфаке, прежде чем дать ответ, он попросил меня серьезно подумать, так как это наличие огромных знаний по различным отраслям права у преподавателя и повышенное чувство ответственности за тех, кто поступил, и особенно за тех, кто не поступил, и добавил, что он бы не стал взваливать на себя «такую тяжелую ношу». Подумав, я все-таки согласилась, и Валентин Анатольевич тут же отметил, что я поступаю правильно. Спустя годы я поняла, что работа на рабфаке, которую доверил мне Валентин Анатольевич, принесла неоценимый опыт, отчасти благодаря ему я смогла не только защитить сама кандидатскую и докторскую диссертации, но помогла получить ученую степень талантливым выпускникам нашего вуза.

Запомнились его советы в отношении оценки знаний студентов. Не жалеть ставить «пятерки». Любая оценка должна быть аргументирована, особенно «двойка». Во-первых, принимать экзамен нужно доброжелательно; во-вторых, студент должен понимать, что виноват в своем ответе только он сам (например, недоучил, забыл, растерялся...); в-третьих, студент не должен чувствовать себя униженным, он должен быть уверен в том, что в следующий раз подучит и обязательно сдаст экзамен. Сейчас эти правила оценки ответа можно считать прописными истинами.

Следует заметить, что Валентин Анатольевич не всегда однозначно относился к командировкам сотрудников, наверное, учитывалось материальное положение факультета, особенно в конце финансового года. Несколько лет назад я пришла в деканат к Валентину Анатольевичу подписать командировку в г. Москву на конференцию, настроения у него в тот момент не было и он сказал, что денег на юрфаке нет и поэтому он подпишет только плацкарт. Тогда я ответила, что поеду и буду всем рассказывать, что работаю на юрфаке ВГУ, Валентин Анатольевич как бы про себя тихо стал возмущаться: «Вот, что говорит, что говорит?» и подписал со всеми командировочными расходами. Престиж юридического факультета для Валентина Анатольевича всегда был превыше всего.

В 2012 году я подготовила учебное пособие по служебному праву (600 страниц). Валентин Анатольевич посмотрел и спросил, знаю ли я, какова будет стоимость этого издания. Я ответила, что не знаю, и он предложил сократить объем, что я и сделала. Когда пособие было уже напечатано, он остановил меня в коридоре юрфака с вопросом, почему пособие такое маленькое по объему?!

Неоценимую помощь в приобретении жилья мне оказал юридический факультет, возглавляемый Валентином Анатольевичем. Более 10 лет я семьей проживала в общежитии, предоставленном на работе мужу, при этом я стояла на очереди в университете на улучшение жилищных условий, и когда дом практически был построен, необходимо было проплатить определенную сумму, которой, естествен-

но, не было. Случайно от коллег я узнала, что на Ученом совете юрфака была выделена беспроцентная ссуда четырем сотрудникам, в том числе и мне, при этом инициатива исходила, конечно, от Валентина Анатольевича. Денежные средства были возвращены в определенное время после получения жилья. В отличие от многих руководителей Валентин Анатольевич понимал, что невозможно повысить эффективность работы организации, не заботясь о ее сотрудниках.

Отвечая на вопрос, каким был Валентин Анатольевич? Справедливости ради, отвечу, он был разным: добрым, отзывчивым, принципиальным, умел аргументировать свою позицию. Он прошел длительный жизненный путь в стенах юридического факультета: от студента, аспиранта, преподавателя до профессора, заведующего кафедрой, декана. Управляя таким факультетом, сложно быть хорошим для всех и удовлетворять интересы всех сотрудников факультета.

Следует отметить его доброе, уважительное отношение к учителям, особенно ко Льву Дмитриевичу Кокореву, считавшим его «талантливым учеником». На одном из последних заседаний Ученого совета факультета Валентин Анатольевич показывал портрет Льва Дмитриевича, горечь и любовь звучали в его словах... теперь, увы, настал черед учеников Валентина Анатольевича произносить печальные речи о своем наставнике.

Хочется возразить в отношении слова «был», не верится, что Валентина Анатольевича нет, наверное, потому, что есть дети, внуки, жена. Встречая Ольгу Валентиновну, видишь его улыбку, его взгляд...

И еще, Валентин Анатольевич умел искренне радоваться за победы и достижения студентов, выпускников факультета, с чувством великой гордости, он называл фамилии выпускников, окончивших наш юридический факультет. Факультет, на котором Валентин Анатольевич учился, работал и посвятил ему свою жизнь...

Писатель, телеведущий А. Максимов справедливо считает, что «учитель в профессии – это человек, который ставит тебя на правильные рельсы»¹.

Валентин Анатольевич очень многих учеников, коллег направил именно на «правильные рельсы», в том числе и меня, поэтому я всегда буду вспоминать его с благодарностью.

¹ См.: Максимов А. Очень личная рецензия // Рос. газета. 2016. 8 февр.

Т. А. Матвеева,
кандидат юридических наук, доцент ВГУ

«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ... КАК ВЕРИЛИ В СЕБЯ...»

Вся моя жизнь с 17 лет связана с юридическим факультетом Воронежского государственного университета. Я поступила учиться сразу после школы в 1971 году, на год позже Валентина Анатольевича. В дальнейшем, после окончания вуза, было преподавание в юридическом техникуме, одновременно учеба в аспирантуре ВГУ по кафедре, возглавляемой профессором Виктором Степановичем Основиным, работа на факультете на условиях почасовой оплаты и, наконец, в 1984 году я пришла на юридический факультет на постоянную работу. В 1988 году защитила кандидатскую диссертацию.

В то время вступительными экзаменами на факультет были история, русский язык, сочинение, иностранный язык. Валентин Анатольевич, став в 1987 году деканом факультета, совместно с Сергеем Александровичем Свиридовым впервые в России поставили перед Министерством образования РФ вопрос о необходимости вступительного экзамена по Основам государства и права. Впоследствии Валентин Анатольевич писал: «Вступительный экзамен по дисциплине «Основы государства и права» введен на юридическом факультете Воронежского государственного университета в 1988 году. Это позволило улучшить начальный уровень правовых знаний студентов, дало возможность принять на факультет абитуриентов, уже знакомых с «правовой материей», сознательно избравших для себя профессию юриста».

До последнего времени вступительный экзамен был устным. С 1995 года в целях более объективной оценки качества знаний абитуриентов вступительный экзамен определен как письменный и в перечне всех вступительных экзаменов поставлен первым профилирующим.

Подготовка к вступительному экзамену по дисциплине «Основы государства и права» связана с серьезными трудностями. Имеющаяся учебная литература не всегда в полной мере отвечает кардинальным изменениям, происходящим в действующем законодательстве, современному уровню развития юридической науки и практики.

Для того чтобы помочь абитуриентам преодолеть имеющиеся трудности и хорошо подготовиться к вступительному экзамену, на факультете ежегодно издавались соответствующие учебные пособия. Последнее такое пособие было издано в 1994 году (Т. А. Матвеева, В. А. Панюшкин. Основы государства и права Российской Федерации: учебное пособие для поступающих на юридический факультет) достаточно большим тиражом – 3000 экз. Его успешно использовали при подготовке к вступительному экзамену не только абитуриенты 1994 и 1995 годов, но и слушатели подготовительных курсов при ВГУ в 1995/96 учебном году (а это более 500 человек, многие из которых – потенциальные абитуриенты юридического факультета).

Я была очень благодарна Валентину Анатольевичу за предложенное соавторство, за возможность вести занятия на подготовительных курсах ВГУ.

Валентин Анатольевич, будучи деканом, постоянно заботился о повышении квалификации преподавателей. У нас была возможность за счет факультета совершенствовать знание немецкого языка, и в 1999 году я и Татьяна Михайловна Бялкина прошли месячную научную стажировку в Немецкой Высшей школе административных наук г. Шпайер в Западной Германии (в настоящее время – Немецкий университет административных наук г. Шпайер). На всю жизнь о той командировке остались яркие воспоминания и благодарность Валентину Анатольевичу Панюшкину и Юрию Николаевичу Старилкову, который имел крепкие связи с немецкими коллегами и дал нам буквально «пошаговые» инструкции, касающиеся поездки.

90-е годы прошлого столетия были сложными для всей страны, в том числе и для ВГУ. Но на нашем факультете сохранялась полная оптимизма, дружелюбная атмосфера. Деканат организовывал праздники, посвященные встрече Нового года, юбилеям, памятным датам. Перед 9 Мая по приглашению декана приходили ветераны войны, перед Международным женским днем все сотрудницы получали цветы и подарки.

Валентин Анатольевич всегда был в курсе проблем тех, кто с ним вместе работал, старался оказать необходимую помощь. Наверное, он мог бы в большей степени реализовать таланты, дарованные природой (феноменальная память, острый ум). Последние годы мешали объективные трудности, болезни. Но Валентин Анатольевич полностью отдавал себя факультету.

В статье «Ощущение времени... Шестьдесят – пятьдесят пять – тридцать»¹ Валентин Анатольевич писал о некой магии цифр в его жизни. Теперь совпадения можно продолжить. Его Учитель – Лев Дмитриевич Кокорев (1925–1995) оставил пост декана факультета в июле 1987 года, когда ему было почти 62 года. Валентин Анатольевич ушел из жизни деканом в июле 2016 года, когда ему было тоже почти 62 года. Так рано...

¹ См.: *Панюшкин В. А. Ощущение времени ... Шестьдесят – пятьдесят пять – тридцать* // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 15–21.

Н. В. Бутусова,
доктор юридических наук, профессор ВГУ

ЧЕЛОВЕК, ЛЮБЯЩИЙ ЛЮДЕЙ

Можно сказать, что я была знакома с Валентином Анатольевичем с детских лет. В середине учебного года в третьем классе, в связи с переездом на новую квартиру, меня перевели из 1-й школы в 14-ю, где я и проучилась по 8-й класс включительно. Валентин Анатольевич (тогда – Валя) учился в параллельном классе. Это был кудрявый, улыбчивый мальчик, от большинства мальчишек отличавшийся еще и добрым отношением к девочкам. Я помню, что мои одноклассницы его выделяли, потому что он никогда никого не обижал, хорошо учился. Он мне запомнился по общим школьным линейкам, на которых всегда отмечали успехи школьников из разных классов – вручали грамоты, подарки за отличную учебу, за успехи в спорте, в художественной самодеятельности ... Мы с ним нередко были в числе награжденных, да и школа была небольшая – все на виду, общие учителя...

Конечно, знакомство в школьные годы было «шапочное», тем не менее, когда уже в 1970-е годы меня перевели на 3-й курс юридического факультета с вечернего отделения на дневное – на тот курс, где учился и Валентин, мы с ним вспомнили сразу, что учились в одной школе. Я проучилась вместе с Валентином Анатольевичем в университете недолго, так как через полгода ушла в академический отпуск и заканчивала юридический факультет с другим курсом.

С Валентином Анатольевичем мы встретились вновь после двух лет моей работы по распределению в Липецкой областной коллегии адвокатов, когда профессор В. С. Основин пригласил меня работать преподавателем к себе на кафедру. И тех пор мы с В. А. Панюшкиным всегда работали вместе.

Конечно, в официальной обстановке мы называли друг друга по имени и отчеству и на «Вы», но обычно – по имени и по-дружески на «ты». Мы могли открыто, откровенно говорить обо всем, я могла всегда сказать ему правду «в глаза», что и делала не раз, в том числе, говоря о негативных сторонах жизни нашего факультета, а значит, о том, что мне не нравилось в его руководстве. Он никогда меня не обрывал, думаю, в душе соглашался со мной, но, наверное, не в силах был изменить ситуацию, тем более в последние годы, когда стал серьезно болеть.

В. А. Панюшкин обладал особым даром объединять людей, преодолевать конфликты, всегда старался понять человека, никогда категорически не отказывал в просьбах о помощи, умел находить правильный выход из трудных ситуаций. Он всегда был тактичен и мудр, прежде чем принять решения по тем или иным проблемам, с которыми он не был хорошо знаком, старался узнать мнения разных людей. И это – качества талантливого и ответственного руководителя!

Факультет был его вторым домом, о процветании и развитии которого он всегда заботился, радовался нашим общим успехам.

Валентин Анатольевич обладал не столь часто встречающимся даром и умением искренне радоваться успехам других людей, когда те достигали определенных профессиональных высот. Помню, как он после присуждения мне решением ВАКа ученой степени доктора юридических наук в присутствии коллег с большим энту-

зиязмом воскликнул: «Наталии вообще нужно Героя России дать: без какой-либо помощи и денег от факультета, на бюджетной основе защитить диссертацию в главном вузе страны..!». Весной прошлого года он радостно говорил мне об одном молодом коллеге: «Представляешь, он такой молодец – так быстро по-английски щебечет..!». Подобных примеров можно привести множество.

Я бы выделила и такое его качество, как доброта. Помню, лет пять назад после экзамена по конституционному праву в ГАКе он стремительно зашел в аудиторию, где еще находилась комиссия, с совсем не характерным для него гневным выражением лица: «Вы кому двойку поставили!? Вы круглой сироте двойку поставили!». Действительно, я вспомнила девушку, у которой на 1-м курсе в автокатастрофе погибли родители. Хотя, конечно, двойка была объективной, но мы через пару дней приняли у этой студентки экзамен повторно. Запомнилось и его соболезнование мне в связи с трагической смертью моего племянника. Когда это произошло, В. А. Панюшкин был в отпуске, и уже недели через три после случившегося мы с ним случайно встретились на входе в университет. Первые слова, которые он произнес, это были слова соболезнования, и это были не просто слова: я видела и чувствовала действительное сострадание...

Таким он и остался в моей памяти: кудрявый, улыбчивый мальчик, юноша, потом уже взрослый мужчина, много сделавший для факультета за столь долгий срок своего деканства, человек добрый, совестливый, порядочный, любящий людей.

ДЕКАН И Я (ПЯТЬ ФРАГМЕНТОВ ИЗ РАЗНЫХ ЛЕТ)

1993 год. Валентин Анатольевич Панюшкин в «сотой аудитории»¹ читал на-шему курсу лекции по дисциплине «Правоохранительные органы», вёл семинары, а летом принимал экзамен. Валентин Анатольевич излагал лекции обстоятельно, внимательно наблюдая за аудиторией, чтобы студенты успевали не просто записать материал, но и задуматься о новой информации, которую слышали впервые.

Запомнилось, что экзаменационный билет² был построен необычно: вопрос по теории и задача. На экзамене была атмосфера доброжелательности, душевной теплоты и сочувствия к студентам. Вначале на меня нахлынуло волнение: было страшно сдавать экзамен декану. Но когда Валентин Анатольевич улыбнулся, мне подумалось, что улыбнулся он мне, волнение ушло. Было радостно, что получилось и ответить по теории, и решить задачу. Этот первый экзамен в сессию был сдан на «отлично»; и вся сессия, с легкой руки декана, была сдана на «отлично».

Валентин Анатольевич обладал удивительным даром рассказывать просто о сложных явлениях, вдохновлять на учебу и на научное творчество. Я уверена, что всем студентам, которые учились у Валентина Анатольевича, вспоминаются эти занятия как одни из лучших на юридическом факультете ВГУ.

2000 год. Во время учебы в аспирантуре Валентин Анатольевич в составе комиссии принимал у меня экзамен по специальности. Речь зашла о монографиях по уголовному процессу и криминалистике. В качестве примера я привела книгу «Очерк развития науки советского уголовного процесса»³. Но из трех авторов этой книги назвала только Л. Д. Кокорева, а Н. С. Алексеева и В. Г. Даева почему-то не назвала, хотя помнила, что книга написана тремя авторами и знала их фамилии. Выслушав то, что я рассказывала, Валентин Анатольевич сказал, что надо называть всех авторов, а не кого-то одного. Это замечание стало для меня уроком, который я усвоила навсегда: необходимо уважать авторство, свободу творчества, скрупулезно относиться к цитатам, быть точным не только в отношении письменных источников, но и авторов тех мыслей, которые были почерпнуты из устных бесед.

2008 год. Прошло несколько лет с того момента, как я была принята на работу на юридический факультет. Были какие-то значимые, на мой взгляд, результаты, но о должности доцента приходилось только мечтать. По-моему, в честь 50-летия юридического факультета ВГУ большая группа коллег дождалась повышения до доцентов и профессоров, меня среди них не было. Чуть позже Валентин Анато-

¹ «Сотая аудитория» – актовый зал, перепрофилированный под лекционную аудиторию (расположена аудитория в здании корпуса № 2 ВГУ, где до переезда в новый корпус в 2006 г. размещался юридический факультет).

² Хотя в современных документах о качестве образования билет называется по-другому – контрольно-измерительный материал – простое название «билет» не ушло из обихода и используется преподавателями и студентами.

³ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

льевич включил в список на должность доцента и меня. Мне было радостно, что декан заметил мои старания. Когда руководитель замечает усилия подчиненного, возникает чувство гордости за себя, за университет. Это был еще один урок декана для меня о формуле успеха коллектива. Если начальник по-отечески относится к подчиненным, высоко оценивает их вклад в общее дело, поощряет сотрудников, то коллектив становится крепче. Появляется убеждение, что работа – это не рутина, а праздник. Я пишу эти слова, и словно снова все это проживаю, испытываю чувство глубокой благодарности к Валентину Анатольевичу.

2012 год. Валентин Анатольевич Панюшкин принял самое горячее участие в процессе защиты моей докторской диссертации. Командировки на конференции, подтверждение апробации результатов исследования на факультете – в этих вроде бы формальных вещах проявлялось большое участие в моей судьбе. Декан интересовался тем, как идут мои дела, учил меня приемам научной полемики, радовался моим успехам.

2015 год. Последний раз я видела Валентина Анатольевича в июне, это было издали, он общался во дворе корпуса юридического факультета с делегацией Испанского университета города Бургос. Из корпуса я выходила почти одновременно с Тамарой Михайловной Сыщиковой, супругой декана. Увидев Тамару Михайловну, Валентин Анатольевич совершенно отвлекся от гостей и через весь двор окликнул ее, попросив не уходить. Невозможно было не заметить, с какой большой радостью и вниманием обратился Валентин Анатольевич к Тамаре Михайловне. Я шла по улице и думала о том, что всякой женщине хотелось бы, чтобы ради нее забыли про все на свете делегации. И это последний урок декана: надо беречь любовь.

В 1988 году вышла в свет статья В. А. Панюшкина «Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах»⁴ о специфике преподавания в учебном курсе «Советское право» темы, посвященной организации и деятельности правоохранительных органов.

В статье раскрываются следующие вопросы: причины особого места в курсе «Советское право» темы о правоохранительных органах; трудности, с которыми сопряжено изучение темы о правоохранительных органах; особенности изложения лекций и проведения семинарских занятий о правоохранительных органах; направления применения технических средств в обучении.

Методика изложения учебного материала о правоохранительных органах по В. А. Панюшкину.

Первое. Важность знаний об организации и деятельности правоохранительных органов ученый связывает с тем, что «необходимость обращения в тот или иной орган, возможность вовлечения в сферу их деятельности может возникнуть у любого гражданина, причем по самым различным основаниям»⁵.

Второе. В статье уделено внимание трудностям, с которыми сопряжено изучение темы о правоохранительных органах:

– речь идет не об одной отрасли права, а о целом комплексе отраслей, определяющих организацию и деятельность правоохранительных органов;

⁴ См.: Панюшкин В. А. Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах // Методика преподавания курса советского права в вузе / под ред. В. С. Основины. Воронеж, 1988. С. 162–171.

⁵ Там же. С. 162.

– велико число нормативно-правовых актов, требующих изучения; постоянно обновляется законодательство; быстро устаревают материалы, представленные в учебниках;

– многообразие правоохранительных органов и, следовательно, многообразие вопросов, связанных с деятельностью правоохранительных органов;

– острый дефицит учебного аудиторного времени⁶.

Третье. В статье даны конкретные рекомендации, направленные на совершенствование изучения темы о правоохранительных органах.

Сделано предложение шире применять проблемное обучение: «...отсутствие однозначного ответа на рассматриваемый вопрос, в том числе в законодательстве, ставит студентов перед необходимостью самостоятельного поиска приемлемого решения». Одновременно уточнено, что «не следует чрезмерно увлекаться проблемным изложением, поскольку в юридической науке многие из таких вопросов связаны с критическим анализом действующего законодательства... В результате у студентов может сложиться нигилистическое отношение к закону, что недопустимо»⁷.

Предложено на семинарских или, как сейчас называется, практических занятиях обсуждать три типа задач: задачи-казусы из правоохранительной практики; программированные задания, в которых важно обосновать как правильность избранного решения, так и ошибочность других решений; проблемные задачи, имеющие целью содействовать появлению у студентов познавательного интереса⁸.

Показана целесообразность использования в учебном процессе технических средств обучения для ознакомления с учебным материалом и контроля знаний⁹.

Уделено внимание связи учебных занятий с практикой правоохранительных органов, которая может быть обеспечена разными способами: использование статистических и социологических данных, посещение правоохранительных органов, приглашение практических работников в вуз для чтения лекций, учет студенческого опыта участия в правоохранительной деятельности и т. д.¹⁰

Четвертое. Обращает на себя внимание, что вызовы, с которыми приходится сталкиваться российскому юридическому образованию в обеспечении обучения правоохранительной деятельности, во многом схожи с теми, которые были в советское время. В современной лексике применительно к описываемым процессам нет слов «буржуазный», «социалистический», «советский». Но проблема, которую поднял В. А. Панюшкин, злободневна: «современный этап общественного развития характеризуется значительным обострением идеологической борьбы», а право и законность, органы уголовной юстиции – «объект постоянных нападков со стороны буржуазных ученых»¹¹. Мы и сегодня наблюдаем примеры, аналогичные тому, как «беспардонная ложь и клевета, попытки фальсифицировать ход и результаты судебных процессов в нашей стране – всё используется для того, чтобы подорвать доверие к социалистическому правосудию, посеять сомнение в справедливости принимаемых судом и другими правоохранительными органами решений»¹². В. А. Панюшкин прав и в том, что «не следует рисовать студентам

⁶ См.: Там же. С. 164.

⁷ См.: Там же. С. 165.

⁸ См.: Там же. С. 166.

⁹ См.: Там же. С. 167.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Там же. С. 163.

¹² Там же.

идеалистическую картину состояния работы правоохранительных органов, необходимо акцентировать внимание на тех трудностях и недостатках, которые имеются в правоохранительной практике»¹³.

Статья «Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах» написана В. А. Панюшкиным в 1988 году, более 20 лет назад. Сформулированные в ней научно-методические и научно-практические мысли важны, потому что сегодня, как и в прошлые годы, «потребность в профессиональной юридической помощи в условиях быстро меняющегося и усложняющегося законодательства постоянно возрастает»¹⁴.

Авторская концепция методики преподавания была не только внедрена Валентином Анатольевичем Панюшкиным в его личной педагогической практике, но оказала существенное влияние на развитие научно-методических представлений о преподавании курса «Правоохранительные органы» и иных дисциплин, где в той или иной мере изучается тематика правоохранительной деятельности. Без сомнения, многие из тех, кто были студентами В. А. Панюшкина, а сейчас стали преподавателями, заимствовали в свою манеру ведения занятий и общения со студентами замечательные черты, присущие преподавательской деятельности Валентина Анатольевича Панюшкина.

¹³ Панюшкин В. А. Указ. соч. С. 165.

¹⁴ Там же. С. 171.

М. В. Стояновский,
кандидат юридических наук, доцент ВГУ

ПАМЯТИ В. А. ПАНЮШКИНА

Приходят, как снег среди лета, печальные вести.
И в зале свободное место в одном из рядов,
Где мы собирались, по каждому случаю вместе,
Как будто послы из далеких своих городов.

Б. Поволоцкий¹

Осень 1991 года. Вечер. Подготовительные курсы Воронежского государственного университета. Предмет «Основы государства и права».

Еще малознакомая группа абитуриентов, в числе которых посчастливилось оказаться и мне, собралась в одной из аудиторий гимназии № 1 (или, как в прошлом гораздо чаще называли данное учебное заведение, – «Первой школы»).

Ждем первой встречи с лектором (точнее, с учителем, как у многих тогда еще школьников подменялось понятие «преподаватель»).

Незадолго до начала занятия кто-то из абитуриентов осторожно прошептал, что проводить занятия будет «сам декан» юридического факультета ВГУ.

Да, интересно, но и как-то страшновато в ожидании первого лица факультета.

После звонка в аудиторию вошел стройный мужчина, в строгом костюме темного цвета, поздоровался с оробевшей группой абитуриентов и представился: «Меня зовут Валентин Анатольевич Панюшкин. Мы с вами будем изучать основы юридической науки».

Присущим ему благозвучным тоном произнес буквально несколько вводных фраз – на разные темы, не только правовые, – и эмоционально-психологический контакт с группой обучающихся в полной мере был установлен.

Именно так – постепенно, опытно, без какой-либо иронии над нами – «начинающими», но с долей легкого, доступного юмора Валентин Анатольевич произвел, так сказать, «настройку» аудитории на деловое и продолжительное общение.

Занятия им проводились в благожелательной атмосфере, но при этом с необходимой для изучения учебной дисциплины требовательностью настоящего педагога-профессионала.

Таковыми же благожелательными и формирующими нравственное сознание начинающего юриста были лекции Валентина Анатольевича при изучении нами на первом курсе юридического факультета дисциплины «Правоохранительные органы»: четкими, логичными и системными; с необходимыми разъяснениями и рекомендациями, а нередко с конкретными вопросами, адресованными аудитории, однако с собственным разъяснением юриста-профессионала сущности юридических явлений и проблем правовых реалий тогда еще «лихих девяностых».

Остался в памяти экзамен по «Правоохранительным органам», проходивший в достаточно благоприятной, но с характерным для аттестации такого серьезного типа, уровнем строгости.

¹ Поволоцкий Б. Уходят коллеги. URL: www.stihi.ru

© Стояновский М. В., 2018

Наверное, именно тогда меня (первокурсника) впервые в вузе «тронул» тот момент, когда успевающий в обучении студент, окончив свой четкий и содержательный ответ и, очевидно, получив отличную оценку, поспешил сказать слова благодарности Валентину Анатольевичу, на что последовали весьма неординарные (еще для школьника-выпускника) слова экзаменатора: «За что же слова благодарности? Это вам спасибо, что выучили материал».

К слову, замечу. Однажды в конференц-зале нового учебного корпуса, работая уже преподавателем кафедры криминалистики ВГУ, мне довелось присутствовать на защите нескольких курсовых работ, выполненных студентами-первокурсниками под руководством В. А. Панюшкина. Защиты проходили интересно, и на лицах студентов я не замечал какого-либо смущения. Каждый отвечающий, согласно плану подготовленной работы и выводам, сделанным по ней, доводил их до сведения декана.

Понятное дело: первокурсник не может знать многих проблемных моментов своей темы.

Однако Валентин Анатольевич не перебивал начинающих юристов.

Напротив, он поправлял допущенные речевые оплошности, «наводил» (но, это же не допрос) на размышления по сущностным проблемам, концентрировал внимание студентов на предложениях по работе, доводя своими речевыми интонациями до понимания таковых.

В связи с этим позволю себе привести слова выдающегося русского юриста А. Ф. Кони:

«Воспитание... это главное. Человек вылощенный не то же самое, что человек воспитанный... Воспитание глубоко... Глубоко...»².

И Валентин Анатольевич воспитывал...

А студенты эти замечания воспринимали, понимали, исправляли допущенные ошибки и оплошности...

Они формировались как личности и как будущие юристы. Они получали уроки нравственного и правового воспитания.

Важно помнить Валентина Анатольевича как руководителя, его вклад в развитие юридического факультета.

Он умел оценивать рабочие ситуации, складывающиеся на факультете; обладал должными для руководителя немалого коллектива навыками деловой риторики (в том числе на заседаниях Ученого совета факультета, да и всего коллектива сотрудников), был тактичен в разрешении всякого рода проблемных ситуаций.

Вспоминаются слова лидера одной из юридических школ Воронежского государственного университета заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. Я. Бабеева, охарактеризовавшего В. А. Панюшкина не только как талантливого организатора, но и как руководителя, обеспечивающего благожелательную, бесконфликтную, но требовательную обстановку в коллективе юридического факультета ВГУ³.

Этот небольшой очерк об интеллигенте, эрудированном педагоге, учителе и ученом – человеке воспитанном, тактичном, вежливом, добродетельном, по воле судьбы, ставшим частью моей жизни.

К огромному сожалению, безвременно ушедшему.

² Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. С. 459.

³ См.: Бабеев О. Я. Автобиографический пункт // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2011. № 1 (10). С. 30.

Ж. Ж. Руссо в свое время сказал: *«Время – движущийся образ неподвижной вечности»*.

Светлая память о Валентине Анатольевиче Панюшкине, воплощенная в его родных, близких и знакомых, учениках и коллегах, в его научных трудах и, конечно же, в самих стенах Воронежского государственного университета, стенах юридического факультета и его аудиторий, останется с нами навечно.

А. С. Фомина,
кандидат юридических наук, доцент

ДОБРОТА СЕРДЦА, ТЕПЛО ДУШИ, МАСТЕРСТВО ПЕДАГОГА, ТАЛАНТ РУКОВОДИТЕЛЯ...

Жаркое лето 1990 года... Мы, юные абитуриенты юридического факультета ВГУ, для получения дополнительных знаний устремились на «летние» подготовительные курсы для поступающих в университет. Эти краткосрочные трехнедельные курсы были просто «спасением» для иногородних абитуриентов: на заочных курсах, выполняя контрольные работы, получаешь лишь определенную толику знаний, занятия с репетитором – тоже не панацея, а тут, на курсах, работают настоящие, живые преподаватели юридического факультета ВГУ. Дух захватывает. Ничего себе – профессора, доценты делятся с тобой своими знаниями и требованиями для сдачи вступительных экзаменов в ВГУ. Хочется отметить, что директор подготовительных курсов – Митрушова Инна Анатольевна – всегда старалась поддерживать интеллектуальный и образовательный уровень курсов, приглашая для ведения занятий лучших преподавателей всех факультетов нашего вуза.

И вдруг среди абитуриентов разлетелась весточка: читать лекции на подготовительных курсах будет сам(!) декан юридического факультета ВГУ – Панюшкин Валентин Анатольевич. Ждем начала занятий в напряженной тишине: в аудитории муха не пролетит просто так, услышишь... Что поведает нам уважаемый декан, как поведет он себя с нами, ничего собой не представляющими школьниками? Думаю, что подобными вопросами задавался каждый находящийся в лекционном зале. И вот заходит в аудиторию Валентин Анатольевич, улыбается своей неповторимой улыбкой, тепло кивает нам, и сразу на душе становится спокойно и ясно: все будет хорошо. Четкое и понятное объяснение материала, уважительное отношение к каждому из абитуриентов, абсолютный контакт с аудиторией: умение так подать дисциплину «Основы государства и права» (именно этот предмет мы тогда сдавали при поступлении), что сразу понимаешь: ты не ошибся дверью, юриспруденция – это твоя судьба, твоя будущая профессия!

Вот при каких обстоятельствах состоялось мое знакомство с уважаемым Валентином Анатольевичем. И первое – самое лучшее, самое позитивное – впечатление повторялось и подтверждалось в дальнейшем в моей жизни многократно.

В качестве абитуриентов, приходя в корпус юридического факультета, мы с удивлением наблюдали за акциями тогдашних студентов, которые отстаивали свое право на свободное посещение лекций, выдвигали иные требования – протестные формы, в том числе и студенческой активности, были очень популярны в конце восьмидесятых – начале девяностых. Нас поражала демократичность уважаемого декана и стремление идти навстречу студентам, с чем мы неоднократно сталкивались и в дальнейшем.

На первом курсе, как и у других студентов (предыдущих и последующих лет), Валентин Анатольевич читал у нас курс «Правоохранительные органы». На лекциях, четко структурированных и очень понятных (только с годами, став преподавателем и отработав определенное число лет, начинаешь понимать, что кажущаяся

легкость в подаче материала, его ясность и доступность даже «среднестатистическому» студенту – это и есть настоящий профессионализм, подлинное педагогическое мастерство), мы приобретали первые навыки работы с нормативными актами, научной литературой, судебной практикой. И здесь Валентин Анатольевич преподавал нам подлинные азы общей и правовой культуры, называя каждого ученого не только по фамилии, но и имени и отчеству, рассказывая определенные вехи из биографии известных юристов как прошлого, так и настоящего, уделяя особенное внимание заслугам воронежских ученых – Л. Д. Кокорева, Д. П. Котова, Г. Ф. Горского, В. Я. Понарина и многих других. Это прививало нам, тогдашней молодежи, то уважение и пиетет, с которым мое поколение относилось и продолжает относиться к великим труженикам юриспруденции как теоретикам, так и практикам России и других государств.

Валентин Анатольевич привил нам умение и любовь работы с законодательным материалом, поскольку на лекциях и семинарах неустанно озвучивались как базовые положения нормативных актов, так и освещались проблемные, коллизионные моменты, раскрывались новеллы и лакуны отечественного законодательства. Много внимания Валентин Анатольевич уделял перспективам развития российской государственности, в частности на примере судебных и правоохранительных органов. Именно этим был обусловлен мой выбор первой курсовой работы, которую я писала как раз под руководством уважаемого декана – «Суд присяжных в России». Эта тема в 1990–1991 годах обладала повышенной актуальностью, возрождение суда присяжных в нашей стране представлялось весьма насущным и значимым, его перспективы для развития судебной системы и обеспечения прав граждан представлялись весьма заманчивыми. К слову сказать, Валентин Анатольевич пользовался «бешеной» популярностью среди первокурсников, очень многие хотели писать курсовую работу именно у него – пришлось выдержать серьезный интеллектуальный «кастинг», и до сих пор мне очень приятно сознавать, что уважаемый ученый позволил мне писать эту работу именно у него.

В дальнейшем я писала курсовые работы у профессора Татьяны Дмитриевны Зражевской, профессора Юрия Николаевича Старилова, а преддипломную курсовую работу и диплом – у профессора Олега Яковлевича Баева, но воспоминания о первой научной творческой работе до сих пор живы в памяти как о «пробе пера», попытке «изобрести» свой «велосипед» в юриспруденции. Неоценимую помощь в написании первой курсовой работы мне оказал преподаватель, который вслед за Валентином Анатольевичем (как лектором) вел у нас семинары по дисциплине «Правоохранительные органы» – молодой и очень талантливый ученый, безвременно и неожиданно ушедший из жизни – Игорь Федорович Соловьев. Низкий поклон и вечная память ему...

Незаметно пролетели замечательные студенческие годы... И вот долгожданный, очень волнующий момент – вручение дипломов. Опять же, я получила диплом из рук Валентина Анатольевича, чем очень горжусь. Этот момент незабываем.

Благодаря Олегу Яковлевичу Баеву и Валентину Анатольевичу Панюшкину я получила не просто путевку в жизнь, в профессию юриста, но и была избавлена от мук выбора – как и в качестве кого, реализовать себя в этой профессии. Олег Яковлевич пригласил меня на работу в качестве преподавателя кафедры криминалистики, а Валентин Анатольевич одобрил это решение.

Так, благодаря заведующему кафедрой – О. Я. Баеву и декану – В. А. Панюшкину, я продолжила семейную династию, став преподавателем вуза.

Как молодой преподаватель я ощущала творческую и душевную поддержку Валентина Анатольевича в рамках становления в профессии. Морально и организационно Валентин Анатольевич очень поддерживал меня при защите кандидатской диссертации.

Все годы моей работы на юридическом факультете кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности и кафедры криминалистики активно сотрудничали и взаимодействовали (теоретические семинары, выступления на конференциях, участие в защите диссертаций, совместные публикации) – этот творческий процесс, конечно же, обеспечивали уважаемые заведующие – В. А. Панюшкин и О. Я. Баев, а затем – М. О. Баев.

Как и все мои коллеги, я бесконечно благодарна Валентину Анатольевичу за атмосферу добра и света на факультете. Валентин Анатольевич был для нас образчиком интеллигентности, порядочности, ответственности. Его многогранный талант проявлялся и в том, что он был мастером компромисса, всегда избегал конфликтных ситуаций, каждую из них стремился разрешить максимально мирно, помогая всем. Это – бесценный дар, ведь бескорыстная любовь к людям дарована далеко не каждому. Валентин Анатольевич всегда старался понять, простить, поддержать, помочь...

Светлая память о Человеке с большой буквы, профессоре, заведующем кафедрой, декане юридического факультета ВГУ Валентине Анатольевиче Панюшкине всегда сохранится в душе и сердце у меня и моих коллег, у всех людей, которым посчастливилось быть знакомыми с ним.

Низкий поклон от всех нас, дорогой Валентин Анатольевич...

В ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

Могу ли я выразить словами всё, чем я обязан Валентину Анатольевичу? Именно с этого вопроса я начал писать свой очерк, а вернее, с полной уверенностью в отрицательном ответе на него.

Девять лет (начиная с первого курса) Валентин Анатольевич был моим научным руководителем. Под его началом состоялись моя первая научная публикация, первое выступление на конференции, первая зарубежная командировка.

Я отчетливо помню, как, будучи еще студентом первого курса, впервые обсуждал с Валентином Анатольевичем направление курсовой работы, направление, которое до сих пор является основным предметом моего научного интереса. Все желающие писать у него курсовую работу (а их было много) собрались в конференц-зале. Несмотря на это, Валентин Анатольевич поговорил с каждым из нас, поинтересовался, почему студент захотел поступить на юридический факультет Воронежского университета, какая тема ему была бы интересна. Я посчитал наиболее близкой для себя – адвокатуру, и Валентин Анатольевич помог сформулировать название темы. В этом не было никакого формализма или безразличия, при этом Валентин Анатольевич никогда не пытался изменить выбранное мною направление научной работы. Предоставляя свободу творчества, он всегда поддерживал и направлял мои усилия.

Валентин Анатольевич был мудрым научным руководителем, всегда тонко чувствовал людей. Это качество особенно меня поражало, каждый раз он находил нужные слова, всегда знал, как поступить. До настоящего времени в любой сложной ситуации я в первую очередь пытаюсь представить, что сделал бы Валентин Анатольевич.

Еще одна черта Валентина Анатольевича, которая навсегда останется в моей памяти: как он проводил занятия. Валентин Анатольевич читал лекции по-особенному. Сейчас я понимаю насколько сложно преподавать первокурсникам, какую степень контроля необходимо в себе выработать, чтобы не забыть пояснить какую-то, уже очевидную для себя, вещь, которая, тем не менее, еще не известна студентам. Вначале он досконально объяснял тему, и лишь удостоверившись в том, что у студентов нет вопросов, начинал диктовать материал для записи.

Я помню, как внимательно Валентин Анатольевич проверял документы, словно взвешивая каждое слово, написанное на бумаге. Его стиль изложения, пожалуй, невозможно перепутать. Я описал бы его слог как изысканный, но не вычурный.

Тема моего диссертационного исследования была сформулирована Валентином Анатольевичем. Он передал мне несколько десятков авторефератов по адвокатской тематике и дал задание определить тему моей будущей диссертации. Ознакомившись с предоставленным материалом, я написал на листке бумаги около пяти наименований тем и понял, что ни одно мне не нравится. Это был долгий и изматывающий процесс. Казалось бы, что может быть проще, чем придумать тему будущей работы? Однако я совершенно был не способен этого сделать. Придя на

встречу, я показал свои наработки Валентину Анатольевичу и понял, что ему они так же не показались удачными. Он сказал, что ему необходимо подумать, и попросил подойти к нему через несколько дней. Когда я встретился с Валентином Анатольевичем, он предложил ту самую формулировку, которая сразу же показалась мне идеальной.

Очень хорошо помню последний разговор с Валентином Анатольевичем. Этот разговор был сумбурным, я хотел поблагодарить его за поддержку, обсудить вопросы защиты, но не сумел правильно все сказать. Я разговаривал с ним по сотовому телефону, проходя мимо Кольцовского сквера. Столько раз я прокручивал в голове этот разговор. Я помню последнюю фразу, которую он сказал мне.

Мудрый руководитель, выдающийся ученый, прекрасный оратор – все это, вне всякого сомнения, Валентин Анатольевич. Но в первую очередь он мой Учитель. Я всегда чувствовал его поддержку, я чувствую ее даже сейчас...

Л. И. Малахова,
кандидат юридических наук, доцент ВГУ

ИДЕИ БУДУТ ЖИТЬ...

Впервые Валентина Анатольевича Панюшкина я увидела, будучи студенткой первого курса юридического факультета Воронежского государственного университета в рамках лекционного курса «Правоохранительные органы Российской Федерации». Он поразил меня и моих однокурсников краткостью и простотой изложения материала. Его лекции были удивительно интересны, заставляли думать и размышлять. На первом курсе под руководством В. А. Панюшкина написала курсовую работу, которая, по сути, и послужила началом дальнейших научных исследований.

В. А. Панюшкин обладал качествами настоящего ученого, наставника, руководителя. Отличительной чертой его исследований была связь с практикой уголовного процесса, нацеленность на практический результат. Из библиографического списка трудов видно, как много внимания уделялось научно-техническому прогрессу в уголовном судопроизводстве. Именно поэтому Валентин Анатольевич организовывал научно-практические конференции, посвященные проблемам теории и практики уголовного процесса. Очень много внимания уделялось приобщению к науке студентов.

Валентин Анатольевич Панюшкин руководил Ученым советом факультета и входил в состав Ученого совета университета. Хорошо известный представителям юридического сообщества, он укреплял общедоверительные и международные связи факультета, вел активную исследовательскую деятельность. Вспоминая о нем как о личности, следует сказать, что он был очень тактичным, пользовался большим авторитетом среди студентов и преподавательского состава.

Мне посчастливилось работать с Валентином Анатольевичем в государственной комиссии по защите выпускных квалификационных работ. Умение слушать студента, сопереживать, научно дискутировать – это те немногие качества, которые характеризуют его как руководителя и ученого.

Память о Валентине Анатольевиче жива в его книгах, его учениках, его идеи будут жить в нас, в наших научных исследованиях и трудах.

**М. В. Аузина, Н. В. Денисова, М. Б. Обухова,
И. С. Тройнина, Т. В. Шелудякова,**
секретари приемной комиссии юридического факультета ВГУ
2007–2013 годов

В. А. ПАНЮШКИН В ПРИЕМНОЙ КАМПАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ

За многие годы работы деканом В. А. Панюшкин провел более 25 приемных кампаний по приему абитуриентов, завтрашних студентов, на юридический факультет. Только за один год на очное отделение поступало более 600 человек, а ведь были еще и очно-заочная, заочная, очная и заочная в сокращенные сроки формы обучения, ДОСС и др. Всего приходилось обрабатывать более 2000 заявлений.

Зная, что от секретарей приемной комиссии во многом зависит, как пройдет набор студентов и вообще приемная кампания, он всегда относился к нам участливо и чутко, организовывал возможность слаженно и с комфортом трудиться, помнил даже незначительные просьбы, с пониманием реагировал на нештатные ситуации.

Каждый год декан проводил несколько встреч в форме собраний с абитуриентами всех форм обучения. И никому не было отказано в помощи или совете. К самим абитуриентам, а самое главное, их родителям В. А. Панюшкин относился внимательно и терпеливо, всегда выслушивал огромное количество вопросов, давал обстоятельные ответы, советовал, как поступить в том или ином случае.

Конечно, было немало курьезных случаев во время приемной кампании. Например, случай с потерей портфеля. Как-то раз Валентин Анатольевич пришел в приемную комиссию на очередную встречу с абитуриентами, оставил свой портфель с документами в нашей 320 аудитории, попросив М. Б. Обухову присмотреть за ним. Неожиданно Марину Борисовну вызвали к себе ответственные секретари приемной кампании. Уходя, она спрятала портфель в сейф, заперла его на ключ и забрала ключ с собой, не успев никому ничего сказать. Валентин Анатольевич возвращается, ищет портфель, а портфеля нет! Спрашивает у нас, а никто не знает куда мог подеваться портфель... Он заволновался, но тут вбегает Марина Борисовна, открывает сейф, достает портфель, возвращает его Валентину Анатольевичу, объясняя почему пришлось отлучиться. Валентин Анатольевич рассмеялся и похвалил Марину Борисовну за бдительность, назвав ее «истинным юристом».

Мы будем помнить В. А. Панюшкина как прекрасного руководителя, талантливого педагога и просто доброго и отзывчивого человека.

П. Н. Бирюков,
доктор юридических наук, профессор ВГУ

ПАМЯТИ СТАРШЕГО ДРУГА

С Валентином Анатольевичем Панюшкиным я познакомился при поступлении на юридический факультет ВГУ в 1983 году. Так получилось, что он присутствовал в приемной комиссии в момент сдачи документов. Я даже день запомнил – было 13 июля. Он задал мне какие-то уточняющие вопросы (как учился, почему поступаю на факультет). Тогда он мне показался очень взрослым и самым главным человеком на факультете, несмотря на свой молодой возраст. В иерархии тогда я не очень разбирался. Декан – профессор Л. Д. Кокорев – в мои 17 лет казался вообще небожителем и недоступным для общения с абитуриентом. Валентин Анатольевич, напротив, проявил живой интерес к моей судьбе и поддержал меня в момент сдачи сочинения (в то время я сильно болел). На первом курсе он вел семинары в моей группе и так сумел заинтересовать меня «правоохранительными органами», что я до сих пор не оставляю эту область знаний.

Я связал свою дальнейшую судьбу с кафедрой, которой руководил Виктор Степанович Основин. Отправляясь в аспирантуру Свердловского юридического института, я зашел к Валентину Анатольевичу и поделился этим известием. Он пожелал удачи и просил вернуться в ВГУ «с защитой».

Вернувшись в 1991 году, я поступил на кафедру государственного права и советского строительства и постоянно контактировал вначале с Валентином Анатольевичем (в качестве замдекана, а затем – декана). Он оказывал мне помощь в публикации моих работ, поддерживал меня при защите докторской. Финансовая помощь факультета в тот момент была очень кстати.

Валентин Анатольевич поддержал меня, когда встал вопрос о выделении кафедры международного и европейского права. Мы много общались, решая различные организационные моменты, и всегда он советовал решение, которое в итоге оказывалось правильным. Думаю, без его деятельного участия возглавляемая мной кафедра на факультете не появилась бы.

А как он радовался каждой защите, находя время в своем сложном графике посетить заседание диссовета и послушать выступление наших аспирантов и преподавателей! Успехи каждого сотрудника он воспринимал как успехи всего факультета.

На всю жизнь мне запомнилось его любимое выражение, которое он говорил в сложных ситуациях: «Решим этот вопрос по-доброму». По-моему, он вообще старался все вопросы решать «по-доброму». И в крайних случаях когда, как говорится, «все средства были исчерпаны», и кому-либо помочь не удавалось, он произносил свое знаменитое «в силу разных обстоятельств».

Валентин Анатольевич был добрым, искренним и отзывчивым Человеком. Таким он мне и запомнился.

И. Г. Савицкая,
кандидат юридических наук,
доцент Воронежского института МВД России

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ В. А. ПАНЮШКИНЕ

Первое общение с Валентином Анатольевичем Панюшкиным у меня состоялось, когда я стала студенткой I курса юридического факультета ВГУ. Профессор В. А. Панюшкин вел у нас занятия по дисциплине «Правоохранительные органы». Его доброжелательное отношение к аудитории, высокий профессионализм вызвали неподдельный интерес к его лекциям. Уже после первого занятия, этот предмет для меня и моих сокурсников стал одним из любимых, поскольку Валентин Анатольевич произвел на нас незабываемое впечатление. Для меня впечатление было настолько сильным, что повлияло в дальнейшем на направление моей профессиональной деятельности. В ходе подготовки курсовой работы по уголовному процессу в библиотеке университета мне попала в руки монография В. А. Панюшкина «Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство: правовые аспекты»¹. Передовые идеи, изложенные в монографии, связанные с необходимостью использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве, во многом определили в последующем область моих научных интересов. Применение специальных знаний, научно-технических средств, участие эксперта, специалиста в уголовном судопроизводстве, стали темами моих курсовой и дипломной работы, а после и диссертационного исследования. В настоящее время, я преподаю на кафедре уголовного процесса Воронежского института МВД России дисциплину «Правоохранительные органы», как на протяжении многих лет преподавал ее и Валентин Анатольевич. Универсальный характер лекций В. А. Панюшкина, глубина и разносторонность сообщаемых им научно-практических сведений дали мне возможность теперь глубоко понимать любимый преподаваемый предмет – «Правоохранительные органы».

Теплые воспоминания о Валентине Анатольевиче для меня и для тех, кто его знал, связаны с ним не только как с авторитетным ученым, педагогом, руководителем, который на протяжении почти трех десятилетий возглавлял юридический факультет ВГУ, но и как с тактичным, воспитанным и светлым человеком. Уверена, что профессор В. А. Панюшкин навсегда останется в памяти бывших студентов Воронежского государственного университета, его коллег, друзей и всех, кто знал этого прекрасного человека.

¹ См.: *Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство : правовые аспекты* / под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1985.

© Савицкая И. Г., 2018

Жан-Леон Жером. «Фрина перед ареопагом» (1861)

Ох, уж эти греки! Чего только не напридумывали, чтобы остаться в вечности!..

Вот уже две с половиной тысячи лет любой вопрос из «матрицы» гуманитарного знания традиционно начинается с обращения к золотому сечению Античности. Наследие греков – нервный узел всего человечества, в каждой болевой точке мы ощущаем отзвуки такой далекой, но не позволяющей себя забыть вечной Эллады.

Не стало исключением и правосудие: легендарный суд присяжных – гелиэя, законы Солона, своеобразие остракизма как меры пресечения и, конечно, первый процесс над совестью – суд над Сократом, разделивший сущее и должное в искусстве Правосудия.

Античность пронизывает своими аллюзиями даже, казалось бы, не свойственные ей проблемы современного уголовного процесса – как, например, *вопрос о допустимости доказательств*.

Предание гласит: знаменитая афинская гетера Фрина была одной из самых известных женщин Античности. Красота ее была столь совершенной, что одно только это позволило бы ей навечно остаться в истории. Гениальный скульптор Пракситель, боготворивший гетеру и дерзнувший впервые изваять фигуру Афродиты полностью обнаженной, сделал Фрину своей моделью. Слава о доселе невиданной скульптуре Афродиты, прозванной Книдской (по месту нахождения ее святилища), разлетелась по всей Элладу. Тысячи паломников молились и восхищались божественной красотой самой знаменитой статуи богини любви.

Однако обнаженное тело богини было абсолютным табу для классического периода Античности, а стало быть, – вызовом нравственным устоям греков. К тому же в образе богини явно просматривались черты знаменитой куртизанки. Скандал был неизбежен! Фрину обвиняли в оскорблении установленного культа, безбожии, и развращении выдающихся граждан полиса, в том, что она «отвращает их от службы на благо Отечества».

Настал день суда. Испуганная, растерянная Фрина предстала перед сурово

настроенным афинским судом. Защищал ее прославленный оратор Гиперид, однако речи его не затронули души присяжных, и он решился на необычный тактический ход. Адвокат сдернул с подсудимой одежды... Обнажение Фрины в суде произвело ошеломляющий эффект. Ведь красота гетеры, ее совершенное тело не могли таить в себе преступную душу! Фрину оправдали.

Этот античный сюжет стал уместным прецедентом для оправдания стиля ню в искусстве. К нему обращается и прославленный французский живописец Жан-Леон Жером (1824–1904), когда в 1861 году пишет «Фрину перед ареопагом». Художник нарочно меняет судебную инстанцию с «гелиэи» на «ареопаг», полномочия которого к V в. до н. э. были существенно ограничены. Объяснение вполне рациональное – Жером замыслил отразить эмоции не сотен присяжных-гелиастов, а лишь трех десятков архонтов. И это ему удалось: в лицах судей представлены все возможные реакции на обнаженное женское тело – от радостного восхищения и интимного вождения до страха и раздражения.

Нас же сегодня история Фрины, а вернее процесса над ней, заставляет задуматься о допустимости подобного рода «процессуальных приемов». Возможно ли само проведение подобного освидетельствования, сопровождающегося обнажением лица в суде, если это путь к установлению истины? Как быть с явными нарушениями уголовно-процессуального закона о недопустимости присутствия лиц другого пола при освидетельствовании (хотя история и не оставила протестов судей), а уж тем более с фиксированием такого способа доказывания (хотя и два тысячелетия спустя)? Чем следует руководствоваться субъектам доказывания? Адвокатским долгом в использовании любых средств в интересах подзащитного или же «моральными устоями» процессуальной формы? Да, греки смогли завести неостановимый маховик этой вечной проблемы процесса – соотношение частных и общественных интересов в правосудии...

Ох, уж эти греки!..

Д. Зотов